

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

ПАУТИНА
(сборник повестей и рассказов)

2014

Оглавление

О книге	3
Повести	5
Братья Григорьевы, или семейная идиллия	5
Паутина	28
Рассказы	47
Маршальский жезл	47
Игорь	49
Коммунальная квартира	53
Ошибка судьбы	58
Тайная страсть	62
Эта страшная сила любовь	65
Связь	67
Правда	69
Случайность	70
Рецепт счастья	73
Найти себя	75
История	80
Вечный бег вперед	85
Стремление к истине	89
Мечты Семена Шпильмана	92
Апрелев	95
Девушка мечты	99
Неизвестность	103
Почти подарок судьбы	106
Сомнения Марата Зязикова	108
Фантасмагория	113
Трах	116
Решимость жить	120
Приближение счастья	123
Секс-маньяк	127
Настройка	131
Кукла	133
Перестраховщик	136
Ни о чем не жалею	138

С. А. Зелинский

Паутина. Сборник повестей и рассказов.

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

О книге.

«Весь мир – театр. В нем женщины, мужчины – все актеры».

Шекспир

С.А.
Зелинский

Паутина

СБ.ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

2014

Повести

Братья Григорьевы, или семейная идиллия

«Весь мир – театр. В нем женщины, мужчины – все актеры».

Шекспир

Глава 1

Григорьев понимал, что он себя, в общем-то, запутал сам.

И сам виноват, что не может найти выхода.

Причем, зачастую, выхода в ситуациях, в которые раньше попросту не попадал. Как ни удивительно, это было так. Больше того. Эти ситуации раньше даже не могли и возникнуть. Это исключалось. Самим фактом существования и Григорьева, и, наверное, даже специфики ситуаций. Ведь часто получается так, что существует определенная категория людей, которая попросту не попадает в какие-то ситуации. И те (ситуации) словно проходят стороной. Обрекая на страдания других. И оставляя без своего ужасающего внимания «избранных».

Евгений Григорьев не мог поручиться, что он принадлежал к этим избранным. Просто все складывалось так, что жизнь ему доставалась легко. Он не задумывался о том, что будет с ним завтра-послезавтра. Так же как не помнил, что было вчера. Да и зачем ему было об этом думать? Причем, совсем даже не потому, что за него думали другие. Нет. Женя Григорьев всегда любил думать сам. Даже, может быть, размышлять.

.....

Размышлял Женя обо всем. В его размышлениях не прослеживалась какая-то конкретная линия. Как-то выходило, что в один из дней он вдруг начинал чувствовать, что находится на пороге каких-то удивительных мыслей. Быть может даже открытий.

Что это было, и о чем, собственно, будут эти гениальные мысли-открытия, Женя не знал. Конечно же, не знал. Да и откуда он мог знать? Ведь все равно все, большей частью, случалось внезапно. Григорьев занимался какими-нибудь повседневными делами. И вдруг – озарение. И в его мыслях случалось какое-нибудь открытие. Ему становилось тут же интересно. Еще бы. Почему? Как? Что будет после?.. Задавал себе вопросы Григорьев. Ему непременно хотелось что-то выяснить, докопаться, быть может, до глубин...

Но чтобы столь глубоко копать, Григорьеву нужно было залезть в свое подсознание. Чего делать ему не хотелось. Он боялся. Боялся невольно выпустить нечто страшное. Что до времени скрывалось там. И без наличия чего, в своей сознательной жизни, ему очень даже хорошо жилось. Но вот если оно внезапно выпрыгнет («а оно непременно выпрыгнет,-- рассуждал Григорьев,-- если он только откроет засовы души»), то уже все в его жизни может пойти по-другому. Наперекосяк. И этого Евгений очень боялся.

Он боялся также темноты, огня, и вообще стихийных бедствий. Любых. Причем он совсем не боялся умереть. Уже два раза Женя пытался покончить жизнь самоубийством. Причем весьма сознательно. У него было такое желание. Хотя и до реального его воплощения дело, конечно, не дошло. В последний момент Григорьев подумал, что умирать сейчас было бы слишком глупо. Рано. Слишком рано. Тем более, что он как-то до сих пор и не разобрался в собственных мыслях-желаниях. Мыслях -- и тайных желаниях. Тайных мыслей -- и скрытых в подсознании желаний.

Желания у Евгения все больше носили сексуальную подоплеку.

Иногда в своих мыслях Григорьев соглашался с собой, что он законченный негодяй и сексуальный развратник. Ему хотелось насилия. Над женщинами. Причем, даже совсем необязательно насиловать ему. Пусть выебут его они. Набросят удавку на голову, свяжут руки-ноги, привяжут к кровати, и, приведя в возбужденное состояние его член – станут Григорьева насиловать. Много и без стыда.

От подобных мыслей у Жени Григорьева всегда вставал член. Он рисовал в своем воображении все то, что эти многочисленные женщины будут делать с ним. И что он, Евгений Григорьев, будет вытворять с ним после. Когда долгожданное лидерство перейдет к нему. И уже будет ебать их он, а не они – его.

От подобных мыслей Григорьеву иной раз становилось страшно. Притом что он совсем даже был не пугливым человеком.

Удивительно, но когда дело касалось наличия какой-то опасности (даже только теоретического возникновения ее), Григорьев не боялся. Он сразу внутренне как-то мобилизовался. Ему становилось даже на удивление приятно. А еще – легко и свободно. Он словно начинал существовать в новой, совсем иной плоскости восприятия этой жизни. Ничто его не отвлекало от осознания существования какой-то истины. Истины, которую он даже и не искал,-- зная что она есть. Существует. А ему становилось как-то уж очень свободно, что это было так.

И совсем не нужно было Григорьеву предпринимать над своими мыслями какое-то усилие. Все выходило словно само собой. Жизнь принимала четко очерченные горизонты. Ну, или быть

может наоборот – выходила из горизонтов собственного восприятия действительности. И перед ним открывались какие-то уж и вовсе бескрайние просторы. Все становилось понятно. Не нужно было ни от чего скрываться. Все что могло произойти – происходило. Все что когда-то только теоретически предполагалось – свершалось. Все свершалось. И даже если на самом деле этого все же не происходило, Григорьеву казалось, что наоборот – оно уже произошло. Непременно произошло. Просто по каким-то причинам он этого, быть может, не заметил.

А может и не обратил внимания. Думая...

Он сам порой терялся, о чем он при этом думает. О чем? Женя не знал. Он иногда вдруг убеждался, что что-то совсем даже не понимает.

И самое интересное, что ему, по сути, нравилось пребывать в таких вот состояниях. По крайней мере, он совсем не искал возможности избавления от них. Быть может даже -- наслаждался наличием их. И совсем не хотел, чтобы они куда-нибудь исчезли.

«Они не должны исчезнуть»,--не раз повторял про себя Григорьев.

Подобное он мог проговаривать и в слух. Ему казалось, что все что происходит, непременно должно случиться. Непременно. Да и вообще можно предположить (и подобное иной раз «предполагалось» в его воображении), что Григорьева выбрали в качестве некоего передаточного звена. И о настоящем своем предназначении он даже не знает. Совсем не знает.

.....

Порой Григорьеву казалось, что он сходит с ума. Это на самом деле было не так. Евгений закончил медицинскую академию по специальности клиническая психология. Отличить сумасшедшего от более-менее нормального индивида он мог. К тому же его родной брат, Вячеслав, был психиатр. Работал в психо-неврологическом диспансере. Если бы он что-то почувствовал – сказал. Его брат был циник и хам. Ему были безразличны все люди, кроме него.

Большой радостью было для Вячеслава находить в людях какое-нибудь психическое отклонение. Стоило ему только обнаружить подобное, он сразу преображался. Из внешне меланхоличного человека Вячеслав превращался в параноика. Или вообще – психопата. Евгений подозревал, что его брат психопат. Но, будучи знаком с проявлением симптоматики психических заболеваний – просто умело подстраивался под адекватно воспринимающего реальность человека.

На самом деле это был только поверхностный пласт, заметным окружающим. В своей же душе Вячеслав, стоило ему только определить в собеседнике какое-то психико-неврологическое (или хотя бы только пограничное) состояние, становился таким же больным. И ничего не мог с собой поделать. Умело мимикрируя только на людях. А когда оставался один – мучился кошмарами.

И с возрастом все чаще случалось, что какое-то время он вполне спокойно выслушивал пациента (обычно со скептической улыбочкой, все понимающим взглядом, и скрещенными на груди руками), а потом, когда тот уходил, уже не мог себя сдерживать. И в своем поведении Вячеслав с точностью повторял только что поставленный другому диагноз.

Причем мог находиться он в таком состоянии достаточно долго. Порой сутки. А потом все исчезало. Внезапно. Так же неожиданно, как и начиналось – позже -- вновь.

Хотя иногда бывало, что ничего не начиналось. Пациент уходил, а Вячеслав оставался таким же. Потом начинал недоумевать. Потом начинал ругаться (обычно он ругался матом), что в его жизни происходит что-то непонятное. Он не изменяется. Остается нормальным. И даже не то, что он хотел стать, пусть и на время, ненормальным. Нет. Просто выходило так, что Слава привык к своим новым состояниям. Привык к возникновению их. Приучил себя, что они должны непременно периодически происходить.

Впрочем, когда они не происходили они – Слава сам вызывал их. Поначалу искусственно. А потом уже все случалось как бы и само собой.

И уже совсем невозможно было от этого избавиться. И следовало просто принимать сей факт как свершившийся. Как нечто обязательное и непреложное к существованию самой жизни. И к наличию в этой жизни его, Вячеслава Григорьева. Родного брата Жени Григорьева. Тоже, по сути, сумасшедшего. Городского сумасшедшего.

Не знаю как сейчас, а раньше существовала подобная категория людей. Городские сумасшедшие. В какой-то мере образ городского сумасшедшего выведен в Чеховской палате № 6. Там один из таких сумасшедших разгуливал по городу, вокруг него бегали дворовые мальчишки.

Когда шел по улице Вячеслав, мальчишки вокруг него не бегали, не дразнили, и не насмехались – только лишь оттого, что внешне Вячеслав совсем не был похож на придурка. Одевался он пусть не модно, но всегда опрятно. Обычно на нем был выдавший виды костюм. Пиджак застегнут на все пуговицы. Какой-нибудь неприметный галстук. На ногах, в зависимости от погоды, туфли или ботинки. Проживал Вячеслав вместе с братом в Санкт-Петербурге. Вячеслав жил в самом центре, на канале Грибоедова. А Евгений тоже в центре, на улице Моховой.

У Вячеслава была отдельная квартира. Евгений жил в коммуналке.

Они были почти одного роста. Высокие, крупные, с пышными усами и шевелюрой, когда находились вместе братья походили на эдаких клоунов-шоуменов. Потому что у них у обоих было на удивление простое, и даже немного глуповатое, выражение лица. Странно, но это было так. Притом что всем было вполне понятно, что подобное выражение лица обоих братьев совсем не отражало истины. Дураками братья не были. А сами себя даже считали умными. Более того. Каждый из них считал себя умнее другого. Ну, так уж выходило...

.....

Между братьями было четыре года разницы в пользу Вячеслава, он был старшим.

При этом тридцатисемилетний Евгений казался старше Вячеслава. По виду Жене можно было дать сорок три – сорок пять, а Славе – начало тридцати. И не потому, что был он инфантилен. Просто так выглядел.

Вообще-то мне всегда казалось, что братья выглядели как придурки. Ну, быть может, походили на них. Хотя, конечно же, таковыми, наверное, не были. А уж то что казалось мне... Да и причем здесь я. Речь-то не обо мне...

.....

Евгений любил своего брата. И не только его. Ему вообще нравились люди. Разные люди. К одним он испытывал большую симпатию, к другим меньшую, но то, что люди ему больше нравились, чем не нравились, было не переменным фактом действительности. Женя вообще был добрым и общительным человеком.

Иногда он становился очень добрым.

Подобное обычно происходило, когда у него что-то получалось. Ну а так как в большинстве случаев получалось всегда, то и весел он бывал чаще обычного. Тем более что был у него и свой секрет веселья. Три раза в день, утром, днем, и вечером Женя принимал по 50 граммов коньяка. Для повышения жизненного тонуса.

Иной раз он слегка переусердствовал. И тогда веселость его зашкаливала. А он ходил пьяный и шальной. Постоянно шутил и смеялся. Да и вообще -- радовался жизни. Ну, не унывал, по крайней мере. Не любил он унывать. Так же как приветствовал веселость и в других. Даже, быть может, наслаждался этой веселостью. Да это, в общем-то, так и было. Евгений радовался жизни. Все вокруг радовались за него. Был счастлив он. Был счастлив его брат.

Хотя, по большому счету, Вячеслав не разделял такого уж оптимизма брата. И иногда ему казалось, что его дела и вовсе идут из рук вон плохо. В таких состояниях он очень переживал и хотел повеситься. Жить ему не хотелось.

Потом все происходило. Причем, зачастую столь неожиданно, что переход между тревогой и радостью он не замечал. Казалось, только что сидел, беспокоился, почти что плакал,-- а потом вдруг происходила вспышка радости. И он начинал смеяться. Иной раз дико смеялся. И в таких состояниях, конечно же, походил на сумасшедшего.

Мне почему-то кажется, что себе он тоже казался сумасшедшим. По его глазам я замечал, что Евгений все понимал. Иной раз даже более чем.

Но вот что было точно, он в этом никогда бы себе не признался. И здесь, наверное, высвечивается еще одна занимательная особенность характера Жени. Он был очень скромным человеком. Иногда становился скромным невероятно. И стеснялся и боялся при этом даже сам себя. Шарахался от тени. Извинялся перед упавшим с дерева яблоком (явно чувствуя в этом свою какую-то вину). В общем, представлял из себя самую любезность.

И, конечно же, переживал от всего этого. Да и не мог не переживать. Он был не такой как все. Наверное, знал об этом. Но себе не верил.

Вячеслав старался всячески поддерживать брата. Часто поддержка сводилась к совместному распитию спиртных напитков. Они напивались и ругались. Вернее, Вячеслав делал так, что бы ругался на него Евгений. Тем самым он повышал его значимость. Словно бы давал понять, что главное все-таки Евгений. А он, Вячеслав, хоть и является страшим, но готов во всем подчиняться.

На удивление, подобный расклад иногда не устраивал самого Евгения. В нем словно бы боролись два начала. По одному из них он хотел быть счастливым и удачливым. По второму ему нравилось страдать. И он был не в состоянии избавиться от ощущения несчастья, в котором находился, искусственно себя в него погружая.

Подобное состояние было достаточно странным. Ему хотелось... в таком состоянии ему мало что хотелось. Но... он наслаждался этим состоянием. И не собирался из него высвободиться.

Все происходило так, словно бы это и должно так быть. И продуманно заранее до мелочей.

Это была своеобразная игра. Игра, правил в которой не существовало.

Так же как, быть может, и не существовало самой игры. Уж слишком все было непонятно. Уж слишком непродуманными иной раз оказывались последствия. Уж слишком все казалось нелепым и непредсказуемым. Странно... Слишком странно...

.....

Евгений не искал спасения из своих депрессивных состояний. Если они случались, он пребывал в них, считая, что попросту так должно быть. И если суждено этому состоянию исчезнуть, значит, оно исчезнет. Если же пока оно было, значит... Значит само подобное состояние служит неким знаком того, что на Евгения возложена какая-то миссия.

Какая? Этого он не знал. Но верил, что в ближайшее время тайна откроется сама. Ну, или он увидит нечто, что сподвигнет его на разрешение загадки. Разгадки тайны. Ведь это, по большому счету, была тайна. Настоящая тайна. Пусть и значение и смысловая составляющая ее были несколько иными, чем (можно предположить) было на самом деле. Для Евгения это было, в общем-то, безразлично. Его, если хотите, интересовал сам процесс. Сложный и удивительный. А значит, он верил, что все будет более чем хорошо. А то и действительно великолепно.

Ну а пока он будет страдать,-- тем временем пройдет какое-то испытание. После чего встретит радость уже переродившимся человеком. Так это было. И он в это верил.

Вячеслав, когда находил брата в таких состояниях, считал, что с ним происходит настоящая беда. И бессознательно стремился его спасти. Пока не подтвердились его предположения: Евгений сам хотел оставаться в таких состояниях. Они ему нравились. Он находил, что они даже ему необходимы.

Что могло показаться странным, потому что Слава видел, что Женя при этом страдал. Действительно страдал.

А Вячеслав переживал от того, что ничем не может ему помочь. Так выходило, что и действительно ничем. Хотя, конечно же, знал, что помочь в состоянии. Надо только чтобы его брат этого захотел. И он ему поможет. Поможет словом. Поможет с помощью лекарств. Сила современной фармакологии как врачу была ему известна.

Но в том-то и дело, что Евгений не хотел. Он только грустно улыбался в усы. И глаза его оставались такими же грустными. Но от помощи отказывался. Даже пытался шутить.

--Ты идиот,--как то сказал Слава брату. Я всеми силами стремлюсь тебе помочь, а ты удивительнейшим образом избегаешь моей помощи. Почему?

--Видишь ли...

Обычно дальше Женя не продолжал. Ему было очевидно как происходящее с ним, так и его собственная реакция на это происходящее. Было лишь удивительно, что этого не видел его брат.

--Я не только не хочу этого видеть, но и мне ты порой кажешься наглым ухмыляющимся идиотом,--бывало, взрывался негодованием Вячеслав.—Ведь более чем явно...

--Более чем явно, что ты лезешь не в свое дело,--перебивал его брат.—Лечи своих больных. А я здоров.

--Ну, конечно же... здоров...--ухмылялся Вячеслав.

На этом диалог с братом обычно заканчивался. Верить, что его брат и на самом деле умышленно стремится только к плохому, Вячеслав не хотел. Но как-то складывалось все именно

так. И Славе Григорьеву было трудно избавиться от предчувствия, что если еще немного он пообщается с братом, то станет точно таким же. Пусть и на время, но у него начнется схожая симптоматика. Чего, естественно, Вячеслав не хотел. И к нему уже подкрадывалась грусть, что это так может случиться. И даже казалось, что непременно так и случиться. И ничего нельзя будет изменить. А то и никак не удастся из подобного состояния высвободиться. А значит, кроме ощущения надвигающейся опасности, ему больше ничего будет и не почувствовать. И уже предстоит бороться за свое существование. За свободу своего существования. Ибо, что это еще было, как не свобода. Вернее, свободой называлось то, что с ним происходило сейчас; и то, что будет после излечения. А уж если он заболеет (психически заболеет), то...

Вячеслав не хотел думать, что будет в этом случае. Но он допускал, что будет что-то не очень хорошее. А значит просто следовало делать все, чтобы подобные состояния наступили.

Что почти означало, что ему необходимо было меньше общаться с братом. Когда у Евгения подобные депрессивно-меланхолические состояния пройдут, с ним общаться было можно, и даже, быть может, нужно. Но пока с его уст срывается явный негатив, делать этого не следовало.

Евгений и сам радовался, когда из его сознания исчезал патологический цинизм. В таком случае уже все становилось по-другому. А он радовался жизни. Верил во что-то доброе. И даже не только верил, но словно и сам становился по-доброму светел. Радовался жизни. И... ждал новой депрессии. А когда наступление ее затягивалось – вызывал ее. Начинал думать, что все плохо и будущего нет. И тот час же из его бессознательного выползло все это безобразие. А ему и на самом деле становилось грустно.

Бесперспективность – вот то, что начинало подспудно диктовать свои условия.

И он начинал верить (неосознанно), что плохое действительно к нему придет. И даже уже пришло. А значит еще немного, и оно начнется.

Глава 2

Валентина Мишина была любовницей обоих Григорьевых. Но они не знали что обоих. И по наивности каждый из них считал эту девушку своей невестой.

Вале было двадцать три. Длинные рыжие волосы. Длинная, худая и нескладная фигура. И при этом какая-то по особенному приятная блядинка в глазах. И большой рот. И некрасивое мужское лицо. И динамит между ног.

Ни Евгений, ни Вячеслав не понимали, что каждому из них нравилась в Вале больше. Тайно каждый из них хотел на девушке жениться. Никто из них ей об этом не говорил. Только намекали. Но и Славу, и Женю смущала большая разница в возрасте. И, по сути, им с Валею было неинтересно. Все что им в ней было интересно, это ее рот, попа, и то, что скрывалось у Вали между ног. В каждую из этих частей они любили входить своим членом. Конечно же, когда кто-то из них оставался наедине с девушкой. Хотя, случалось, Валя приходила к братьям, когда они были вместе (пили, например, или играли в шахматы). И под надуманным предлогом вызывала одного из них в другую комнату. Там делала ему минет. Потом вызывала другого. И делала тоже самое.

Никто из братьев, из ложной скромности, не признавался другому, что только что произошло с ним. Хотя по их виду и так все было заметно. Уходили они с Валею напряженные, и немного даже встревоженные. А возвращались с какими-то поистине умиротворенными лицами. А вот взять бы им, например, да и оттрахать Валентину на пару. Да и девушка этого хотела. Но как-то стеснялась предложить.

.....

Валя Мишина была фотохудожница. По сути, фотохудожница была никакая. Но в журнале, где она работала, ей платили достаточно высокую заработную плату. Чему Валя искренне радовалась, считая это заслугой ее таланта. На самом деле если и был у Вали какой-то талант, то скрывался он между ее длинных ног. А главный редактор выписал ей повышенную зарплату потому, что был пожилым честным человеком. И считал, если его сотрудница изредка сосет у него член, то он должен за это ее как-то отблагодарить.

Он не покупал ей подарков и не давал денег просто так (хотя ей, иной раз, этого очень хотелось). Он периодически повышал ей оклад. Считая, что девушка будет вполне в состоянии сама купить себе что пожелает.

При этом редактор ее немножечко ревновал. И зная об этом, Валя на всякий случай сказала ему, что любит только его. Понимая, что это только еще больше повысит ликвидность ее акций, и совсем не приведет ни к каким последствиям. У редактора была пожилая некрасивая жена и взрослые дети. Еще у него был внук. Внук был ровесник Вали. Вале было на это наплевать. Сосать у редактора она считала своим долгом. Хотя, конечно, ей необходимы были и эти повышения зарплаты. Валя хотела быть самостоятельной девушкой. Ни от кого не зависеть. Она и так зависела от многого. От мужского члена, например. И как только видела любого обладателя мужского достоинства, Вале тут же хотелось взять у него в рот. Пососать. Хотя бы немножечко.

Когда это случалось, она успокаивалась. У нее снималась, так иной раз раздражающая ее внутренняя тревожность. И девушка чувствовала уверенность. Уверенность давала ей власть над мужчинами. Только откровенные придурки, после того как у них пососали хуй, продолжают

оставаться придурками. Большинство мужчин оказывались ей благодарными. Старались сделать какие-нибудь подарки, или незаметно положить в сумочку деньги.

Суммы разнились. Кто-то мог положить пятьсот рублей, а кто-то и сто долларов. При том что кое-кто из них мог щедро отстегнуть несколько стодолларовых бумажек.

И ведь при этом Валя не стояла на панели. Все ее любовники искренне считали, что Валя любовница только их. Она наврала им, что от журнала часто ездит в командировки. За границу. Потому жила вполне свободной жизнью, отдыхая от недавних любовников, и заводя себе новых. Разве что была опасность где-нибудь с ними случайно встретиться. Поэтому, из предосторожности, Валя дважды не заходила в один и тот же ресторан или ночной клуб, где уже бывала раньше с кем-то из мужчин. А если находилась в питейно-развлекательном заведении, старалась уговорить своего очередного любовника снять кабинет. Намекая ему, что оттрахать он ее сможет прямо там. И делала характерные движения губами. Не оставляя такому мужчине повода для сомнений.

Мужчины Вале попадались все больше понимающие. Поэтому ни разу за время своего блядства Валя не попалась. А гулять она стала с шестнадцати лет. Причем первый раз переспала с мужчиной уже в четырнадцать. С двенадцати до четырнадцати у нее в постели были только мальчишки. Секс с которыми был поспешен и неинтересен. Но до невероятности развратил Валу. И в свои двадцать три года она представляла из себя настоящую маленькую потаскушку. Но ничуть не обижалась на подобное мнение, складывающееся о ней. Потому что прекрасно знала, что нужно мужчинам. И в любой момент согласна была сделать им приятно. Для нее это было как выпить стакан воды. Или покушать сметану.

Сметану девушка не очень любила. Из всех форм сексуальных удовольствий она предпочитала минет. И стоило только на ее горизонте появиться мужчине, как губы ее уже непроизвольно вытягивались, глазки мечтательно закатывались, а руки тянулись к хую. И посредством нехитрых манипуляций словами и жестами она и действительно вскоре получала этот хуй. И испытывала от этого только радость. Ничего кроме радости.

.....

При всем своем странном поведении Валя могла сама себе показаться интересным человеком. Да даже и не только себе. Иногда ее находили такой и мужчины. Пусть в число таких мужчин не входили братья Григорьевы. Но могу уверить, что и без них хватало особей мужского пола, которые спали с Валей. Причем некоторым из них это нравилось настолько, что они вполне готовы были на Валентине жениться. И если бы она позвала их, они бы согласились.

Но Валя не звала. Она не хотела связывать себя отношениями с каким-то одним мужчиной. Ей нравились разные мужчины. И, наверное, она бы никогда не смогла остановиться на ком-нибудь одном. С одним мужчиной ей было скучно. Так она могла варьировать между различными членами

и темпераментами мужчин. Каждый раз перед ней открывались новые лица, строились новые отношения, она рождала в мужских головах новые эмоции; и вообще для нее все было по-новому. Чуть ли не каждый день.

И ее устраивало подобное разнообразие. И даже не то чтобы устраивало, но она и вовсе без этого не могла. Была не в состоянии жить. Без нового члена и мужского темперамента. Вообще без чего-то нового. Новизна ее возбуждала. Давала ощущение жизни. И какой-либо критический аспект ее не устраивал. Он был не нужен. Девушка вполне обходилась и без какой-то критики. Да и любая критика на самом деле была для нее неприемлемой. Только она знала себя. Никто не способен был поручиться в том, что знает ее лучше. А раз так, то какого, собственно, черта ее должны критиковать, рассуждала иной раз девушка.

Подобные рассуждения случались не часто. В большинстве случаев девушка радовалась жизни. И даже не считала, что в этой жизни должна что-то изменять. Ведь можно было предположить,--рассуждала иной раз она,-- все было предопределенно.

Девушке было неудобно признаваться, что порой она верила во всякую ерунду. В глубине души, быть может даже, это ерундой не считая. Да и по сути, она всегда считала, что смогла отличить ерунду от не ерунды. И даже часто в такие минуты рифмовала слово «ерунда» с другим словом. Из ненормативной лексики. Словом, оканчивающимся на «я», и являющимся производным от матерного обозначения мужского достоинства. Девушка любила иной раз загадывать себе подобные шарады, играя со словами, и чувствуя от этого... Черт ее знает, что она на самом деле чувствовала. Наверное какое-то (только ей известное) удовлетворение собой. Потому как, когда у нее ничего не получалось (ну, в смысле, не рифмовалось) девушка начинала ругаться матом. И была страшна в своем гневе. Пока, впрочем, на ее горизонте не появлялся какой-то мужчина. С которым она тут же начинала предаваться самым... ну, в, общем, извращениям всяким.

После чего наступала гармония. Да и вообще – все и всех устраивало.

.....

Удивительно, но если на первый взгляд кому-то казалось, что Валя ничего из себя не представляет, то уже потом все менялось. И казалось она даже очень интересной девушкой. Причем, как ни странно, подкупала именно ее наивность. За эту наивность ее хотелось ебать. Тем более зная, что она и сама более чем жаждет этого же самого. Траха. Откровенного траха. Без условностей и без ограничений. Табу в ее сексуальных отношениях с мужчинами не существовало. Секс не только ставился во главу угла, но и возносился до невероятных высот, меняя девушку до неузнаваемости.

В отношениях с мужчинами ей и действительно был нужен только секс. И она трахалась, не считая предубеждением самой говорить мужчине, что этого хочет.

Некоторые мужчины от подобного напора терялись. Но почти всегда соглашались. Считая, что им вроде как и незачем отказываться. Тем более о том, что они переспят с этой девушкой, никто не узнает. Да ведь и не уродина она была какая-то. Когда ее выводили на публику, сопровождавшие девушку мужчины ловили похотливые взгляды других самцов. И понимали, что если не они, с Валей охотно переспят и другие. Поэтому, рассуждали, уж лучше пусть будут они.

.....

Валю ебали, а ей нравилось. Ебали часто. Так часто, что со временем ее половая щель могла расшириться до размера футбольного мяча. Но девушка на удивление искусно варьировала, предоставляя все новые места для проникновения в ее тело мужчин. Да и, признаться, вагина ее имела некую удивительную особенность. Несмотря на достаточно частое проникновение в нее мужчин, она оставалась узкой как у девушки, только вступившей в половую жизнь. Что, бесспорно нравилось мужчинам. Тем более Валя иногда сводила ноги, дождавшись пока между ними заберется тот или иной мужчина. И начинала стонать так, что кончить способен был даже пожилой мужчина, или мужчина со слабой потенцией и вялым членом. Член мужчины вообще преобразовывался, стоило ему попасть в укромное местечко, именуемое пиздой. Он, член, наливался какой-то неестественной упругостью. И без того чтобы не кончить, мужчины от Вали не уходили. Они извергали в нее свое семя, кричали от радости и наслаждения, испытывая очень сильный оргазм. Девушка от этого всегда оставалась довольна. Уже давно для нее было главным угодить мужчине. Сама она кончала всегда и не раз. Она кончала даже когда сосала ваш член. А уж когда вы начинали дрючить ее по настоящему, количество Валиных оргазмов превышало все мыслимые пределы. Она кончала и пела от радости. И от наслаждения. Невероятного наслаждения.

Валя считала, что жизнь создана для наслаждений. Лучше когда эти наслаждения носили сексуальную окраску. И девушка искренне стремилась во что бы то ни стало эти наслаждения получить, и дать другим.

Глава 3

Женя Григорьев, на самом деле, никого не любил. Просто так получалось, что он как-то давно решил начать играть в некую игру. Игра называлась жизнь. Ну или еще верней -- игра носила некое сложное название. Сокращенно – адаптация к действительности. То есть адаптация к реальной жизни. Если позволите, способ выживания в этой жизни. Ибо так получалось, что он

понял, что жизнь, собственно, проходит мимо. А он если и живет, то жизнью совсем не наслаждается. Чувствует себя чужим.

От подобных мыслей Жене стало дико. Он почувствовал, что если так будет продолжаться и дальше, то он возненавидит себя. И решил в корне изменить собственное восприятие действительности. Что предполагало и изменение жизни. Посредством рождения каких-то иных ощущений жизни. Иного восприятия ее.

И как только он это понял, то начал действовать.

В первую очередь Женя изменил свою внешность. Он долго думал, что и как ему нужно сделать, создавая новый имидж. И вдруг понял, что изобретать велосипед ему, собственно, и не нужно. Его брат, Вячеслав, был вполне успешным человеком. Можно даже сказать, полная Женина противоположность. Если девушки и женщины Женю обходили стороной, то на Славу чуть ли не набрасывались. Если со Славой большинство людей предпочитали дружить, то Женю попросту игнорировали.

Подобный расклад мало кому понравится. И Женя решил хотя бы на первое время просто скопировать образ брата. Тем более что для этого, вроде как, и нужно-то было немного. А если разобраться, и того меньше. Внешне они походили друг на друга. Единственно, Женя казался более серьезен.

Серьезность из своего выражения лица он изгнал. Стал приветливым и улыбочивым. А еще отпустил усы как у брата. Сбрил бороду, оставил усы, и придал им форму, схожую с усами брата. Прическу тоже изменил под него. Братья стали друг на друга похожи. Некоторые из многочисленных любовниц брата даже переспали с Женей, бессознательно сравнивая их. А одна из Славиных любовниц вообще стала постоянной любовницей Жени. Валентина Мишина. И они теперь занимались любовью с ней не пару. Правда, пока в разное время.

Если говорить о Валентине, то следовало заметить, что это она выбрала Женю. Первый раз подошедши к нему, и собираясь уже как обычно (в форме приветствия) пощупать его пенис, девушка в последний момент одернула руку, осознав, что обозналась. Это был не Слава Григорьев. А человек, очень на него похожий.

Но кто?

Долго мучиться вопросом девушке не пришлось. Женя Григорьев представился. Валя слегка опешила. Перед ней стоял брат ее любовника. Она решила, во что бы то ни стало, затащить его в постель. Ей это удалось в первый же вечер. Женя быстро смекнул, что хочет женщина. И охотно предоставил ей себя во временное пользование. Во временное, пошутив, что готов и в постоянное. Девушка ушла от ответа. В постели она все время сравнивала обоих братьев. Как ни странно,

особого сходства она не находила. Но тут же поняла, что ошибается. Сходство было только во внешности в длине члена. Но уже даже толщина полового органа была различна (Вале показалось, что у Жени член более тоньше). А уж то, как вели себя братья в постели, и вовсе различалось. Слава, привыкший получать свое, был грубым и любил анальный секс. Женя был мягким и добрым. Он по долгу делал куннилингус, и таял, закатив глаза, когда она ласкала своими языком и губами его член.

Входить в нее он предпочитал, когда Валя ложилась на спину, и разводила ноги. Хотя и не мог отказать себе в удовольствии поставить ее на четвереньки, и войти сзади.

А еще он любил, вставлять член между ее грудей. Так, что бы она сжимала ими его половой орган, периодически лаская напряженный от возбуждения пенис кончиком языка.

Кончали они тоже по-разному. Слава быстро и помногу. Спермы Жени она, вроде как, и не ощущала в себе; но перед тем как выпустить ее в нее – Женя предпочитал хорошенько Валу проебать.

Ебал он долго и основательно. Причем на какое-то уходящее время ему было наплевать. Женя считал, что лежащая девушка под ним девушка должна получить максимум удовольствия. Да и спешить ему, в общем-то, было некуда.

А во всем остальном братья были схожи. Даже характер одного, по большому счету, особо и не отличался от другого. Хотя и Валя всегда считала, что то, что касалось характера... Впрочем, какая разница что считала она. Ведь Евгений попросту стал во всем копировать брата. Поэтому через какое-то время уже и можно было предположить, что Женя и Слава походили друг на друга.

.....

Женя девушке действительно понравился. Хотя и со Славой она не хотела расставаться.

И тогда Валя решила принадлежать обоим. Причем по-прежнему, помимо Жени и Славы, она все также принадлежала и другим мужчинам. И все также, никто из мужчин, любовницей которых она была, об этом не догадывался.

Сколько могла продолжаться эта партизанщина, девушка не загадывала. Да она и вообще предпочитала лишний раз об этом не думать. Зачем? Все складывалось слишком хорошо, чтобы появилась необходимость что-то менять. Поэтому девушка попеременно отдавалась то Жене, то Славе. И мечтала когда-нибудь переспать с обоими.

.....

Валя понимала, что было бы и вовсе неплохо, если когда-нибудь ее оттрахали бы сразу несколько мужчин. Одновременно. Уж нашли бы, куда всунуть свой член. Не найдут – так она подскажет им. Да и для девушки с недавнего времени более чем важен был сам процесс. Процесс полового сношения. И совсем было неважно, ебут при этом ее, или трахает кого-то она. Главное сам факт. Процесс, опять же. И девушка надеялась, что когда-нибудь эта оргия случится. Осуществится ее мечта.

И что самое интересное, хотелось Вале осуществить подобное не с какими-то незнакомыми мужчинами (так бы она могла записаться в санкт-петербургский клуб любителей оргий, и отдаваться там всем сразу), а с теми, кого она знала. С кем она уже переспала. И ни один раз.

Пока о подобном объединении не могло быть речи. Да и полигамные браки в России были запрещены. А девушка хотела, чтобы сначала произошло что-то на вроде брака. И чтобы уже после этого она вступала в орально-анально-генитальные и прочие отношения с сексуальной подоплекой со своими мужчинами как минимум каждый день. А то и несколько раз на день. Девушке вообще, по сути, все время хотелось ебаться. Хотя иной раз она стеснялась в этом признаться.

Да и конкуренции в браке она не хотела. Ни конкуренции, ни измен со стороны мужчин. Быть может поэтому и мечтала устроить со своими мужчинами что-то на вроде коммуны. Где мужчин будет много («лучше если десять и более», – мечтала Валя), а женщин одна. И при этом будут только мужчины и она одна. Спать с женщинами Валя не любила. Всего раз у нее был подобный опыт. Подруга-лесбиянка тогда лизала ей пизду, а Валя вставила в анус партнерши фаллоимитатор, и шебуршила там.

Изнасиловав подругу подобным образом, Валя к дальнейшей форме подобных отношений потеряла интерес. Ей все же больше нравилось ощущать в себе и язык, и член мужчины. Нравилось ласкать этот член языком. Нравилось скользить по нему губами. Нравилось целовать яйца. Заключать их в свой рот. Играть с ними. А что могла дать ей женщина? Такую же, как и у нее, пизду и искусственный член. Уж лучше переспать с гермафродиткой, рассуждала она. Можно и груди помять, и член пососать. Да еще и выебать эту псевдоженщину во всем места, пусть и искусственным, но все же членом.

Глава 4

Так получалось, что иной раз Евгений Григорьев начинал понимать, что живет не своей жизнью. А вся эта необходимость игры его необычайно раздражала. Ему хотелось бросить все. Вернуться в тот миг времени, когда он еще был собой настоящим.

Но Женя был не способен. Он не мог. Он просто не мог представить, что снова будет пребывать в тех необъяснимых по ужасающему воздействию кошмарах разума. Когда жизнь будет проходить в непонятном темпе. Словно бы она замерла, а он только продолжает стареть.

И так ведь это действительно было. Причем, сам Евгений искал способы каких-то изменений подобного. Ну и что, что на этом этапе эти способы стали заключаться в копировании брата. Ведь кто-то из нас все равно кого-то копирует. Вольно или невольно. В психологии это называется перенос, или трансфер. Так что, все отличие Евгения Григорьева состояло лишь в том, что он делал это копирование искусственно и вполне сознательно. Да и самое главное, что были ведь результаты. Он действительно изменился. Его чудную голову уже не забивала всякая ерунда, от осознания которой в себе раньше он не знал что делать. У Жени появились новые мысли. Причем мысли эти в большинстве своем несли какую-то и смысловую нагрузку, а не так как раньше, возникали зачастую просто от того, что должны были возникнуть. Ну как бы по принципу.

Теперь все стало иначе.

Женя Григорьев искренне радовался подобному положению вещей. Его все устраивало. И дальнейшая жизнь, вроде как, начала принимать реальные горизонты. А не так как раньше, когда все было расплывчато и непонятно. Необъяснимо непонятно. Потому что, какого-то более-менее реального объяснения происходящему действительно не было.

.....

--Послушай, братан,--Вячеслав несколько испуганно рассматривал брата.—А тебе не кажется, что мы стали слишком походить друг на друга?

--Ну, так ведь мы и раньше были похожи,--открытым взглядом посмотрел на него Женя.

--Так-то это так,--вздыхнул Вячеслав.—Но...

--Это плохо?—быстро спросил Женя.

--Как сказать...--задумался Слава.

Наступившую паузу каждый использовал по-своему. Женя попросту молчал и рассматривал брата. Слава отводил взгляд и мучительно пытался сообразить, что же на самом деле из всего этого может выйти.

--Я думаю, ничего плохого в этом, в общем-то, нет,--произнес Вячеслав Григорьев.— Единственно, что я опасуюсь, так это того, что ты совсем потеряешь свою индивидуальность.

--О, уверяю тебя, подобного не произойдет,--усмехнулся Евгений.—Все под контролем.

--Ты уверен?

--Да.

--Нет, ты, правда, уверен?

--Да что ты паришься!—взорвался Евгений.—Быть может вообще, не я тебя копирую а ты меня.

--Ты охуел...--медленно проговорил Вячеслав, и удивленно посмотрел на Евгения.

--А что так?—поинтересовался Женя.

--Да так,--пожал плечами Слава.

--Ну вот и успокойся,--приветливо посмотрел на брата Евгений.—Будущее покажет, кто из нас был прав.

--Что мне от твоей правоты, когда ты спишь с моими любовницами,-- выпалил Слава.

--Ах, вот оно что!— присвистнул Евгений.— Ну так бы сразу и сказал. А я думаю, что ты в последнее время сам не свой.

Слава внимательно посмотрел на брата. Он подумал, что если сейчас пробьет ему правым боковым в челюсть, то среагировать Женя не успеет. А если успеет, то избьет его.

Драться Славе расхотелось.

--А ты считай, что я использовал твою модель восприятия действительности в качестве эксперимента,--предположил Евгений.—И для меня это временная мера. Достаточно эпизодичные случаи в моей жизни. Дальше все равно мое естество возьмет вверх. И я стану таким, каким я и был. И буду тебе искренне благодарен, что позволил мне на какое-то время вкусить радость жизни.

Вячеславу стало неудобно за свои мысли. Он протянул руку брату. На его глазах готовы были выступить слезы. Жизнь продолжалась. И по этой жизни они должны идти вместе. Быть может даже жениться на одной женщине. Вот только спать, может, по очереди...

Слава мысленно увидел, как член его брата проникает сквозь половые губы Валентины, и ему стало неудобно, что он подглядывает.

Воображение его всегда работало отменно. А потому, представив это, Слава почувствовал, как у него набухает член.

Когда у Славы вставал член, он старался его куда-нибудь пристроить. Если никого рядом не было, можно было представить чей-то образ, и посредством нехитрых манипуляций привести себя к оргазму.

Вячеслав попрощался с братом и поспешил к Валентине. Она жила в соседнем доме. Он уже знал, что будет сейчас делать.

.....

В предвкушении долгожданного оргазма, Вячеслав ускорил шаг.

Подойдя к подъезду, он в нерешительности остановился. Номер квартиры Вали он не помнил. Да, по сути, никогда и не запоминал. Визуально он всегда правильно угадывал и дом, и подъезд, и этаж. По лестнице справа жила Валентина Мишина. Девушка его мечты. Ну, в какой-то мере. Но вот он сейчас забыл этаж. И даже, быть может, спутал подъезд. Подъезд был третий или четвертый от угла. Этаж пятый или седьмой. Вячеслав не помнил. Его член уже стоял вовсю. Опустив руку в карман куртки (надетой специально, чтобы скрыть возбужденный половой орган), Слава всю дорогу поглаживал свой пенис. Ему хотелось выебать Валу сразу, как только она откроет дверь. Он любил эти досрочные победы. Валя все понимала. Она только для вида сопротивлялась, что еще больше воспаляло страсть Вячеслава. И он даже не снимал с нее трусики, а просто отодвигал их край в сторону, и вводил свой возбужденный и изможденный ожиданием пенис в пизду.

Пизда Вали отзывалась благодарностью. Она всасывала в себя мужской детородный орган, и между двумя партнерами начиналась настоящая ебля. Когда никто не признавал условностей и ограничений. Когда через какое-то время начинало теряться ощущение реальности. И вы уже не способны были различить, что происходит на самом деле. Ебут вас или ебете вы. Да и это уже было не важно. Вы с вашей партнершей подчинялись единому ритму. Он поглощал и подчинял вас. А вам оставалось только отдаться страсти.

.....

Этаж Слава действительно не помнил. И уже появились у него сомнения в том, что он стоит у верного подъезда. Мысли о сексе как-то незаметно вытеснили из его головы все остальное. Он уже словно начал пребывать в другой реальности. Притом что настоящая реальность была, конечно же, другой. И в этой реальности он уже мог вообще сегодня не встретить Валу. А значит и...

Слава стал мучительно оглядываться по сторонам. Смотреть на окна. Он понимал, что должен быть какой-то выход.

На первый взгляд выхода как будто действительно не было. Ну, или Слава никак не мог его увидеть.

«Странное дело»,--подумал тон.

Дальше подумать он ничего не успел. Он увидел, как в соседний подъезд входит... Валя. И побежал к ней.

Успел он, когда девушка уже входила в лифт. Они улыбнулись друг другу. Валя ничему не удивилась. Она скользнула взглядом по набухшему члену Славы, оттопыривавшему джинсы, и когда закрылись дверцы лифта, быстро присела, выпустила из брюк мужчины его естество, и взяла его в рот.

Сосала она искусно и с воодушевлением. Она вполне могла довести Славу до оргазма еще в лифте. Но этого делать не стала. В квартире она жила одна. И ей очень хотелось, чтобы ее тоже немножечко потрахали. А потому, высунув голову из открывшегося лифта, и убедившись, что на лестничной площадке никого нет, девушка вышла, поддерживая рукой член Вячеслава, и точно так же, держась за член, ввела мужчину за собой в квартиру. Потом быстро сняла с себя одежду, и между мужчиной и женщиной начался секс.

.....

Слава кончил два раза. Валя семь. Потом они пили чай, шутили, смеялись. Потом Валя предложила выпить коньяка. После коньяка она стала показывать стриптиз. Стриптиз Славу не возбудил. Но когда девушка начала заниматься сама с собой онанизмом (расположившись так, чтобы Славе было видно по возможности многое), член у Вячеслава снова налился кровью. Валя прильнула к тому губами. Слава схватил девушку за голову, и стал с силой насаживать ее на свой возбужденный пенис. Пенис входил в Валу через рот. Валя исполняла чудесное соло на трубе. У Славы на миг захватило дух. Но кончить так, он бы не смог. Поэтому Валя легла на живот и стала уползать от него. Словно ящерица. Слава настиг эту ящерицу, и всунул член между двух округлых Валиных ягодиц. Девушка стала искусственно сопротивляться. Создавалось впечатление, что она не хочет, а Слава ее насилует. От этого он сразу же кончил. Но член его все еще продолжал стоять. А Слава продолжал трахать Валу. Девушка стонала от накатывавшегося на нее наслаждения и серии оргазмов.

Слава перевернул Валу, и вставил член ей в рот.

Словно в надежде, что мужчина снова может кончить, губы девушки принялись жадно скользить по стволу мужского полового органа. Попросту хуя. Она сосала этот хуй, помогая себе рукой, и видимо действительно хотела, чтобы Слава дал ей еще одну очередь в рот. Кончить Слава не смог. Он уже и так кончил три раза. Но ему на удивление не хотелось останавливаться.

Валя обо всем догадалась. Она потянулась к своей сумочке, достала какой-то порошок в маленьком бумажном пакетике, и передала Славе. Зажав одну ноздрю, он шмыгнул носом, и тут же повторил подобное с другой. Порошок быстро впитался в слизистую носа. И оттуда моментально в кровь. Славе стало легко и свободно. Ему уже совсем необязательно было кончать. Член его еще больше набух, и мужчина уже не сомневался, что сможет все что захочет.

Валя легла на спину, и раздвинула ноги. Слава лег сверху. Его член скользнул в половую щель девушки. Через какое-то время пришел оргазм. Обоюдный. Валентина подождала Вячеслава, и кончила с ним вместе. Потом они принялись дико смеяться, и вообще радоваться жизни. Потом пили коньяк, запивали шампанским какие-то таблетки, которые Валя тоже извлекла из сумочки, и снова занимались любовью. От экстази у Славы член стоял уже десятый час. И это несмотря на то, что кончал он раз за разом. Или ему казалось, что член стоит, а он кончает. Слава как-то незаметно стал пребывать в другой реальности. Не замечая этого. Он наслаждался жизнью. И жизнь платила ему добротой и любовью.

Все было замечательно.

Глава 5

Женя Григорьев подумал, что ему надо познакомиться с девушкой. Именно с девушкой, а не с блядью, которые все чаще в последнее время возникали перед ним.

Девушку найти было трудно. Женя об этом знал. Но точно также он знал, что они есть, эти славные девушки.

На поиски девушек Женя отправлялся ночью. Но как-то быстро понял, что ночью ему попадаются не те девушки. Бляди. А хотелось мечту.

Тогда он изменил время суток.

Но днем все девушки куда-то спешили, и если знакомились с Женей, то все происходило как-то поверхностно, и совсем его не радовало. Тем более он дал себе установку, что на первоначальном этапе знакомства секс ему не нужен. «Если девушка готова сразу раздвинуть ноги, значит она... значит она не очень хорошая девушка»,--мягко рассудил Женя. Но и просто общаться с девушками, общаться без секса, ему не хотелось.

Он понял, что должен определиться. Или ебать, или разговаривать.

Определиться он не мог. Евгений вообще комплексовал при дамах. Образ брата, которым он стал пользоваться, его уже не устраивал. Можно сказать, Женя вырос из него. Хотя вполне возможно, и повлиял состоявшийся с братом разговор. Своего рода конфликт, который Жене удалось замять. После этого Слава пошел ебать Валу. Женя за ним проследил. Еще и поэтому ему хотелось познакомиться с честной, открытой, доброй девушкой, которая станет только его. Которая будет без ухмылок смотреть на него. Которая не будет искать в его словах скрытый смысл. Женя устал от этой вечной игры в разведчиков. Устал не общаться с девушками, а чувствовать себя каким-то шпионом. Ему попросту это надоело. Он хотел найти милую, невинную, малообщительную девушку. Скромную.

«Но что он будет с ней делать,-- задумался Евгений.-- Вместе молчать?»

А как быть тогда, когда ему захочется выебать эту недотрогу. Ведь случись такое, и она сразу побежит в милицию. С заявлением об изнасиловании. Ну и зачем ему тогда была нужна такая красавица?

Женя понял, что то, что он ищет, найти будет трудно. Быть может даже и вовсе невозможно. А значит оставалось послать всех этих недотрог на хуй, пойти в ночной клуб, снять нормальную бабу, и оттрахать ее в тот же вечер. К чему были условности и ненужные сантименты?

Женя понял, что на самом деле от девушек ему надо было только одно. Их тела. Ну, еще, конечно, можно было с той или иной из них поговорить. Хотя бы сказать пару слов. После чего наброситься и изнасиловать. Да, девушка при этом может быть и не готова к подобному повороту событий, но она должна достаточно быстро сориентироваться, и дать Евгению все что он пожелает. Секса. Извращенного секса,--мечтательно подумал Женя.

И тут же понял, что суть его общения с дамами должна быть до боли проста. Пришел, увидел, победил. Ну в смысле изнасиловал,--уточнил про себя Евгений. Уже представляя, как его член входит в ту или иную недотрогу. И как в экстазе стонет она. И как...

От подобных мыслей Женя мог кончить без помощи рук. Хотя и рука его уже давно поглаживала набухший пенис. Всем своим видом просящий удовлетворения.

«И девушка,--продолжил Евгений свои мысли одновременно с подступающим оргазмом,-- не должна будет ни кричать, ни звать на помощь. А лишь только постанывать да подмахивать ему. И радоваться. Исключительно радоваться. А будет ебать ее. И все у них будет прекрасно.

От умиления (и случившегося оргазма) на глазах Жени выступили слезы. Женя давно уже почувствовал, что становится сентиментальным. Он даже перестал смотреть мелодрамы. А от какой-нибудь разыгрывавшейся на экране трагедии у него менялось настроение. Ему попросту становилось грустно. Причем грусть эта каким-то независимым образом проецировалась и на его жизнь. И жизнь тогда могла приобрести состояние трагедии. Жить Евгению становилось трудно. А иной раз и вовсе не хотелось. Он грустил, случалось – плакал, и в большинстве случаев – искал спасения. Понимая, что спасения как такового не существует. Для этого надо было менять жизнь. Пускать ее по другому витку спирали. Переиначивать все и вся. И быть может даже фактически не жить. В этой жизни. Надеясь, что в другой – все получится.

.....

Женя все чаще хотел вернуться в детство. Ему не очень нравились люди, которые его окружали сейчас. Внутренне он их даже боялся. Но, конечно, он ни за что бы в этом не признался

себе. Ему было неудобно что это было так. И от навалившейся на него грусти и сомнений, Евгений спасался алкоголем и наркотиками. Легкими наркотиками. Ему нельзя было допустить, чтобы началось привыкание. Хотелось просто, чтобы исчезла тревога, и пришла радость.

От употребления алкоголя и наркотиков тревога уходила. Радость наступала. Какое-то время Женя пребывал в феерестическом состоянии духа. Потом действие наркотиков снижалось. А Женя спешил опрокинуть в себя стакан конька или водки, и забыться тихим счастливым сном.

Сны Жени часто были беспокойными. В них он обязательно был или охотником или жертвой. Когда он становился охотником – гонялся за другими. Догонял, насиловал, иногда даже убивал.

В другом случае ему приходилось все время от кого-то убегать. Скрываться. Если его находили – насиловали. Порой самым жестоким образом. И даже хотели убить. Но когда убивали, Женя просыпался.

Просыпаясь, он выпивал водки и засыпал вновь. Чаще всего после просыпания сон был поверхностный. Он словно бы и спал, и продолжал находиться в окружающей реальности. И к утру никогда не высыпался. Поэтому он стал спать днем. А бодрствовать ночью.

Ночь нравилась Жене. Ночью он оставался действительно один. Ночью Женя казался себе властителем дум. Тайным властителем. И он подолгу стоял на балконе, вглядываясь в ночь. За небольшим исключением, город спал. По крайней мере, в четыре часа ночи свет в окнах соседних домов не горел. Женя догадывался, что не все из жителей спали. Кого-то попросту не было дома. Кто-то занимался любовью друг с другом или с самим собой.

Как ни странно, Женя не хотел заниматься любовью. Ни с кем. Разве что с собой. И он иногда вставлял кассету порнографического содержания и...

Любил он себя долго и отчаянно. А когда все заканчивалось, успокаивался. Тревоги отходили. И даже хотелось жить.

Евгений понимал, что это обманчивое состояние. И уже давно он вытеснял свое сознание из реальности. В другом мире ему нравилось. Он знал, что способен там выжить.

Женя не боялся, что этот мир со временем сможет вытеснить мир его настоящий. Да и если разобраться, рассуждал он, если ему было хорошо в другом мире, то не произойдет ничего страшного, если он в нем и останется. Пусть, конечно, кто-то при этом будет считать его сумасшедшим. Не беда. Главное, что сам себя он будет считать нормальным. А слушать мнение других -- так это можно и ебануться с горя,-- решил Евгений. И обрадовался, что ему удалось придти к консенсусу со своими мыслями. Ведь это было самое главное. А другие?.. Да пошли они все на...

--Ты что-то говоришь откровенную хуйню,---серьезно посмотрел на него брат.—Как это ты хочешь уйти в другую реальность?.. Ты понимаешь, что обратно уже можешь не возвратиться?

--Понимаю.

--Ну и что? Все равно хочешь?

--Хочу.

--Нет, подожди,--не понял Вячеслав.—Ведь ты же говорил, что не будет ничего страшного, если эта другая реальность придет. Но ведь это не значит, что ты обязан сознательно («или если угодно – бессознательно»,--поправил он себя) вызывать ее. Разве не так?

--Так,--согласился Евгений.

--Ну и что же тогда?—внимательно посмотрел на него Вячеслав.

--Да, собственно, и ничего,--улыбнулся Евгений.

Для себя он уже все решил. Осознав при этом основной принцип: ему не следует делиться с кем-то своими мыслями. Пусть лучше его поступки вызывают у других недоумение. Но он не допустит какого-то разлада в собственной душе. Вот ведь как...

Глава 6

На удивление, Вячеслав тоже считал, что жизнь его проходит не совсем по тому сценарию, который он может быть для нее разработал.

Правда, в отличие от брата, как должно быть это иначе, он не знал. Задумывался, конечно. Но мысли его все больше казались ему и самому хаотичными. Что исключало то, что когда-нибудь они могли вывести его к осознанию какого-то истинного пути. Такого пути попросту не было. Как ни странно. Поэтому через какое-то время Слава Григорьев просто решил смириться. И принимать жизнь такой, как она и была. Без условностей и ограничений.

Да ему на самом деле больше нравилось пребывать в реальном мире. Как, быть может, это не было грустно.

А еще Слава решил жениться на Валентине. И сделал ей предложение. Перед этим как обычно хорошенько ее отъебав.

Девушка находилась в умиротворенном состоянии и согласилась. В тот момент ей уже ничего большего не хотелось. А еще она поняла, что проходят годы. Да и ничего страшного не произойдет, если она выйдет замуж. При этом ведь она вполне может продолжать трахаться с кем захочет. Главное об этом не говорить мужу. Зачем тревожить и расстраивать его психику?

И она дала свое согласие. И они поженились. А Женя был свидетелем со стороны жениха. А одна из подруг Вали была свидетельницей со стороны невесты.

Подругу после свадьбы ебал Вячеслав.

Евгению делала минет Валентина. Ее первая же измена произошла в день свадьбы. Начало было положено. И с браком в ее жизни мало что изменилось. Разве что она ушла с работы парикмахером. У братьев Григорьевых был небольшой бизнес. Сеть пиццерии. И на жизнь им должно было хватать, даже если пришлось бы брать на обеспечение еще несколько Валь.

.....

Через какое-то время Валентина неожиданно осознала, что других мужчин, кроме братьев, ей не хочется.

Причем, по-прежнему ее мечта была -- легитимно спать с ними обоими. Именно спать. Потому что они и сейчас уже жили все втроем, продав свои квартиры и купив огромный дом в пригороде Санкт-Петербурга, в Сестрорецке.

Неподалеку был Финский залив. Сосны. Природа располагала к умиротворению. Вокруг был покой. Вокруг жили обеспеченные люди. Въезд в коттеджный поселок охраняла стража. Двухэтажный дом нравился очень Григорьевым. Никому из них ничего менять не хотелось. Разве что Валентина по-прежнему мечтала жить в браке с обоими братьями. И со временем ей это удалось. Правда для осуществления подобного она сначала развелась с Вячеславом, и вышла замуж за Евгения. А потом развелась и с ним. Все это время два брата и девушка продолжали жить в одном доме. После двух разводов состоялся семейный совет. Готовясь к нему, братья Григорьевы собрались выгнать девушку. Но когда они все вместе собрались за столом, то неожиданно и как-то быстро все напились. И стали трахаться. Вернее, братья стали трахать Валь. И все это так понравилось всем троим, что они решили продолжать жить вместе. Причем теперь девушка с полным правом могла утверждать, что у нее два мужа. Вячеслав и Евгений Григорьевы. Она и спала с ними одновременно с двумя. В одной постели. Или в одном холле, на одном столе, на полу, и чуть ли не на антресоли.

Девушка отдавалась с жаром, наслаждением и неистовостью страсти. Она вдруг поняла, что именно этого ей-то как раз все время и не доставало.

А братья согласились про себя, что им тоже подобного всегда не хватало.

И между ними наступила семейная идиллия. И большего ничего не хотелось. Всего было достаточно.

12.11.2006 г.

повесть

Паутина

«И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость...»

Екклесиаст 1:17

Часть 1

Пролог

Вообще-то, Кондратьев путал все. И путал, ну в смысле запутывал, в том числе, себя. И когда казалось, запутывался он уже окончательно, – тогда в нем просыпалось какое-то загадочное (и дремавшее доселе) желание – распутать все. Все, что только было возможно. И уже когда у него как будто получалось... Он понимал, что все равно – запутал все окончательно. Так,-- что и распутать уже как будто невозможно.

...Но все равно – каким-то образом выпутывался. Словно бы находил какие-то потаенные ниточки да узелки, за которые можно было потянуть. И... ну распутать все, черт возьми. Выпутаться. Выбраться из ситуации, в которую сам себя же и загнал. Своим быть может, упрямством. Своим – тугодумием. Своим... Да наверное и своей глупостью.

И лишь только оттого, что как вроде и не мог уже иначе.

Жить он не мог иначе.

Не был способен.

Не знал как.

Глава 1

Ситуация на самом деле была совсем иная. И быть может не такая печальная, как казалась. Да и Кондратьеву всегда казалось, что все на самом деле – совсем иначе. И ничего не бывает такого, чтобы можно было – из-за этого – переживать. Чтобы необходимо было – перегонять это все – в собственных мыслях помногу раз.

Словно бы и ища какой-то выход (который наверняка должен,-- даже обязан был,-- быть). И вот... было у Федора Кондратьева какое-то предчувствие – что все, быть может, выглядит совсем даже и иначе. Так, что ему это... и не чудилось, быть может, никогда – что это так.

А вот иначе все – и все тут.

И совсем не надо – что-то – искать. Находить. Бояться. Пугаться, быть может, этого.

И вновь, с каким-то потаенным трепетом ждать, что что-нибудь измениться.

Ну, или... должно измениться.

.....

Федор Никитич знал: если чему-то суждено сбыться – то это обязательно произойдет. Совсем, быть может, у него не спрашивая (не спрашивая о возможности возникновения этого).

Но вот – когда происходило так (уже получается, как бы и без ведома Федора Никитича – достаточно положительного мужчины двадцати девяти лет, лысого, высокого, худого и стеснительного),-- то чувствовал Федор Никитич очень даже себя нехорошо. Словно бы испытывал даже какие-то сомнения (присутствовавшие, впрочем, в нем всегда),-- а то и недовольство.

Но нет.

Проходило какое-то время (совсем как будто и незначительное),-- и начинал испытывать Федор Никитич улучшение собственного состояния. И уже верил (после этого),-- в самое хорошее. Быть может даже – доброе и светлое.

То есть можно сказать, что Федор Никитич верил, что это «доброе и светлое» (чистое и прекрасное),-- уже наступило. Почти – наступило.

Ну, или даже, если оно только должно наступить – Федору Никитичу вполне было достаточно и этого.

Такой он был человек.

Доверчивый...

.....

Мне не хотелось бы, чтобы кто-то считал Федора Никитича «лопухом». Хотя, конечно, лопух он был самый, что ни на есть, настоящий.

А еще Федор Никитич был тихий пьяница. И очень даже забитый человек. Пугливый человек. И ничтожный такой человечиска. Который, большей частью, боялся самого себя даже больше, чем еще кого бы то ни было.

Да и вообще, если разобраться, был Федор Никитич, если можно так выразиться – «никакой»; никакой... да к тому же еще и нелюдимый.

Хотя это уже было, большей частью, что-то сродни искаженного взгляда на суть вещей. Ведь если разобраться (если того требовали жизненные обстоятельства),-- Федор Никитич мог выглядеть совсем даже другим человеком. Ну, например, серьезным и решительным. А то и вовсе – уверенным в себе. Достаточно уверенным в себе. Уверенным в себе настолько, что...

Не был, наверное, Федор Никитич все же таким уж уверенным как кому-то мог показаться.

И в большинстве случаев он был слаб и ничтожен. По своей, так сказать, сути. Ничтожной сути, уже получается.

Глава 2

А ведь таким, каким кто-то из вас (в том числе и вы, уважаемый автор) представляет Василия Геннадиевича Магистрова (не известно, почему вы называете его прежним именем: Федором Никитичем Кондратьевым – все искаженно... все искаженно...),-- такого человека уже, быть может, и не существует.

Ну, по крайней мере, я такого человека не знаю. И уж вполне разумнее считать, что речь идет о двух разных людях.

Ну уж по крайней мере можно предположить, что и Василий Геннадиевич и Федор Никитич друг друга знали. И даже, быть может, немного друг на друга сердились.

Но они были разными. И в тоже время – людьми удивительными. Достаточно удивительными. Удивительными...

И в то же время можно было заметить, что они были людьми больными. С больной психикой. С извращенным, так сказать, пониманием действительности. И уже думая обо всем этом, вскоре наступил тот момент, когда я запутался сам. Ведь знал я почти наверняка, что никого из них и не существовало вовсе. А все мне даже – показалось. Привиделось? Ну а почему и нет? Может и привиделось, что уж тут скрывать. А то ведь и действительно привиделось. Почудилось, быть может даже. И оттого вскоре стало казаться что так происходит на самом деле. Хотя на самом деле, разумеется, ничего подобного (как мы уже заметили) не было в действительности. А если бы и было... Если бы... Было. Если бы было,-- тогда бы, как мне думается, все это выглядело бы как минимум нелепо. Смешно и нелепо. И что уж тут было скрывать...

А тем более вспоминать об этом...

Нет. Пожалуй, начнем все по порядку. И уж если что-то мне действительно привиделось (если мы остановимся на этом),-- то я, быть может, даже был бы и не против. Если бы только,-- это действительно было так. И если бы не были мои герои – братьями. Пусть и двоюродными. Братьями, с невероятно схожей судьбой.

И вот тут уже, должно быть, можно было и вообще поставить точку.

И обхватив свою безумную голову руками: вскричать: что же это вы? Напутали все. А то и еще хуже – заподозрить во вполне сознательном запутывании. Но... Не все на самом деле так. И об этом как раз следует помнить. И искать быть может даже пути спасения. От всего этого. Но...

.....

Ромашин запутался. Выходило немного не так, как он задумал в начале.

Ведь изначально он полагал вести разговор о двух своих братьях: Василии Геннадиевиче Магистрове и Федоре Никитиче Кондратьеве. Которые были невероятно схожи с ним. И в то же время в чем-то от него отличались.

И уже как раз об этом отличии он и хотел сейчас поговорить.

Ему вообще, быть может, всегда хотелось от кого-то отличаться. Отличаться настолько, чтобы ни у кого и повода не возникало заподозрить его в какой-то похожести – на кого бы то ни было. С кем-то его сравнить. С кем-то. С кем, быть может, ему бы совсем не хотелось.

И уже думая так, Ромашин начинал склоняться к мысли, что ему стоит вести повествование о самом себе. И лишь только имея в своей памяти образ братьев (живых, разумеется, братьев; братьев, воплощенных в некий образ), а равно, используя некоторую схожесть всех троих, Ромашин мог быть уверен, что он не только не запутается; но и читатель («кто-то ведь будет это читать»? – рассуждал Ромашин, бережно переворачивая, прочитанные, страницы собственного дневника) уже самостоятельно сможет наделить недостающим -- всех трех героев. Которые возникали в его воображении так, – словно бы это был один человек. Хотя быть может он и был один...

.....

Родился со своими братьями он в одном году. С разницей в несколько месяцев.

И получалось так, что каждый из них чувствовал внешнюю и внутреннюю схожесть с другими. А потому, стоило им только вступить во взрослую жизнь, как они стали изменяться.

Правда, дело касалось только внешности.

Кондратьев, например, был высок, худ, лыс, усат и застенчив. Отчего Магистрову пришлось отпустить длинные волосы, сбрить усы, и набрать вес.

Ромашин был такой же высокий как Кондратьев. Но сейчас он стал казаться еще выше, оттого что стал носить обувь на высоком каблуке. Кроме того, была у него бородка (в народе известная как «козлиная»), ходил он всегда в больших очках в роговой оправе; и... слегка прихрамывал. А потому всегда был с палочкой. И... в костюме-тройке. И осенью еще надевал шляпу и длинный плащ. При этом плащ был какого-то неопределенного цвета. А шляпу его и вовсе, не иначе как «дурацкой» не назовешь. И от всего этого Ромашин больше смахивал на

какого-то придурка. Хотя и таким он быть может не был. Потому как был он кандидатом физико-математических наук. Да к тому же еще и кандидатом в мастера по шахматам. И в перспективе – было ему столько же лет, как и остальным братьям – мечтал стать мастером спорта по шахматам. И доктором наук.

Работал Ромашин преподавателем. Собирался стать профессором. Получить должность зав.кафедрой. А пока... Пока он довольствовался тем, что у него было.

.....

...В личной жизни Ромашину не везло. И он, и его братья испытывали какой-то фобийный страх по отношению к женщинам.

И в то же время эти самые женщины им очень даже нравились.

Но они их самым невероятным образом боялись. Словно бы полагая, что ничего кроме несчастий те им не принесут. И уже исходя из этого, видимо подсознательно, и Кондратьев, и Магистров, и Ромашин делали все, чтобы с женщинами (любых возрастов) как можно меньше пересекаться. Ну и, конечно же, чтобы ни в коем случае не подпадать ни под какую зависимость от женщин.

--Зло, это, зло,-- не раз повторяли они в разных словесных интерпретациях. Боясь при этом признаться, что мучают их самые, что ни на есть, эротические сны. И там, в этих снах, они с женщинами выделывают такое,-- что можно было бы вполне сознательно считать это материалом для порнографических фильмов. А то и просто, как говорится, ставить камеру и снимать. Без каких-либо дополнительных сценарных вариаций. Это уже было не обязательно. С такими-то фантазиями!

.....

Ромашин открыл для себя, что он любит заниматься сексом с женщинами исключительно другого цвета. Даже лучше, если бы это были африканки. Видимо в мозгах Ромашина сработал некий стереотип, и он решил, что именно те -- более страстны. А ему-то как раз и хотелось -- страсти. Отчаянной страсти. Чтобы голова уже ничего не соображала. Чтобы он повиновался самым, что ни на есть, животным инстинктам. И уже ни о чем не думал, кроме как... о сексе.

.....

Кондратьеву хотелось непременно с тремя. И чтобы были они блондинками. С немного пышноватыми формами. И чтобы он уже ни о чем не думал. И лишь только погрузился бы в

пучину наслаждений. Словно бы нырнул. И... не вынырнул. А подольше находился бы там. И, разумеется, ни о чем бы не соображал.

Да еще, быть может, чтобы ему было стыдно. От того что он там с ними вытворяет. Но это так. Необязательно.

А Магистров боялся себе признаться, чего ему на самом деле хотелось.

Потому что хотелось ему, чтобы насиловали его негры. А еще лучше, негры, арабы, и... китайцы. Которые (все бы вместе) связали его. И не дав вздохнуть ему свежего воздуха,-- пичкали своими членами. Маленькими, большими, длинными, черными, желтыми...

Стыдно было Магистрову за подобные желания.

Не мог он в них никому признаться.

Собирался даже «ввести» в свои сновидения женщин (чтобы хоть как-то разбавить всю эту порно-муть); но свободных женщин как-то не находилось. А тем которые были – в довесок давались все те же негры, арабы, китайцы... И не мог ничего с этим поделать Магистров. Не в его это было власти. Да и вообще, если честно, неудобно ему как-то об этом было даже рассуждать. И стоило только появиться подобным (сексуально-порнографическим) мыслям – как тотчас же, самым невероятным образом, набухал его член; и приходилось прибегать к самой усиленной мастурбации; чтобы только хоть как-то снять напряжение; хотя оно и снималось-то -- только на время. А потом хотелось еще больше.

Что же до сна... Магистров пожалуй был единственный из трех – кто после пробуждения старался побыстрее забыть свой сон.

И уж точно никому ни за что бы не смог он признаться, что на самом деле, то, что ему снилось, – ему нравилось. Настолько нравилось, что каждый раз ложась в постель – он подспудно ожидал – продолжения разыгрывавшегося во сне порно-спектакля.

И, должно быть, очень расстраивался, если у него ничего не получалось.

Не получалось вызвать в своем сновиденческом воображении негров, арабов, китайцев.

Но даже и тогда, когда не получалось,-- в сновидения Магистрову приходили... индейцы. И творили с ним уже откровенное непотребство. От чего он просыпался с жуткой головной болью. И еще какое-то время после пробуждения пребывал в уверенности, что член ему действительно отрезали. Члена нет. И как теперь жить?..

Магистров даже плакал.

Кто не знал о характере его сновидений – думали беспричинно. А Магистров сидел на кровати, обхватив длинными руками свои длинные худые ноги. И рыдал уже почти что навзрыд. И

успокаивался только когда случайно нащупывал кончик своего мужского органа. Хотя все же и после это, еще долго имел потерянный вид. Но это так. Наверное все же излечимо...

Глава 3

И все же Ромашину казалось, что все, что происходит с ним – происходит как-то не так.

Иногда он не спал ночами. Вернее, просыпаясь среди ночи, мучительно соображал, пытаюсь понять, что же он в своей жизни сделал такого, за что «немилосердная судьба» его так жестоко наказывает.

--Ведь наверняка должен быть какой-то выход? – думал он.—Не могло быть так, что его оставили словно бы голого – посреди оживленной трассы. И стоял он там, отмечая про себя, что в голову не приходят никакие мысли. Пока ему не становилось мучительно больно, от того, что он, в общем-то, ничего не может (не способен!) придумать. Ну и предпринять, разумеется, тоже не может.

...Горько ему становилось от этого.

Обычно, ничего больше после этого он уже не понимал. Да и вообще, давно уже склонялся к мысли, что понимает очень даже мало. А то и действительно, словно бы и ничего не понимает. Да и не понимал, наверное, никогда. А лишь только пытался нащупать какой-нибудь лаз, куда можно было бы ему спрятаться. Скрыться. И хотя бы какое-то время – переждать. Затаиться. Затаиться и переждать. Ну и чтобы никто, разумеется, его не тревожил. А что до него самого, так он всегда вообще боялся тревожить хоть кого-нибудь. И всю жизнь провел так, чтобы только никого не беспокоить. Чтобы даже, быть может, и не думать ни о чем. А тем более боялся думать, что хоть кому-нибудь – может причинять беспокойство. Беспокойство своим... присутствием.

Он боялся всех.

Боялся больше всего – себя.

И совсем не представлял – как выпутаться ему из подобной ситуации.

.....

Загадочной, конечно, казалось жизнь Ромашина.

Страшился он ее.

И очень сильно хотел изменить.

Но проходили годы, – а он все «хотел» и «хотел».

И не знал, как же ему, собственно, к этому подступиться.

И наступали такие дни, когда он уже ничего не хотел и вовсе. словно бы собираясь оставить все так, как это, собственно, и было.

А потом уже ругал себя за подобное малодушие. И где-то в глубине души верил, что у него на самом деле, все может получиться. Но не мог же он быть таким уж... пропавшим.

Да и ничтожным, наверное, тоже не мог. А хотел стать сильным. Очень сильным.

Мужественным. Хотел научиться добиваться в этой жизни чего-то запланированного. Хотя это, должно быть, уже не могло быть изначально. Потому что ничего Ромашин никогда не планировал. Приспосабливаясь к тем обстоятельствам, которые были. Должны были быть. И уже в соответствии с этим – требовалось найти какой-нибудь выход из положения.

Выход, которого, конечно же, никогда не было.

Которого не было уже хотя бы потому, что не было, собственно, «входа».

И жил Ромашин все время как бы в подвешенном состоянии.

Даже не жил вовсе. Существовал.

И все же, в глубине души он, конечно же, мечтал, что все когда-нибудь будет иначе. По другому. Верил – что измениться. А в первую очередь, разумеется, изменится он сам. Станет как бы другим. Начнет жить другой жизнью. Совсем не такой, какой жил (или уж что вернее – проживал) доселе.

И удивительно, что схожие мысли (или уж лучше назовем их «мечтаниями») были у Кондратьева с Магистровым. Которые тоже хотели измениться. Искренне верили, что когда-нибудь это у них получится. И, наверное, невероятно бы расстроились, если бы узнали что их мечты так и останутся мечтами. И ничего большего – больше – у них не будет. С ними – не произойдет. Да и вообще,-- самое разумное было бы взять (всем троим) да удавиться.

...Насколько это будет разумным, конечно, для них?.. Ведь если припомнить, они и сами не раз говорили, что то, что происходит, – временно и непостоянно.

И на самом деле – все очень даже может и измениться. В скором времени – измениться. Даже, быть может, в самом ближайшем будущем...

И со временем они настолько в это поверили, что со всеми троими стали происходить удивительные метаморфозы.

Например, Кондратьев, вдруг отпустил волосы нормальной длины (голову раньше он брил, а не так как я думал, что волосы у него выпали). Покрасил их в жгуче черный цвет. Вставил на свои зубы белоснежные пластины. Стал одеваться только в дорогих бутиках. Курить только сигары. Купил «Рольс-Рольс». Да и вообще эмигрировал в Америку. В Соединенные Штаты.

Его двоюродный брат Магистров – наоборот. Побрился наголо, отпустил длинные – казацкие – усы. Похудел. И стал заведовать какой-то сектой (ударившись вдруг в религию).

Самый младший брат (разница между ними в несколько месяцев) – со своей внешностью поступил по принципу – пусть останется все как есть. Но эмигрировал в Израиль. А уж там совершил попытку государственного переворота. И сел в тюрьму. На десять лет. (А могли и расстрелять).

Но потом неожиданно его отпустили. И все трое оказались вновь -- вместе. В России. Причем (сколько это стоило, мне, конечно, никто не говорил; какое-то необычайное смущение они чувствовали по этому поводу) оказались удивительно похожи и раньше. Теперь же – вся троица стала походить на близнецов. И словно бы находили они в этом какое-то необычайное удовлетворение.

Глава 4

В один из дней случилось событие, на котором, пожалуй, стоило бы остановиться поподробнее.

Вернее, самих событий, по всей видимости, было два.

Сначала пропал Магистров.

Предпринятые были поиски, ни к чему не привели. Причем человек не только исчез, но и в самое ближайшее время о нем уже все забыли. Как-то достаточно быстро забыли. А прошел месяц – и разводили руками; словно бы недоумевая: о чем это им говорят? О каком-то исчезновении? Кто исчез-то?..

Вторым же случаем, который вероятно, был предвестником третьего, – было то, что Кондратьев вдруг стал... женщиной.

Ну, наверное, конечно, не самой уж женщиной. А по сути лишь трансвеститом.

Но он воспринимал ситуацию так, что любое упоминание о его прежней жизни – вызывало в его душе недоумение.

И было у него уже другое имя. И его фамилия имела женское окончание. Да и повадками он стал походить на женщину. Ну, или,-- на проститутка. Или педераста. Что было, по мнению Ромашина, одно и то же. Ибо как раз Ромашин все подобное (произошедшее с его братьями) воспринимал очень даже серьезно. И одним недоумением дело тут не могло ограничиться. Ибо в пору было бить в колокола. Ну, или,-- напиться. Причем, не только напиться, но и находиться в таком состоянии все время. Поддерживая свое состояние вовремя вливаемым в себя алкоголем. Чтобы на все происходящее нельзя было реагировать адекватно. Даже более-менее адекватно. А он бы с легкостью и вообще никак не реагировал. А, например, взял бы – да застрелился.

Но Феликс Ромашин – почти через несколько дней начавшихся метаморфоз с его братьями – получил должность зав.кафедрой. И звание профессора. А совсем незадолго до этого – еще и защитил докторскую диссертацию. И выполнил норматив мастера спорта по шахматам. И даже можно было сказать, что жизнь его... хотя, жизнь-то еще должна была продолжаться. А вот проблема... проблема была решена. И можно было сказать, что никакой проблемы-то на самом деле и не было. Не существовало. И настолько он, вскоре, забыл об этом,-- что считал, что...

Вот тут, должно быть, следует немного остановиться. Ибо (к неудовольствию Ромашина) перед ним стала вылезать из небытия самая настоящая загадка. И разгадки ее – пока не предвиделось. Тем более, чтобы что-то решить – необходимо было установить причину: почему такое могло случиться? А еще чуть ранее установить – о чем мы вообще говорим? Что это вообще такое? Что мы видим перед собой? (и видим ли?). Есть ли на самом деле загадка? И уже если есть – как она выглядит?

Но как уже кажется на первый взгляд – Ромашин мучился совсем не этими проблемами. Как это не покажется странным, но на самом деле никаких проблем (в зоне своего восприятия) он не чувствовал вообще.

А неожиданно наоборот – стал проваливаться в некий (астральный?) мир. Мир, в котором царили совсем иные законы. Насаждались незнакомые порядки. И все и вовсе казалось совсем даже неожиданным. Словно бы... словно бы ничего – вокруг – и не было.

А ведь может так случиться, что там и на самом деле ничего не было. Но ведь не идиотом же был Ромашин. И уже как бы то ни было, стал он – самым основательным образом – погружаться вглубь себя.

И уже словно бы никогда прежде не существовало Феликса Петровича Ромашина. А вместо него появился совсем даже незнакомой (в том числе и ему) мужчина. Который с диким ужасом отрешивался от всего, что происходило рядом с ним. И как-то уж очень быстро стал он погружаться в свой внутренний мир. Мир собственных страхов и кошмаров разума. Мир, в котором, на самом деле, и находился-то всегда. Да опускался как-то не слишком глубоко. А словно бы барахтался на поверхности.

Но теперь само погружение – уже как будто от него и не зависело. А от кого зависело оно – и нельзя было разобрать. Но если пытаться разобраться, – то, наверное, самым разумным было сразу запутаться. Чтобы больше и не мучиться. Не пытаться нащупать ту арианову нить, которой вовсе, как будто (в его восприятии), и не существовало.

Потому что погружался он все глубже. Пока не залез в такие дебри собственного бессознательного, куда никто до него и не заходил. И где, разумеется, никогда раньше он не был. Потому что боялся, наверное. А может...

.....

Феликс Петрович сходил с ума. Понимал это. Понимая, стремился как-то избежать. Нащупать какую-то лазейку, в которой возможно было затаиться на время.

А потом словно бы ему даже (нечто подобное) и удавалось. Пока он не понимал, что ошибался. И начинал все сначала. И в итоге запутывал вокруг себя некий кокон. Который больше походил на паутину (по тем ходам, которые собирался нащупать он). И на самом деле, ему может быть все и удалось. Если бы он... не умер. Неожиданно и скоротечно. Без установления последующего диагноза.

Да и вообще, смерть его была по настоящему загадочной. И, быть может, не была таковой. Потому что – уже после – переродился Ромашин. И вместо Феликса Петровича Ромашина – появился Аскольд Коробков. Человек удивительной судьбы. Убийца (собственной души) и фальшивомонетчик (который изготовил высококласный станок и печатал деньги). Доллары. Через сеть распространителей – сдававших (их) в треть цены. И все равно сумевший скопить сотню тысяч настоящих денег. Во все той же зеленой валюте...

И это был уже по настоящему другой человек. И наверное совсем другая история.

Часть 2

Глава 1

Значит, ситуация обстояла в следующем. Аскольд Коробков (измененное имя Ромашина) стал фальшивомонетчиком. Вернее, стал им ровно для того, чтобы скопить ровно сто тысяч долларов. А потом ушел в подполье. Настолько глубокое, что снова изменил и имя и внешность. И даже переехал в другую страну. В Чехию. Решив затеряться там. Но потом, словно бы одумался, и поселился на границе с Белоруссией. Но с другой, западной стороны. А прошло еще какое-то время (может даже и год),-- и Гансу Йохте (так его теперь звали. И по паспорту ему уже было сорок восемь лет; а на самом деле, видимо, не больше сорока) стало казаться, что он... фин. Который воевал еще в армии Монергейма. И лично взял в плен трех русских разведчиков. Которых потом отпустил. Потому что сам стал разведчиком. Он даже несколько раз приходил в русское посольство. Сдаваться. Но на третий раз его откровенно послали на хуй. Да еще пригрозили, что если придет еще – расстрелять без суда и следствия. И это настолько отрезвило мозги Йохте, что он вновь переделал свой паспорт. И теперь стал тридцати семи летним украинцем Виталием Гринько. Предпринимателем.

И Виталий Витальевич Гринько – переехал в Россию. В Москву. И уже решил окончательно затеряться там. И это почти у него получилось. Да и наверняка бы получилась. Если бы он... если бы он вдруг не стал вести (самую что ни на есть разгульную) сексуальную жизнь. «Западая» на каких-то невероятно стервозных девиц. Которые, прежде чем отдаться вам, – вымотают вашу душу настолько, что уже как вроде бы ничего и не хочется. А они наоборот, только дошли до кондиции сексуального возбуждения. И пусть в постели они из себя ничего не представляли точно также, как и в жизни (за восемнадцать-двадцать лет жизни еще мало что в этой жизни успев),-- но вы вдруг начинали испытывать какое-то сексуальное остервенение. И набрасывались на них, с намерением не только разорвать изнутри, но и уже словно бы «отомстить». За что-нибудь.

Вы, наверное, были сердиты за что-то на них. И Виталий Гринько сердит был настолько, что в течение часа барахтался на (казавшемся безучастным) теле девицы (словно кукла принимающая те позы, которые вы ей велите), но в итоге почти никогда все равно не кончая. Уже почти был не способен. И лишь только буквально вставляя свой член ей в рот, закрывал свои глаза, и, представляя что-то, только ему известное, быстро-быстро двигал рукой, вызывая долгожданное семяизвержение. Вызванное уже, конечно же, больше тем, что ему привиделось (самые что ни на есть непотребства проплывали сейчас в его воображении). Хотя...

Хотя девица «корчила рожи», словно входя в образ, нужный мужчине. И это тоже в какой-то мере помогало ему выпрыснуть в нее накопившееся содержимое. Тайно желая ей – подавиться.

Но девицы обычно попадались слишком искушенными, чтобы допустить чего-то подобного. И, несмотря на юный возраст, через них уже прошло несколько десятков, а то и сотен таких же, как Гринько. И во много раз больше еще пройдет после Гринько. Потому что самого Виталия Гринько они рассматривают лишь как очередного «ебаря». Совсем не удосуживаясь даже запомнить его. Да и зачем? Ведь он один из многих. Для них. И такими же они являются для него. И это, в принципе, нормально.

Глава 2

Виталий Гринько надеялся, что наступит тот час, когда он уже не будет никого бояться.

Страхи начались у него совсем недавно. Что-то похожее, конечно, было и раньше. Но вот раньше, быть может, это еще не было столь выражено. Сейчас же приносило настоящее беспокойство. И, по сути, не проходило дня, чтобы кошмары не возникали с новой силой. Как будто вынуждая Гринько (фамилия, заметим, ему не очень нравилась) превращаться в совсем черт знает кого. Словно бы вынуждая ощущать каким-то недочеловеком. Ублюдком, быть может даже. Который совершал поступки...

Гринько казалось, что он совершает какие-то поступки, за которые, в скором времени, ему придется расплатиться.

На самом деле, конечно же, ничего (даже похожего!) не было. И ему действительно это все казалось.

Но еще мучительнее было то, что Гринько совсем не мог отделить правду от вымысла. Вернее, -- ему казалось, что это вымысел. Но проходило время. И он убеждал себя (практически убеждал!), что это – самая настоящая правда. Ужасная, по сути. От которой совсем не было никакого избавления. Не было избавления от навязчивости всей той гадости, которая беспричинно лезла ему в голову. В его голову. Голову, которую он давно уже готов был отрезать. Вырезав мозг. И поджарив его на огне. Или... Или, например, мозг можно было запечь на углях. И съесть. Вернее, -- есть до тех пор, пока не выворотит обратно. А уже потом застрелиться. Ибо жить с подобным наказанием он бы не смог все равно. Переживая (за все – ложное! – происходящее) еще больше, чем, конечно же, в его ситуации было возможно.

Но ему почему-то уже не виделось какого-то иного выхода. Словно бы это, в действительности, должно было произойти именно так. Словно бы... Словно бы не было ничего, что могло бы предотвратить назревающую трагедию. Трагедию, от совершения которой совсем не было способов предотвращения ее.

И в какой-то момент он в действительности поверил, что это все произойдет именно так. Что... Гринько запутался окончательно. Он совсем не знал, кем он был по настоящему. Ведь когда-то ему пришлось выдумать себе двоюродных братьев. Не только выдумать их образ, но и заставить поверить в них окружающих.

Потом он (словно бы сознательно) убрал их. Ему уже не хотелось играть. И он сделал так, что и сам забыл их. Исчезли Магистров и Кондратьев. Исчез сам Ромашин. Появлялись и исчезали другие. Он стал Гринько. Виталием Гринько, которым пока и продолжал быть. Но теперь ему расхотелось быть им. Когда-то услышанное им слово деперсонализация – теперь совсем не было чем-то пугающим и неизведанным. Это происходило с ним. Это заставляло его словно бы заново переживать состояния, испытываемые придумываемыми им людьми. Людьми, которых в действительности никогда не было. Людьми, которых он ненавидел настолько же, насколько ненавидел и себя. Людьми, частью которых был он сам.

Людьми... Людьми... Людьми...

.....

Иногда ему казалось, что это были и не люди. Призраки. Это были какие-то призраки. Которые периодически заслоняли его сознание. Которые хотели, чтобы он был таким же, как и они. И которые (часть за частью) забирали у него – частичку его же. Не давая ничего взамен. И только лишь еще больше убивая его. Разрушая его разум. Превращая его – в ничтожество. Ненавидимое самим собой.

И уже казалось ему, что совсем не было прощения. Казалось, что наступит такое время, когда все оборвется как-то разом. В один момент.

И быть может, совсем уже не придется мучиться. Ловить какие-то искорки счастья. Удачи. Замечать проблески того, что когда-то озаряло его путь. Его совсем не нужный путь. Путь, которого на самом деле никогда и не было. И от осознания этого – ему становилось еще хуже. Еще тяжелее. Еще мучительнее.

Ну и еще, конечно же, от того, что он совсем не знал – будет ли от этого когда-нибудь избавление.

И уже казалось ему – что не будет.

А значит... А значит тогда – он проиграл.

И все. Его уже, может, и нет совсем. Не будет. Да и не было никогда.

И он понимал, что вновь запутался. И уже – окончательно.

--Судьба такая, быть может,-- рассуждал он.

--Судьба...-- отвечал сам себе.

И обхватив голову руками – плакал.

Рыдал как мальчишка. Юнец. Сопляк. Каким в душе оставался, несмотря на то, что возраст его уже зашкаливал за сорок. И что за жизнь было увидено им на две, три, четыре... жизни. Обычных -- жизни. Обычных жизней обычного человека. Жизни, которой у него никогда не было...

Но и говорить так, по настоящему, наверное, было неправильно. Не до конца правильно. Ибо в какой-то поверхности своего сознания Гринько понимал, что живет-то он как раз сейчас. А может жить еще и иначе. И тоже – живет так. А потом – еще и еще. Его сознание, словно бы приподнимало какие-то неизвестные раннее пласты. Давая возможность пожить уж совсем неизведанной жизнью. Которой, быть может, никогда у него и не было. И которая наверняка «есть». Уже хотя бы потому, что...

.....

Гринько вновь поменял фамилию.

Теперь он стал... Говоровым.

Арсением Семеновичем Говоровым.

Причем удивительно было то, что говорить-то в последнее время «Говоров» и не любил. Ну, - не очень любил. Словно бы собирался (все время собирался); даже, быть может, был вынужден. Но... Не с особой, как говорится, охотой. Говорил.

Притом, что иногда, – он «заливался» как соловей.

И это даже выходило настолько забавно (казалось – забавным), что Говоров по своему внутреннему укладу остался таким же, каким и был раньше. Нелюдимым и застенчивым. Но вот

словно бы те два (а то и три) человека, которые жили в нем всегда (чуть ли не с момента самого что ни на есть рождения), – теперь получили совсем уж равнозначные права. И ни один из тех, кто раньше, как будто бы, был таким же, как и «другие» (казался таким – альтер-эго Ромашина),-- теперь, когда Ромашин стал Говоровым – получил как бы совсем уж равнозначные (и действительно равнозначные) – возможности.

И ничто уже словно бы и не говорило, что нужно таиться, прятаться (думая, что именно таким он и должен быть); или наоборот – выпячиваться изнутри, являя пример радушия и доброжелательности.

Совсем даже нет. Говоров словно бы стал одним человеком. И все, что доселе «скрывалось» у него внутри – теперь получило выход.

Почти невозможно было сказать, как это воспринимал сам Говоров. Ведь теперь словно бы он мог торжествовать победу. Образовалась некая целостность. Единение. Того, что было у него внутри – с тем, что раньше если и было снаружи (или лучше сказать: внешне), то, как бы, заметно было только при взгляде самого внимательного наблюдателя.

А, по сути, какое-то время оставалось все таким же – незаметным. На первый взгляд, разумеется.

Глава 3

Внутреннее состояние души Говорова на самом деле не изменилось.

Это только на первый взгляд показалось, что он стал другим. Но насколько человек может показаться другим, если, по сути, он и не изменился. И даже если он все время жаждет этих самых изменений, то он уже скоро может внушить, что изменяется. Что изменился. Тогда как на самом деле...

Вот, например, Арсений Семенович стал более внимательно относиться к женщинам. Их он уже не боялся, как это было раньше. И те скрытые сексуальные фантазии, которые когда-то претворял (реализовывал) только во сне – теперь стали происходить на яву. И не с проститутками (ну или с блядьми, как это было доселе),-- а самыми что ни на есть обычными женщинами.

Пусть необычность этих женщин заключалась лишь в том, что они были более сексуально раскованные. И готовы были откликнуться на любые эксперименты, которые им предлагал Говоров.

И уже даже это не то, что было какими-то экспериментами. Это, можно было сказать, была обычная жизнь. Просто впервые (что уж точно – впервые) за все время – Говоров не испытывал ни

смущения, ни... отвращения. Да и женщины уже не были теми «малолетками», с которыми он экспериментировал вначале. И уж если он трахал их, то трахал, как говорится, «по полной программе». Без всяких там условностей да ограничений. Используя все возможности, которыми наделила его природа. И его огромный член (раньше он как-то не замечал его размеров) врывается в изошедшую в томлении плоть женщины (чаще всего это теперь были зрелые женщины, которые если хотели секса, то хотели его на самом деле). Разрывая ее изнутри и накачивая с такой силой (а даже можно сказать – жестокостью), что женщина в этот момент и не думала о чем-то еще, кроме как о том, чтобы ее ебали. И это бы продолжалось вечно. Потому что всегда кажется, что наслаждение может закончиться. А этого не очень бы хотелось. Совсем бы не хотелось. Вообще, этого бы никогда не хотелось.

Да и могло ли это когда-нибудь прекратиться? Сил у Говорова оказалось столько, что у той или иной женщины уже заканчивалось желание. А Говоров все не выходил из нее. А если и «выходил», то лишь затем, чтобы перевернуть ее на другой бок (ну или в другую, какую, позицию), и «обрабатывать» по новой.

.....

Кто-то из недоброжелателей говорил, что Говоров свихнулся на сексе. Но мне все-таки кажется, что это было не так. Он просто получал свое. И намеревался это делать столько, сколько у него, собственно, получится.

Ну а так как получалось, то почему он, собственно, должен был останавливаться?

Да совсем не должен был.

Незачем.

Он и не останавливался. Трахая, ту или иную, попавшую к нему, женщину – часами. Бывало по пять, шесть часов. И при этом с каждой минутой чувствовал, что сила в нем только прибывает. И что он готов был бы изнасиловать вечность. Если бы эта «вечность» когда-нибудь бы материализовалась. Превратившись в женщину. Любимую им женщину. Хотя и нелюбимых женщин для Говорова не существовало. Их просто не было. Не могло быть. И для него если была женщина – то это означало, что с ней можно было вступить в орально-анально-генитальный контакт. Что он и делал. Да и женщины-то, все больше ему попадались такие, которым нравился секс. И которые с легкостью допускали любую вольность и фантазию со стороны мужчины. Особенно, если этим мужчиной был Арсений Семенович Говоров. Извращенец, по сути...

Глава 4

Проходило время. Говоров уже свыкся со своим новым статусом. Теперь ему совсем было не нужно под кого-то подстраиваться. Он словно бы стал ощущать себя «самим собой». Может

даже таким, каким он всегда и мечтал быть. Без всяких там условностей; и, конечно же, впервые – без «игры». Да и «играть» он был совсем не намерен. Отыграл. Настолько, насколько это стало возможно, Говоров начал заново (и уже, получается, как бы «по новой») открывать жизнь. Жизнь, которой раньше он как будто и боялся.

--А ведь он и на самом деле раньше боялся жить,-- подумал Говоров.-- Боялся наслаждаться этой самой жизнью. Боялся невольно совершить поступок, расценить который могли совсем не так, как это было бы возможно (уже в понимании самого Семена Арсениевича Говорова). И, по сути, удручало его в большей мере именно это. Он как бы и не жил, а все время пятился в темноте. Выбирал путь, который уже изначально был не его. Был, можно сказать, ложным. Неправильным. Ошибочным. И, идя по нему... Вернее, не так. Говоров шел по этому пути, уже изначально зная, что идет неправильно. И никуда это дорога его не выведет. А быть может и вообще – приведет туда, где... ничего нет. Где тупик. И придется возвращаться.

А потом неожиданно для него открывался новый путь.

Говоров шел по нему.

И вновь – никуда тот его не выводил.

Не выводил туда, куда он бы бессознательно хотел. И снова и снова Говоров чувствовал, что ошибается. Что впереди его ждут – пустота. А позади... А уже и не было возможности вернуться обратно. Повернуть назад. Не было этой возможности.

И он как бы перебарывая сам себя – продолжал брести вперед. Уже, получается, безучастно. Навскидку выдумывая самому себе нечто, от чего как будто и воодушевлялся. Но было это настолько нелепо и неправильно, что...

Нет. Конечно же, это было неправильно. Говоров понимал это и сам. Но вот что-то кардинально изменить – у него получилось только сейчас. И он – в глубине собственной души – был этому рад. Рад настолько, что ничего больше менять не хотел. Собираясь, как вроде бы, довольствоваться тем, что у него было. Словно бы боясь признаться, что – что-то изменить – у него уже и не получится.

Да, быть может, это и не нужно было ему. Не так – необходимо.

Хотя бы потому, что он в какой-то мере «нашел себя». И даже -- был счастлив.

(Насколько, конечно, могут быть счастливы люди в его положении).

Но тогда уже, единственно верно было одно – пока он решил ничего не менять. Пусть и... ему этого хотелось...

07 мая 2006 год.

Рассказы

Маршальский жезл

Полковник Онегин мечтал стать маршалом.

Даже не генералом – а именно маршалом.

Притом что пока он был капитан. А Полковник -- это было его прозвище. Полученное еще с курсантских времен.

Онегину было тридцать лет. Служил он в войсках связи. Преподавателем в академии.

Преподавал Онегин физическую подготовку. А до этого закончил военный институт физической культуры. И это все, что у него было культурного. Потому что капитан Онегин был пьяница и бабник. И мечтал стать маршалом – чтобы иметь баб еще больше. И водки пить, получается, тоже больше.

Еще будучи курсантом, Онегин выработал своеобразный план, который в случае удачи должен был привести к цели.

Но пока удачи не было. Некоторые его однокурсники стали уже майорами. Кто-то и подполковником. А кто-то и учился уже в академии генштаба. И все шло к тому, что они могли опередить его в возможности стать генералами.

Но вот в том-то и дело, что Онегин хотел стать только маршалом. И пока рассматривал успехи своих товарищей (которые были ему вовсе не товарищи) как нечто случайное, что в жизни вполне может произойти. Но все это как бы еще ничего не значило.

Да и наплевать, по сути, было Онегину на товарищей. Так же как и не на товарищей тоже. И даже вообще – Онегин шел к цели своим путем. И что это был за путь – знал лишь он один. И в свои секреты никого не посвящал.

.....

А все дело в том, что Онегин давно уже был генералом. Генералом армии. И до заветной цели ему оставался лишь один шаг. И зависел этот шаг только от желания Игоря Семеновича Онегина. Человека железной воли и поразительной твердости. А еще решимости и силы духа. Ну и тогда уже получалось – человека вообще любых положительных качеств. Которые были свойственны ему. Его личности. Его...

Сумасшедшим был Онегин. Давно уже сумасшедшим. И лежал в соответствующей палате соответствующей клинике. И упорно не хотел лечиться. А словно бы наоборот – принимал только те таблетки, которые вызывали в нем полет фантазии. Галлюцинации, в общем.

И лишь раз испытал подобное – Онегин уже не мог остановиться. И первый раз это случилось еще, когда он был курсантом 2-го курса строительного факультета военно-инженерного университета, откуда его отчислил после третьего семестра. Но в армию не забрали. Отправив вместо этого на лечение. С последующим автоматическим освобождением от любой формы воинской повинности и каких-либо обязанностей перед армией и флотом.

Впрочем, так же как и каких-то прав.

Но Онегин был за это не в обиде. Он вообще никогда не обижался. У него была цель, и он этой цели должен был достигнуть.

Но самое печальное (для Онегина) было то, что кто-то из душевнобольных настучал на Онегина. И его взяли на спецконтроль. А значит, он уже не мог принимать те таблетки (и в тех количествах), которые хотел. А должен был принимать только те, которые ему прописывал врач.

Ну а еще Онегину (словно бы для надежности) прописали уколы. И особый уход. Видимо он сильно надоедл лечащему врачу. И тот захотел, чтобы Онегин наконец-то вылечился.

Но видимо врач не совсем верно рассчитал дозу (или что-то напутала медсестра). Или же вообще врач ошибся в выборе лекарств. Потому что случилось так, что галлюцинации у Онегина начались вновь. Причем настолько сильные, что согласно им Игорь Семенович давно уже был маршалом. И если дела так пойдут дальше (шепнул ему пациент той же клиники что и он, незадолго до этого назначенный Онегиным личным адъютантом и произведенным в генеральское звание) то Онегин может стать президентом.

И эта перспектива Онегину очень даже понравилась.

А потом он подумал, и разжаловал адъютанта в рядовые. И тот больше не был генералом. Потому что Онегин понял, что совсем не хочет становиться президентом. Все-таки его мечта была стать маршалом. А мечтам изменять он не привык.

А потом... А потом Игорь Семенович Онегин выздоровел. Внезапно, и достаточно неожиданно для самого врача. И теперь держать Онегина в психиатрической клинике было не нужно. Его нужно было отпускать.

И уже выйдя за ворота больницы, и зная, что врач (который проникся к нему необычайным вниманием) стоит на пороге и смотрит вслед, Онегин обернулся и прокричал, что он все равно скоро станет маршалом; чего бы ему это не стоило.

А потом Онегин побежал. И бежал он так быстро, что, наверное, никто бы его не догнал.

Но за ним никто и не гнался. И вообще с недавних пор врачу было все равно. Он даже не слышал, что ему кричал недавний больной.

Врач думал о своем. Уже несколько лет он мечтал стать генералом. И теперь понял, что может в этой мечте признаться главврачу. И направился в его кабинет.

.....

Они встретились спустя год. Маршал Онегин и бывший врач, который все-таки стал генералом.

Встретились они в кафе.

И пили исключительно коньяк.

А потом... А потом они пошли спать. В послеобеденное время им всегда полагался сон. А кто не хотел спать – тех заставляли. Потому как был порядок. И следовать ему – было обязательно. Обязательно для всех пациентов психиатрических клиник нашей страны.

24. 04. 2006 г.

рассказ

Игорь

– Я ебал их в рот, – признался мой друг, когда мы вышли из рекламного агентства, где он устраивался на работу. Я ходил за компанию.

– Но они ведь тебя приняли? – удивился я.

– Приняли... – согласился друг. – Но перед этим ты слышал, как долго ебали?

– Нет, – признался я. – Я стоял за дверью.

– В том то и дело, – многозначительно посмотрел на меня Игорь (друга звали Игорь). В том то и дело. И этого я им не прощу.

– Значит, ты отказываешься работать? – уточнил я.

– Я такого не говорил, – остановился от подобного предположения Игорь.

– Ну, не говорил, так не говорил, – посмотрел я на него. На его лице я заметил беспокойство.

– Нет, ну хочешь, мы сейчас вместе пойдем к ним, и они мне скажут, что я у них работаю, – не унимался Игорь.

– Верю, – согласился я. – Я тебе верю.

– Еще бы! – кивнул Игорь.

Я был знаком с Игорем три года. За эти три года он сменил восемь работ. Самое долгое – продержался три месяца. Потом его выгоняли. Его всегда выгоняли. Как только лучше узнавали – тотчас же предлагали написать заявление об уходе. «Ну не суки»? – вопрошал удивленный Игорь. Я

всегда соглашался с ним, что они «суки». Ну, а почему нет? С Игорем я дружил. А тех людей не знал. Их, может даже, не существовало. По крайней мере, в то, что они были, я не очень верил. Почему же они не могут быть «суками»? Ну, хотя бы теоретически? Могут. Вот и я так считаю.

Удивительно, но устраивался на работу Игорь всегда с первого раза. У него поразительно красивая внешность. Высокий, спортивного телосложения, Игорь походил на стриптизера. Девушки оборачивались ему вслед. Такое же впечатление он производил на девушек работавших менеджерами по персоналу. Они брали его на работу. Он улыбался и благодарил. От этого девушки хотели с ним переспать. Он не отказывался.

Проблемы начинались потом. Когда оказывалось, что Игорь успел перессорить между собой всех, более-менее привлекательных дам коллектива. Он переспал с ними со всеми. И постепенно они об этом узнали. Все. Причем разом или это происходило постепенно, уже не имело значение. Игоря стали ненавидеть. Он получал расчет. И с легкостью устраивался на работу в другую фирму. В любую, где был большой женский коллектив. Если в коллективе не было женщин – работать Игорь не мог. Если было женщин мало – обычно тоже не работал. Женщины его вдохновляли. Ему нравилось представлять, как он будет заниматься любовью с той или иной сотрудницей. И вскоре действительно занимался с ней любовью. Игоря совсем не интересовало, была ли женщина замужем, был ли у нее бой-френд, для него подобное было безразлично. И у него была такая внешность, что некоторые мужчины вполне не отказались бы отдать ему на ночь своих жен. С одним условием: они будут подглядывать.

Извращенцев-мужчин Игорь не любил. Иногда он с ними занимался любовью. Занятия любовью было единственным, что ему нравилось. По крайней мере, подходил он к этому с гораздо большим воодушевлением, чем к какому-либо другому занятию. Уж так выходило.

На вид Игорю было не больше сорока. Вероятней всего, ему было тридцать семь. Даже если бы ему было больше или меньше – все равно он был похож на мужчину, которому тридцать семь. Красив. Игорь был очень красив. Видимо именно это решало его судьбу. Пуская Игоря в вечные странствия по агентствам Питера. Игорь искал работу только в сфере услуг. Любых. Будь-то туристические (по одной из профессий он был гид-экскурсовод), или рекламные (было у Игоря и рекламное образование). Но все это, впрочем, не имело значения. Где-нибудь постоянно работать Игорь не мог. Ему нравилась жизнь свободного художника. Тем более он в какой-то мере мог это позволить. Папа Игоря занимался строительным бизнесом в Москве. На «мелкие расходы» он еженедельно ссужал сыну тысячу долларов. У папы Игоря было много денег. И в душе он переживал, что вынужден был давать сыну так мало.

– Пойдем в ресторан, – предложил Игорь.

– Будем отмечать устройство на работу? – догадался я.

Игорь кивнул, улыбнувшись. У него была очень красивая улыбка. Официантки наш столик обслуживали в первую очередь. В парикмахерскую Игоря пропускали без очереди. Даже чиновники выдавали ему любую справку. Сразу. Спорить с Игорем было не о чем. У человека с такой располагающей внешностью не было причин беспокоиться. По его лицу нельзя было заметить, что Игорь любил выпить, не спал по ночам, и вообще вел беспутную жизнь. Наоборот, на вас смотрел умный и красивый мальчик. То, что этому мальчику было далеко за тридцать – значения не имело. В отношении Игоря вообще переворачивались с ног на голову любые представления. То, за что других могли уволить или как минимум накричать на них, в отношении Игоря не замечалось. Как-то бессознательно вы гордились, что просто находитесь рядом с ним. Если он вам улыбался, вы расцветали. Если сердился – стремились искупить вину. Притом что на самом деле и вы, и кто-то другой, Игорю были безразличны. Но эффект от его слов или взгляда – всегда был противоположный. И вы начинали чувствовать, что вы этому шикарному мужику не безразличны. И можете даже попытаться заполнить его. Если сделаете все, что он захочет.

Обычно Игорь хотел секса. Иногда за день он успевал переспать с несколькими женщинами. Никто из них не догадывался о партнерше. Каждая считала, что она – та единственная, которая ему нужна. Притом, что Игорь ни о чем таком ей не говорил. Он старался вообще меньше разговаривать. С его хрипловатым баритоном на фоне внешности он сводил с ума и так. Если бы он надумал поставить цель, мне кажется, он привязал бы к себе многих женщин. Но Игорь как раз этого и боялся. Ему было не нужно, чтобы в него влюблялись. Ему достаточно было просто секса на один-два раза. Редко когда три. Больше было излишним. Она – могла привыкнуть. Он... Его уже ждала новая партнерша.

Я знал, что у Игоря есть две подруги, с которыми он не спит, и которые, зная о существовании друг друга, не конфликтуют между собой. И не имеют на Игоря никаких претензий. Когда я впервые увидел их, подумал что готов влюбиться. Но вовремя остановился. Девушки были лесбиянками. Игорь общался с ними на равных. Они обменивались подругами. Причем я знал, что не используя подруг в качестве сексуальных партнеров, Игорь тем не менее иногда находился с ними в одной постели. И они вместе занимались любовью с девушками.

Девушки Игоря необязательно должны быть красивыми. Это его основной принцип. Для него было главным, чтобы девушка желала переспать с ним. Чем она была некрасивее – тем жарче, он знал, будет отдаваться ему. В стремлении компенсировать свою некрасивость. Да и вообще, по мнению Игоря, некрасивых женщин не бывает. Бывают дуры и фригидные суки. Игорю больше

нравились бляди. Он им тоже нравился. Видимо что-то срабатывало в мозгах у девушек, когда они видели его. С Игоря даже не брали денег проститутки. И всегда готовы были обслужить его еще.

Хуй его знает, какая в нем скрывалась загадка. Женщинам видимо виднее. С Игорем я просто дружил. А еще вернее – он почему-то тянулся ко мне. И, хоть я всегда общался с ним охотно, знал, что если Игорь перестанет общаться со мной – контакта с ним я искать не буду. Я вообще первым никогда не искал общения. Для меня намного ближе было одиночество. И так случилось, что со временем я словно бы случайно заразил этим и Игоря. Он вдруг признался, что устал от людей. И даже... начинает их бояться. По крайней мере, старается избегать.

Я предложил Игорю пройти курс психотерапии. У меня был на примете хороший психотерапевт. Правда, сам он был немного чокнутый. Но это не имело значения. Как врач – он был настоящий специалист. Выпустил даже книгу, то ли по депрессиям, то ли по неврозам. Страдая, как я знал, и тем и другим.

Но Игорь отказался. Он не считал, что с ним происходит что-то опасное. И даже, я подозревал, наслаждался своим состоянием.

.....

Игорь ко мне прибежал, когда с ним случилась действительно проблема. У него не встал хуй.

Я дал ему телефонный номер знакомого сексолога. Сексолог была женщина. Очень обаятельная и абсолютно безразличная к мужчинам. Она любила женщин.

После общения с Игорем женщина-сексолог готова была сменить ориентацию. Еще через месяц они подали заявление в ЗАГС. Через полгода развелись. Потом зарегистрировали брак вновь. Для надежности еще и обвенчавшись в церкви.

А еще через полгода – неожиданно уехали в Нью-Йорк. Один из клиентов жены Игоря основал клинику. Женщине предложил стать главврачом. Игорь... Я не знал, чем занимался Игорь в Америке. Я не знал даже, занимается ли он сексом с кем-то, кроме своей супруги-сексолога? Или она выматывала его так, что ему уже больше не хотелось? Я действительно не знал. Да и меня это не очень интересовало. Я стал замечать, что мне вдруг становится скучно общаться два раза с одними и теми же женщинами. Мне необходимо было уложить их в постель с первого раза. Это была настоящая игра, требующая ума и сноровки. И какое-то время я заигрался. Пока сам не заметил, как женился. Причем видимо это оказалось неожиданностью и для моей супруги. Несколько месяцев мы честно прожили в браке. А потом вернулся из Америки Игорь. И я стал жить с ним. Признавшись, что именно этого мне все время и не хватало. Игорь считал так же...

02 октября 2006 год

рассказ

Коммунальная квартира

1

– Сколько ты сможешь меня ебать? – спросила Вероника.

Вопрос мог стать риторическим. Ответа на него могло не быть вообще. Я задумался.

– Извини, что я тебя вот так, на прямоту спрашиваю, – посмотрела на меня женщина.

Женщина была лет на двадцать меня старше. Ей было сорок. У нее были густые черные волосы, небольшая грудь (ее размеры угадывались в вырезе халата), средней длины ноги, средний рост, и большой рот. Когда я увидел этот рот в первый раз, подумал, что было бы неплохо вложить в него свой член. Губы ее были накрашены коричневой помадой. Чем-то женщина походила на испанку. Хотя, по всей видимости, была русская.

Вероника была моя соседка по коммунальной квартире. Когда я приехал в Санкт-Петербург, то стал жить в коммунальной квартире. В Краснодаре я жил с родителями в отдельной трехкомнатной квартире. Сейчас у меня была только комната.

– Ты, наверное, совсем не хочешь ебаться, – опустил голову и уставясь в бокал (мы пили с Верой на коммунальной кухне), произнесла пьяная женщина. Другие меня сразу ебут, а ты еще о чем-то думаешь, – услышал я.

Я запустил одну руку женщине в халат, обняв пальцами ее грудь, другой полез ей между ног. Мои пальцы уткнулись в волосы. Еще было время подумать. Но женщина уже схватила меня за давно стоящий хуй. И у меня не осталось выбора.

Отъебал я ее прямо на столе в коммунальной кухне. Задрал халат, повернул спиной, и, дождавшись пока ее пальцы вставят в пизду мой член, стал то вгонять этот член еще глубже, то возвращать его обратно. Женщина стала постанывать. Я не думал, что она будет это делать так громко. «Потише!» – попросил я. «Да пошли они все на хуй», – в порыве страсти воскликнула женщина. Я стал ебать ее быстрее. Вожделение настолько захватило меня, что мозг уже отказывался думать о чем-то другом. Передо мной была спина женщины, одна моя рука задрала за волосы ее голову, другой я то прихлопывал ее по ляжке, то поддерживал равновесие, схватываясь за эту ляжку. Упасть я не хотел. Чтобы мой разгоряченный член выскочил из ее вагины – не хотел тоже. И мне и ей, то, что мы делали, нравилось.

Когда я кончил, она слизала с моего сникшего пениса остатки семени, и попросила закурить. Я достал из кармана пачку, и бросил на стол. Что-то, видимо, она увидела в моих глазах, потому что усмехнулась. «Не ожидал такого знакомства?» – спросила она, закуривая. Сигарета смотрелась в ее губах эротично.

«Почему?» – пожал я плечами. Я мог ей сказать, что как только вселился в квартиру и увидел ее с мужем, уже понял, что должен отъебать ее. Это я заметил по ее взгляду. И по виду мужа, который действительно оказался немного пришибленным. Сейчас он был «на сутках». Федор (муж Веры) работал охранником, сутки через двое. Те сутки, когда он был на работе, теперь я трахал его жену. Такой порядок установился как бы сам собой. Он на работу – она ко мне в постель. (Еще одни соседи – всего было четыре комнаты, они занимали из них две – весну, лето и начало осени жили на даче. Сейчас было начало лета).

Поговорив еще какое-то время, мы разошлись по комнатам. Мне почему-то казалось, что муж Вероники догадывался, что я поебываю его женушку. Но реальных доказательств у него не было. Да и почему-то я был уверен, что он считал, что лучше пусть это буду я, чем кто другой. Чем-то я понравился бывшему прапорщику. А мне, если честно, нравилось его простое деревенское лицо. Честное и открытое. Я даже иногда выслушивал его глупейшие комментарии по поводу событий происходящих в России. Геополитический анализ Федора ничего кроме усмешки вызвать не мог. Но я не только сдерживался, но и, бывало, поддакивал ему.

«Нет, ну посмотри, – возмущался Федор, держа в руках газету, а другой наливая себе стакан (мы встречались обычно на кухне). – Эти суки совсем оборзели!»

«Что там случилось?» – спрашивал я, вглядываясь в текст газеты. В квартире я обычно ходил без очков. Поэтому, естественно, ничего разглядеть в дрожащих руках Федора не мог. Поэтому смотрел в газету просто из приличия. И чтобы лишний раз не видеть его лицо. Иногда оно меня раздражало.

«Нет ну не суки!» – искренне возмущался он. Федор мог одинаково возмущаться, если в какой-нибудь стране произошел переворот, если сообщались доходы какого-нибудь олигарха, если где-то публиковали фотохронику ДТП, и вообще возмущаться чем угодно. Любая новость задевала Федора за живое. Я был его добровольным слушателем. Когда хочется есть, а Федор иной раз мог сидеть на кухне часами, невольно станешь слушателем. Заодно, я как бы узнавал новости.

«Нет, ну вот ведь сука!» – в очередной раз выругался Федор.

Я решил, что журналисты в очередной раз напечатали доходы олигархов.

«Смотри, какая рожа, – показал мне Федор фотография известного олигарха. – Яйца купил... На хуя ему яйца?» – задумчиво произнес полупьяный сосед.

«Не переживай ты так, – попытался я его успокоить. – Напиши письмо в газету. Мол, так и так, как давний читатель вашей газеты хочу знать, откуда у гражданина такие деньги, чтобы свободно покупать на аукционах яйца».

«Не, Серега, я ведь серьезно», – искренне посмотрел на меня Федор.

Мне стало неловко. «Ну купил и купил, – отмахнулся я. – Выпей лучше. Водка стынет», – кивнул я на бутылку, в которой еще оставалась белая жидкость.

«Выпьешь со мной?» – спросил Федор, пытаясь протереть рукавом еще один стакан, стоящий на столе.

«Да я уже выпил», – пошел на обман я. Пить в восемь утра (сосед только пришел с работы) не хотелось. К тому же я толком не выспался. Веронике в этот раз все было мало и мало. И я слез с жены Федора только часа два назад. Хотелось спать. Но еще больше хотелось есть. Я собирался отрезать кусок колбасы, хлеба, и пойти в комнату. Включить телевизор, и перекусив, завалиться спать. Длительные разговоры с соседом в мои планы не входили. Но и совсем проигнорировать его я не мог. Все-таки у меня была совесть. Если я спал с его женой, то считал себя обязанным хоть изредка уделять внимание и ему.

Я поставил чайник, подумав, что вполне могу выпить чай в компании с соседом. К тому же я замечал, что Федор как-то тянулся ко мне. Может, уважал за то, что у меня к тому времени вышел сборник стихотворений. Может за то, что я работал корреспондентом (внештатным) в газете и учился в университете. Черт его знает. «Гадать – себя не уважать», – вспомнил я поговорку Буркова, ответственного секретаря газеты где работал.

Продолжения разговора с Федором не состоялось. Я только отлучился в комнату за сигаретами, а когда пришел, Федор был уже пьян. В дупель. Опьянев как-то сразу, и, положив голову на стол, похрапывал. У меня появилась глупейшая идея заглянуть к его жене. И представив ее в теплой постели, я почувствовал, что мой член начал принимать положенные ему размеры. Положенные для проникновения в женщину.

«Почему бы и нет?» – решил я. До этого я занимался любовью с Вероникой только в отсутствие ее мужа. Но сейчас, был настроен попробовать и тогда, когда тот был дома. Хотя бы даже и не трахнуть ее. Был достаточен сам факт возможности подобного. Например, я бы успокоился, если бы только всунул член в ее пизду. Или, например, она бы обхватила его губами. Программа минимум на этом могла быть выполнена.

Я еще раз посмотрел на спящего Федора. Судя по храпу, он действительно спал. Сутки на работе да алкоголь вполне к тому располагали.

Я осторожно подкрался к его комнате. Потянул дверь. Дверь оказалась не заперта.

В комнате пахло пиздой. Быть может это был какой-то другой запах, но мне почему-то показалось, что этот запах пизды Вероники. Я подошел к постели. Вероника спала на боку. Одна нога была закинута за другую. Ночная сорочка оголилась, явив моему взору темный край половой щели жены соседа. Я осторожно, стараясь не дышать, вытащил свой член (все еще стоящий), и осторожно вставил его во влагалище женщины. Скользнув мимо половых губ, он оказался внутри.

Вероника даже не проснулась. «Или действительно крепко спит или делает вид, что спит», – подумал я.

Излив остатки спермы в спящую женщину, я осторожно слез с нее, запихнул свой пенис обратно в брюки, повернулся, собравшись выходить, и, бросив взгляд на дверь, увидел... глаза Федора.

«То ли он только сейчас вошел в комнату, то ли все это время стоял, наблюдая за процессом трахания его супруги и по-своему охуевая», – подумал я. Мне показалось, что Федор должен был дико закричать и броситься на меня. Я внутренне сжался, решив, что если он на меня бросится, я пробью правый прямой в его подбородок и свяжу ремнем, когда он потеряет сознание. А потом мне, наверное, придется съехать. Сосед мне жизни не даст.

Весь этот сценарий пронесся передо мной в доли секунды. Я, опустив голову, ждал нападения. Пауза затянулась. Я решил посмотреть, что с соседом. Мой взгляд уперся в немигающие глаза Федора. Федор смотрел на меня и ни о чем не думал. Смотрел она меня с огромной фотографии, приколотой к обратной стороне двери. Я медленно вышел и прошел в свою комнату. В коридоре был слышан храп реального Федора. Он по-прежнему спал на кухне.

2

Другие наши соседи (бабка с дедом) вернулись с дачи раньше времени. Причина тому – приезд к ним внучки. Внучке было семнадцать. Она решила поступать с институт. Пока не устроится в общежитие, жить она должна была с ними. Я нравился старикам. К себе я никого не водил. Сам целыми днями сидел дома (сочинял). Почти не пил. Бросал курить. Так что, во всех отношениях, хороший сосед. «Лучше чем Зойка», – доверительно сообщила мне бабка, имея в виду еще одну их соседку, которая сдала мне комнату, перебравшись жить к очередному мужу.

Внучка стариков мне не понравилась. Она походила на монашку и гримзу. Да и лишний человек в квартире радости не приносил. После отдельной квартиры коммуналка меня иногда раздражала.

Лена (внучка) не пришлась по душе и Веронике. Они уже даже успели поругаться. Вернее, Вероника обругала ее, прицепившись к какой-то хуйне.

В бабские споры я не встречал. В них можно было погрязнуть. Да еще и оказаться в чем-нибудь виновным. К тому же отношения с Вероникой портить я не хотел. Я вообще старался, чтобы меня все любили. Так было проще жить. Знать, что на тебя кто-то «точит зуб» я не мог. С моими нервами это было невозможно. Психика была расшатана долгими выступлениями на ринге. Успокаивался я марихуаной. «Поэтому и почти не пил», – вспомнил я слова бабки-соседки.

Экзамены в институт Лена провалила. Бабка с дедом отбыли на дачу, решив не мешать ей готовиться к поступлению, и о новости еще не знали. Вероника с мужем уехали на выходные к матери Федора на дачу. Утешать Лену пришлось мне. Я не заметил, как она оказалась у меня в постели.

– Что теперь будет?»? – стала всхлипывать девушка на следующее утро. (Для лучшего успокоения я дал ей покурить травы, после которой она «завелась» и согрешила).

– Ты о чем? – спросил я, подумав, что она вероятно о проваленных экзаменах.

– А ты не заметил? – удивленно посмотрела на меня Лена.

И только тут я вспомнил, что когда входил в нее, поначалу мне что-то мешало. Потом случился прорыв, и член очутился в привычной обстановке. До меня Лена была девочкой. Сейчас она имела в виду это.

У меня был повод серьезно задуматься. Вернее, следовало убедить Лену, что ничего страшного не произошло. У всех что-то когда-то происходит в первый раз. Ну, еще быть может намекнуть, что лучше, чтобы это произошло со мной, чем с каким-нибудь придурком в которого она влюбится после этого, а он станет только пользоваться ее телом. Что-то подобное (как мог вежливо и аккуратно) я ей сказал. Для лучшего восприятия выдумав даже какую-то историю, якобы рассказанную мне... Ну, в общем, она поверила, что кто-то мне ее рассказал. И вроде бы как успокоилась. А я подумал, что теперь делать уже мне. Было как минимум три варианта того, чего бы мне не хотелось. Мне бы не хотелось, чтобы бабка с дедом узнали, что я трахнул их внучку. Мне бы не хотелось, чтобы меня стала ревновать Вероника. Мне бы не хотелось, чтобы в меня влюбилась Лена. Самым лучшим было на какое-то время мне уехать. Но вот только куда?

Я стал перебирать разные варианты. Остановился на море. «Почему бы мне действительно не поехать на море?» – подумал я. Официально я нигде не работал. Сотрудничая с несколькими газетами и журналами, деньги в их кассах я получал как внештатный корреспондент. В штат обещали зачислить, но если честно я этого не хотел и сам. Мне больше нравилось быть свободным художником.

В общем, по большому счету меня ничто не держало. Сняв с книжки необходимую сумму, я купил билет, и через два дня уже купался в Черном море. На юге я намеревался провести две-три недели. «За это время в Санкт-Петербурге что-то должно было устаканиться», – решил я. А к моменту моего возвращения должно быть уже все спокойно. Вернется в свой город (кажется, она была из Череповца) Лена. Воспылает еще большей страстью ко мне Вероника. «Ну, а дед с бабкой еще будут на даче», – радостно подумал я. И все будет хорошо.

.....

Когда я приехал в Питер...

В Питер я смог вернуться только через два месяца. Почти месяц пробыл на море, месяц у родителей. Когда я приехал в Питер, там действительно все изменилось. Но таких изменений я предусмотреть не мог. Вероника ушла от мужа к любовнику. Федор начал пить и его выгнали с работы. Бабка лежала в больнице, сломав, прыгая с электрички, ногу. Дед вернулся с дачи и пил вместе с Федором. А Лена... Лена оказалась беременна. Не от меня (я помнил, что кончал ей в рот). И собиралась замуж за будущего отца своего ребенка.

А я понял, что мне надо искать другую комнату. Питер – большой город. И это-то как раз было не проблема.

6 октября 2006 год.

рассказ

Ошибка судьбы

Василий Никитин, тридцатилетний стажер милиции, только сейчас начал осознавать, что судьба занесла его в правоохранительные органы.

Грустно было Никитину. Печальная была у него судьба. Но надо видимо говорить о том, что печальной она казалась только ему. Работникам милиции вообще практически не свойственны сантименты. И это должно быть великая ошибка, своего рода усмешка судьбы, что в рядах их оказался человек, который чувства ставил выше, чем какие-либо эмоции. Да и пошел он в милицию, наверное, как раз, чтобы избавиться от них. Активной деятельностью и погружением в судьбы несчастных людей (а основной категорией задержанных помимо профессиональных преступников были несчастные люди) изжить в себе какое-то излишнее чувство. Стать, быть может даже, бессердечным, злым, а значит где-то и уверенным в себе. То есть он бессознательно хотел быть наделенным теми качествами, которых в обычной жизни ему всегда недоставало.

.....

Когда-то Никитин закончил профессионально-техническое училище, выучившись на повара. После школы учиться дальше он не хотел. Любил готовить. Решил стать поваром.

Поварское дело вскоре Никитину разонравилось. Огромные раскаленные плиты, постоянная жара, пар, необходимость что-то варить в огромных бадьях (Никитин устроился на работу в столовой), достаточно быстро отбили у него какую-либо охоту к подобному виду профессиональной деятельности.

Потом Никитин устроился дворником. Вполне быть может и типичный поворот судьбы для человека, который не нашел пока себя в жизни.

Дворником Никитин проработал полгода, после чего ушел в длительный загул, пропив вверенный ему инвентарь.

После этого Никитин решил стать профессиональным преступником, и обворовывать квартиры граждан. И ему вроде как даже удалось залезть в одну из квартир, но там оказался хозяин, который жестоко избил его, и вышвырнул вон.

Уже много лет спустя Никитин подумал, что если бы его тогда отвели в милицию, то может срока за неудавшуюся кражу он бы и не получил, но в дальнейшем дорога в милицию для него оказалась бы закрыта.

Однако до работы в милицию было еще далеко.

После неудавшейся кражи, Никитин понял что воровская жизнь все-таки наверное не его, и устроился грузчиком в вино-водочный магазин. А когда украл свою первую бутылку портвейна, то в какой-то мере компенсировал неприятный осадок, оставшийся после неудачного ограбления квартиры. Причем для себя Никитин уже твердо решил ни к каким кражам, кроме краж на рабочем месте, больше не возвращаться.

Но так вышло, что хозяин не только обнаружил пропажу бутылки портвейна, но и списал на Никитина огромный долг, накопившийся после воровства другими грузчиками и продавцами. Причем (как сочувствовали Никитину добрые грузчики и продавцы), ему не повезло просто из-за того, что бутылку с портвейном хозяин обнаружил в его рабочем шкафчике. Причем половина бутылки была уже выпита, а от Никитина исходил устойчивый запах влитого вовнутрь алкоголя.

С работы Василия выгнали, предварительно заставив отработать бесплатно, в счет компенсации долга, пол месяца.

После случившегося Никитин серьезно задумался о жизни. Как-то выходило так, что уж очень подозрительно вокруг него консолидировались несчастья. И он словно бы независимо от своего какого-то желания оказывался погруженным вглубь них. И словно бы уже не было шанса выбраться обратно.

.....

Василий Никитин решил не отчаиваться.

--Много ли чего еще будет в жизни,--рассудил он, и устроился на работу в цех по производству рыбьих консервов. В его задачу входило учет продукции, а попросту слежения за другими работниками, чтобы те не воровали. Какое-либо воровство должно было Никитиным пресекаться. А виновный – доставлен для соответствующего разбирательства начальству.

Работа Никитину понравилась. Вверенной ему должностью он как бы возвышался в глазах других. В иные моменты Вася даже готов был упиваться своей неограниченной, как он считал, властью.

Но вот другие работники Василия не любили. А мужики даже намекнули, что желают как-нибудь поймать его да отмутузить. На что Никитин заметил, что бить его не за что. А только за то, что он честно исполняет свой долг – так этого мало. После чего Василий поспешил закрыться в туалете (потому как грузчики да прочий персонал низшего рабочего звена все же решил воплотить угрозу в жизнь), и сообщил в рацию, что на предприятии бунт – рабочие выдвигают требования смены власти, и грозятся поломать оборудование.

Оборудование было только месяц назад закуплено в Германии, поэтому не на шутку испугавшись, директор завода вызвал ОМОН (так называемой «крышей» завода было местное отделение милиции), а самого Никитина решил наградить поездкой в Турцию.

Из Турции Никитин решил обратно не возвращаться, и попросил политического убежища, а заодно и турецкого гражданства. Но по ошибке перепутал здания, о свои просьбы озвучил возле арабского посольства.

Арабский посол сначала выслушал русского агента (для большей убедительности Никитин назвал себя агентом КГБ, который желает выдать все секреты своей страны), а потом связался с русским консульством, и сдал им разбушевавшегося русского (к тому времени Никитин уже начал грозить «взорвать несговорчивых моджахедов»).

Никитина поспешно экстрадировали из страны, прервав его отпуск. Но на удивление каких-либо последствий для него не было. Ну, разве что оперативник местного, по месту жительства Никитина, отделения милиции дал негласную команду двум маячившим без дела стажерам слегка побить его, поучив уму-разуму. После чего, пригрозив Василию возбуждением против него уголовного дела по статье «хулиганство» -- выгнал вон.

На завод Василий не вернулся. У него появилась идея стать профессиональным бродягой. Но сначала он решил вести разгульную жизнь, с шампанским, черной икрой и проститутками.

К делу Никитин подошел профессионально. Обратившись в агентство недвижимости, он обменял свою однокомнатную квартиру на комнату в коммуналке. А разницу в деньгах и решил пустить для осуществления собственного плана.

Денег хватило только на ящик водки да десять банок консервов. Риэлторы уговорили Никитина вместо комнаты в коммуналке -- переехать в большой дом на берегу Финского залива (наш герой жил в Санкт-Петербурге). И в придачу пообещали много-много денег.

Грузчики с риэлтерского агентства (причем, судя по наколкам, это были грузчики с уголовным прошлым), которые помогали Василию с переездом, за свою помощь забрали ящик водки и консервы. А когда Никитин, было, заикнулся о деньгах – избили его, пригрозив, что отберут и дом.

Дом оказался полуразвалившейся лачугой без света и газа в одном из поселков Ленинградской области. Ближайшая река была в нескольких часах ходьбы. Если он надумает жаловаться – они придут и убьют,--пообещали риэлтеры-уголовники. И Василий Никитин с тех пор стал деревенским жителем. Причем местные мужики отчего-то его сразу невзлюбили. А некоторые из них даже грозили при случае надавать ему тумаков.

.....

Новая жизнь в какой-то мере Никитину даже понравилась. Понравилась прежде всего тем, что быть может впервые за годы его существования у него исчезла какая-либо социальная ответственность по отношению к обществу. Он словно бы разом перестал быть кому-то обязан. И первое время вполне искренне наслаждался своей свободой. Пока... Пока не устал от нее. Все-таки филогенетически русский человек тяготеет к контролю и власти над ним соответствующей силы, царя там или президента. Ну и, разумеется, соответствующих органов контроля со стороны власти.

Поэтому Никитин, поразмышляв его несколько дней, поехал в город. И устроился на работу. Работал он теперь в милиции. В милиции всегда недобор. Поэтому милиционеры вполне охотно взяли к себе в коллеги Василия. Тем более что биография его оказалась вполне типичной для большинства сотрудников районного отделения милиции. Да и официально Никитин оказался вполне чист. А в трудовой книжке было записано, что он работал на различных работах, прошел путь от повара до сотрудника службы безопасности завода. Причем везде увольнялся по собственному желанию, потому как -- согласно его утверждениям -- не мог мириться с воровством на местах. Оттого и пошел в правоохранительные органы, чтобы бороться с преступниками.

Василия Никитина зачислили стажером, и у него были все основания считать, что сейчас его жизнь только начинается. Тем более что было ему только тридцать лет, и вполне можно было считать так.

Ну а то, что Никитин был придурком и неудачником? Так мало ли таковых на бескрайних просторах нашей страны?

19.03.2007

рассказ

Тайная страсть

У него была тайная страсть. Это было то, что согревало его душу. Давало ощущение некоего особого состояния, благодаря которому он мог жить с удовольствием. Ведь даже случавшиеся конфликты с женой, с коллегами, просто со знакомыми и не знакомыми людьми - уже как бы отодвигались на второй план. И Вагит Буртулидзе жил какой-то особой, своей жизнью. И в жизни этой все было прекрасно и замечательно. Там совсем не было кошмаров, которые иной раз он мог встретить в реальной действительности. И, прежде всего потому, что в том мире, где реализовывалась его тайная страсть, он был единственным и полноправным хозяином. Без вариантов какого-то смещения его властных полномочий. Да и вообще -- без какого-либо возможного негатива, который был теперь невозможен.

Населяли этот мир его страсти исключительно женщины и молодые девушки, которых он отобрал сам. Только сам. Причем ежедневно из нескольких десятков кандидатур он выбирал или несколько или только одну. Но те, кого он отбирал, были действительно достойны.

.....

Критериев отбора было несколько. Все они были равнозначны, поэтому нельзя было выделять что-либо только одно, хоть и очень понравившееся ему.

И тогда он мог перечислить качества, по которым кандидатка могла попасть к нему в коллекцию через запятую, как-то: бледовитая внешность,-- но при этом честный взгляд, да и общая честность и преданность, написанная на лице; красивая фигура,-- и при этом не обязательно так-то уж развитые формы; здесь подобная категория вступала в единение с первой, когда общая доступность девушки и читаемое на ее лице желание отдаться перевешивало все; страстность - в этом случае ее лицо или фигура могли быть не такими уж красивыми, но чтобы была не излишне толста и не уродина, на всем теле сделана эпиляция, и превалировало все то же желание отдаться своему хозяину. Именно хозяину. Вагит Буртулидзе был для своих девушек исключительно хозяином и господином. Она могли так его и называть - мой господин. Или наш господин, если при удовлетворении страсти хозяина девушек было двое или больше.

Следует заметить, что по каждому из этих критериев отбора девушек Буртулидзе мог дать четкое объяснение, почему именно так. Например, бледовитая внешность - означала доступность. Чтобы, когда у него возникло желание, он не должен был думать уже ни о чем. И осталось бы

только поманить пальчиком девушку, и она с радостью и с жаром страсти должна была начать принимать те позы, которые всегда особо нравились Буртулидзе.

Да и вообще, каждая должна была исполнять исключительно все, что ему захочется. Без какой-либо даже мысли об отказе или сомнениях по поводу своего желания к страсти. Ни у кого из девушек Вагита Буртулидзе в лексиконе не должно было слова нет. Только да,-- всегда и в любое время.

За это Буртулидзе давал девушкам все, что им было необходимо. Прежде всего, они несколько не были стеснены в финансах. По мнению Буртулидзе мозги женщины (а равно как и отсутствие таковых) не должна была омрачать невозможность купить чего-то того, что они хотели. Причем, конечно, миллионов он им не давал (девушки хотевшие слишком много -- безжалостно им изгонялись), но все что было самым необходимым - у них было. Жили все в большом доме Буртулидзе (где у каждой были свои несколько комнат). Помимо этого на территории усадьбы Буртулидзе у каждой из его наложниц был свой небольшой двухэтажный домик. У каждой была машина (любая, какую она захотела, за исключением машин ручной сборки как-то Бентли, Роллс-Ройс и проч.). Каждой была выделена отдельная комната для гардероба, насчитывавшего много сотен различных вещей. Помимо всего - каждой девушке еженедельно выделялось по две тысячи долларов на расходы. Раз в десять дней предоставлялся один выходной (когда она могла уехать из дома), а раз в три месяца --двухнедельный отпуск (на выходной они получали дополнительно тысячу долларов, а на отпуск - десять тысяч). При этом им достаточно было написать все, что они хотели бы у себя иметь, и это все тут же покупалось (Буртулидзе завел специального человека, исключительно для подобных поручений своих наложниц). В общем, у них было все,--ну или очень и очень многое.

.....

Удовлетворяя запросы отобранных им девушек, Буртулидзе тоже получал все что хотел. Ему было пятьдесят. Он долго шел к этому. Когда-то Вагит Георгиевич прочил сам себе карьеру ученого. Защитив сразу после окончания института и аспирантуры диссертацию, Буртулидзе остался на кафедре, потом перешел в НИИ, потом вновь вернулся к преподавательской деятельности, после чего неожиданно увлекся бизнесом, организовав кооператив, уехал за границу, вернулся, чуть ли не сел в тюрьму, и уехал снова; а после этого вернулся, и больше никуда не уезжал, прочно осел в Москве, скупая недвижимость, играя на акциях предприятий, и получая свой основной (и более чем ощутимый) доход с черного золота.

Помимо нефти еще был газ и алюминий.

От алюминия, впрочем, он все же вскоре отказался, продав активы имеющихся у него предприятий, и вложив эти деньги в недвижимость за границей, где скупив ряд огромных вилл,-- сдавал те в аренду.

Только аренда с одной виллы окупала всех наложниц Вагита Буртулидзе, и еще оставались деньги кутить и жить в удовольствие. А таких вилл у Буртулидзе было по отдельным исследованиям от десяти до пятнадцати (ходили слухи что вообще - более двадцати, а то и двадцати пяти). Но это было неважно. В политику Буртулидзе не лез. С властью делился и полностью разделял ее легитимность. Поэтому в России начала нового тысячелетия он мог жить вполне спокойно. Являясь помимо этого еще и гражданином Австрии (на всякий случай), то есть при случае мог вообще уехать за границу, прикрывшись гражданством другой страны.

Но об этом Вагит Буртулидзе не думал. Зачем? У него все шло хорошо. И самое главное - по несколько раз на день он удовлетворял свою страсть. У Буртулидзе всегда была сильная потенция. В восемнадцать лет он мог кончить десять раз в течении часа, или пять-шесть раз подряд. Главное чтобы женщина попалась страстная, и...

В женщинах Вагит Буртулидзе искал жертвенность. Пассивность. Чтобы партнершу можно было бить и унижать, чтобы она ползала в ногах, чтобы плакала и умоляла о пощаде, а он ее догонял и насиловал. Грубо, быстро, сильно, и во все места. Даже от мысли об этом Буртулидзе уже возбуждался. И тут же вызывал одну из своих девушек, которая, подходя, опускалась перед ним, извлекала, вбирала, смаковала, вытирала губы, и уходила, улыбаясь и кланяясь. А Буртулидзе, сняв напряжение, размышлял дальше.

Вагит Георгиевич вспомнил, что когда-то ему понравился Гоголевский Манилов. Почему именно Манилов - сказать Буртулидзе не мог. Ведь если сосудить по жизни самого Буртулидзе, ему намного должен быть близок... ну например, этакая смесь из Собакевича, Ноздрева, и... Чичикова. Да, верно, практицизм Собакевича сочетался в Буртулидзе с возможностью найти выход из любых ситуаций Чичикова, и все это сдабривался залихватским задором и бесстрашием Ноздрева. Ну и, наверное, действительно, если добавить сюда еще мечтательность Манилова, то мы получим портрет Вагита Буртулидзе.

Портрет внутренний. Внешне Буртулидзе скорее походил на американского ковбоя Мальборо: был поджар и уверен в себе; взгляд, в зависимости от ситуации, имел или пронизывающий насквозь, или же "все понимающий"; улыбался красиво, даже очень; был сильный (каждый день час-два проводил в спортивном зале - штанга, тренажеры, груша с боксерским мешком, спарринг партнеры), в общем - жил Вагит Георгиевич Буртулидзе в свое удовольствие. Наслаждаясь жизнью, хотя и жизнь его шла на износ. И все чем подпитывалась - душевной составляющей, потому как каждый день у него было исключительно отличное настроение. Девочки всегда доставляли ему радость. И он никогда не жалел денег, чтобы доставить радость другому.

Потому что знал, что такой человек в трудную минуту ему всегда поможет. Даже если пока не было трудных минут (да и тех могло уже не случиться), Буртулидзе умножал своими добрыми делами число своих товарищей и друзей. Кому-то помогал в приобретении жилья, кого-то помогал устроить в институт, кому-то решал другие вопросы, которые были или в его компетенции или в компетенции его знакомых, друзей и товарищей. В общем, можно было сказать, что Вагит Буртулидзе был исключительно положительный человек. Ну а то, что была у него тайная страсть... Так наверное хуже, если бы ее не было. Ведь, как говорил известный баснописец, по мне хоть пей да дело разумей. Тем более что Буртулидзе не пил. Но вот с девушками отрывался на полную катушку.

И видимо уже как раз это давало ему дополнительные силы в жизненной борьбе.

И одерживал он в этой борьбе всегда только победу.

12 авг. 2007 г.

рассказ

Эта страшная сила любовь

Эта страшная сила любовь. Когда Ивану впервые пришла в голову эта мысль, он не помнил. Но как сейчас вспоминает, тогда ему еще (лет десять назад из нынешних тридцати) не виделась настолько вся глубина смысла этой чудовищной, по сути, фразы. И только сейчас, когда прошло уже достаточно времени, он осознал всю пагубную порочность и любви и влюбленности.

--Любовник не принадлежит себе,-- не раз говорил себе Иван.--Вся его сущность, все его жизненное существование во время влюбленности продиктовано единым подчинением любимой. А значит куда-то в сторону уходят (постепенно и неотвратно) все личностные интересы. А уж если любимая попадает с развитыми эгоистическими наклонностями, тогда уже пиши пропало.

--Ты правда так считаешь?—спросила Настя, подруга Ивана, которая сейчас полулежала обнаженная на диване, чуть прикрывая краем простыни свои половые губы. Только что между влюбленными был секс. После которого Иван и поделился с любимой своими мыслями.

--Считаю,--несколько обреченно, как показалось Насте, произнес Иван.

Девушка потянулась было к любимому, да заметив излишнюю задумчивость Ивана, замерла на полпути.

--Не печалься,--сказала она, закуривая.—Еще не все в этой жизни потеряно. Быть может и на нашей улице будет праздник.

Иван несколько удивленно посмотрел на любимую, потом наклонился к ней и стал целовать ее между ног. Девушка потушила сигарету и расслабленно распласталась по дивану. Иван усилил

свои движения. Теперь он поочередно, то целовал краешки половых губ, то проникал между ними языком, то слегка причмокивая, посасывал клитор. Девушка кончила. Потом еще и еще раз.

--Спасибо,--нежно прошептала она, в измождении попытавшись отодвинуть от своей вагины Ивана.

Но Иван и не думал останавливаться. Когда ему хотелось секса (обычно раз семь – восемь за день) он уже ни о чем не думал. Вот и теперь, он продолжал вылизывать половую щель девушки, его член при этом набух, возобновившиеся стоны Насти усилили его возбуждение, он увеличил темп и через время вновь довел Настю до оргазма. На этот раз Настя сначала вся сжалась, мышцы ее тела на миг окаменели, а после она стала биться словно в конвульсиях, крича от наслаждения и обливая лицо Ивана выплеснувшимся из нее соком любви.

--Вот это любовь. Вот это я понимаю,--почти одновременно подумали и Иван и Настя.

Насте было двадцать девять лет. Она очень хотела замуж за Ивана. Но он пока не предлагал, а она стеснялась попросить взять ее в жены. Зато он ее «брал» каждый день по несколько раз. Сейчас они были в отпуске (Иван работал инженером на стройке, Настя менеджером в туристической фирме), времени у обоих было хоть отбавляй. Никуда из города не поехали. И уже целую неделю проводили в постели, наслаждаясь взаимными оргазмами.

Иван тоже кончил. Для этого он просто вставил свой член в рот Насте, и дождался когда та начнет его сначала всасывать в себя а потом сосать, кончил. Потом вынул еще не успевший пенис изо рта девушки и вставил ей в попу. Настя почти тотчас же кончила от этого удовольствия. Влюбленные знали друг друга уже несколько лет, и для получения взаимного удовольствия им совсем не нужно было искать способы удовлетворения. Настя знала, что Иван любит, когда она сосет ему, и любит когда его член проникает в ее попку. Попка у Насти была маленькая и упругая, ростом девушка была невысокая, все еще продолжала (начав с детства) заниматься танцами, имела короткие волосы, бритую псыску, большие губы, достаточно развитый клитор, и очень любила анальный секс, получая от этого незабываемые впечатления. Она могла бы себе даже признаться, что любила, когда Иван проникал в ее попку больше всего, но вспоминая как он лижет, девушка решила что любит одинаково и когда Иван входит в нее сзади (именно в попку, традиционный секс девушка не любила), и когда буквально всасывает ее в себя, вползая сначала языком, губами, а потом и чуть ли не всем лицом между ее широко (на шпагате) раздвинутых ног.

Что до Ивана, он знал, что Настя любит, когда он ей лижет (поэтому делал это всякий раз и по несколько раз в день, благо, что время позволяло, отпуск), и по особенному любит, когда он раздвигает ей ягодицы, смачивает отверстие, и осторожно вводит своей член в ее попу. Член Ивана наиболее подходил Насте по размерам, потому что не делал ей больно (попа все-таки не растянутая вагина), а дарил наслаждение, несравнимое ни с чем. Да и немаловажно, что ни Настя ни Иван не

боялись что Иван кончит, поэтому без презерватива (на дух не переносил Иван гандоны), скользя и погружаясь то вглубь то назад, Иван в спокойном порядке доводил до оргазма и себя и Настю.

Бывало Настя успевала кончить несколько раз. А Иван только раз. Но оргазм его был сильный. Намного сильнее чем когда кончал он в рот Насте. Да и если честно, попка любимой нравилась ему намного больше.

Попка Насти дарила Ивану самые незабываемые впечатления. Будила в нем фантазии. Рождала самые сокровенные желания. В общем, Настя ему нравилась и вполне его устраивала. А Насте нравился и устраивал Иван. А что до страшной силы любви, так Иван сейчас об этом и не думал. По его телу разлилась счастливая нега. Он испытал сильный оргазм. Он удовлетворил свою любимую. И какая в этом случае любовь может быть страшной? Она прекрасная. Красивая и опасная. Сексуальная и всякий раз удовлетворяемая. И так ему и ей необходимая.

А еще понял Иван, что ему нужно почаще кончать. Тогда загадочные мысли отпустят его. А значит жизнь будет насыщенная и счастливая.

Иван обнял прильнувшую к нему Настю, и они уснули счастливым снов любящих друг друга людей. А это самое главное.

Июль 2011

рассказ

Связь

Это была откровенно эротическая связь. Даже, может быть, порнографическая.

Ибо предавались мы сексу в самых ярчайших его проявлениях. Без каких-либо норм и запретов. И при этом, я даже затрудняюсь сказать: кто был инициатором подобного.

Нет, конечно же, я мог бы с полным правом тешить себя – что это был я.

Но ведь где-то в подсознании я понимал, что так это не было. И на самом деле тон задавала Эльвира. Которая была старше меня почти на восемнадцать лет. И в то время, когда мне было двадцать – ей уже тридцать восемь. Почти наиболее благоприятный возраст для женщин (ну, если не считать лет сорока пяти. Когда женщина находится на излете сексуальных безумств). Ну и, разумеется, вполне благоприятный для двадцатилетнего мальчика, очень хотевшего почувствовать себя «настоящим мужчиной».

Подобную возможность Эльвира как раз и давала.

Это была роскошная женщина, блондинка, с пышными формами, и стремлением к безудержному сексу. Эльвира достаточно быстро меня научила всему что знала сама, что знать, по ее мнению, должен был я. И могу предположить, что эта женщина вполне испытывала

наслаждение от близости со мной. Близости, которую сама же и провоцировала. А я, получается, поддавался ее влиянию.

Так полагали те, кто знали нас. И кто рассматривали нашу связь – как нечто неестественное. Неправильное. То, чего не должно быть. На наше мнение – такие люди внимания, конечно же, не обращали. А мы, словно бы назло им всем, предавались такому откровенному (и извращенному, конечно же, извращенному) сексу, что если бы кто из этих доброхотов хоть краем глаза взглянул на наше сексуальное безумие,-- наверняка бы... Ну, кончил бы он как минимум. От наслаждения от увиденного. Ибо что-то, а преподнести себя Эльвира умела. Умело играя с моим набухшим от желания членом; и давая проникать ему в те места, о которых в двадцать лет как-то до неприличности мечтаешь.

Самое удивительное было то, что Эльвира жила в нашем загородном доме. Мой папа ее выписал как будто специально как раз для этих целей. Папа вообще считал, что я не должен ни в чем нуждаться. И помимо машины, телохранителей и ежемесячной достаточно внушительной суммы на «карманные расходы» -- предоставил в мое пользование еще и Эльвиру. Действительно выписав ее из России (несколько лет назад мы эмигрировали в Вену), из какого-то супердорогого и суперэлитного борделя.

Ну а мне плевать было на то, что Эльвира отдавалась мне за деньги. Ведь деньги на то и существовали, чтобы на них что-то покупать.

Ну а на большие деньги, разумеется, можно было купить многое.

Я не хочу, чтобы кто-то считал, что я жил таким уж бездельником. На самом деле я занимался музыкой. И наверное достаточно успешно. Раз мог давать папе деньги,-- чтобы он покупал все необходимое. А остальное отдавал мне. Как бы «на жизнь». Ну или на те же «карманные расходы». Папа – был моим директором. Который организовывал концерты и проч.

Но вот думаю я сейчас, что вполне может быть так, что связь с Эльвирой и не совсем было то, что мне было так-то уж необходимо. Ибо иногда – за сексом с ней – я забывал совершенно обо всем. О творчестве, прежде всего. И думал лишь о том, как между нами в следующий раз случиться «это». И какую позу на этот раз придумает Эльвира, чтобы мне отдаться.

А вот о чем думал папа – я не знал. Да и до того ли мне было, когда была у меня такая женщина. Такая роскошная женщина. И это, наверное, многого стоило. А быть может и всего. Ибо Эльвира на самом деле и писала вместо меня музыку. А я выдавал ее за свою. Играя на

фортепьянных концертах по нотам, написанным Эльвирой. Но об этом никто не знал. А Эльвира хранила молчание. Скрывала, уже получается, правду.

Ну а если быть и действительно откровенным – никакой Эльвиры в действительности и не было. А была надувная кукла. Которую я сам же и купил в секс-шопе. И которую назвал Эльвирой. И видимо настолько проникся ей, что и навывдумывал многое из того, о чем тут (да и не только тут) рассказал. И, признаться, у меня давно уже не получается отличить правду – от моих фантазий.

И в таком иллюзорном мире я живу уже давно. И совсем не знаю, что будет дальше.

14 апреля 2006 год.

рассказ

Правда

Они встретились почти случайно. Он шел по улице, она шла ему на встречу. Поравнявшись друг с другом внезапно остановились. Он посмотрел на нее, она на него. Вроде как пошли дальше. Оглянулись. И... с тех пор уже не расставались.

.....

Прошло три года. Она говорила что ей по-прежнему 27. Ему на днях исполнилось 34. Он сменил имя, и вместо Влада стал зваться Виктором. Ее все также звали Викторией. Она была красива. Он обаятелен. Она иногда ругала его последними словами, он улыбался и любил ее как прежде. И она его любила. Любила, иногда быть может опасаясь признаться в этом себе. Любила, сожалея о своей холодности, но не решаясь изменить себя. «Чтобы не потерять индивидуальность»,-- говорила она. Он улыбался, и ничего не отвечал. А она боялась спросить. Боялась услышать правду.

В чем заключалась эта правда, и в чем она вообще могла заключаться (если допустить что правда была, конечно) Виктория не знала. Виктор тоже не знал. Он лишь иногда задумывался о том, что мир почти также несовершенен как и его женщина. И может потому он любил Викторию еще сильнее. У него был выбор. За день до знакомства с Викторией он познакомился с Олесей и Юлей. Обе девушки были рослые, красивые, почти сразу допустили в их отношениях сексуальную близость, и вообще, по всему было заметно, что им нравилось внимание к себе со стороны Влада. Тогда он был еще Владом. Это потом он сменил имя. После встречи с Викторией.

У них с Викторией была странная любовь. Схожие лишь на первый взгляд, они действительно казались очень похожи, стоило понаблюдать за ними чуть дольше. А если получалось провести с этой парой сутки, ни у кого не оставалось сомнений что эти люди специально родились, чтобы встретиться.

Так это было. И это было правда. Та правда, что иногда до слез щемит глаза, и которую невозможно не признать, потому что... потому что это была правда.

.....

Почему они расстались?

Были на этот счет разные мнения. По одному, все сходились на том, что их отношения попросту не могли закончиться браком, потому что не готова была к браку она. По-другому – не был готов он. Наверное надо было спросить у них. Но после расставания, ни Влада (он вернул себе прежнее имя) ни Викторию никто не видел вместе, а спрашивать мнение по отдельности означало внести сумятицу в мысли и погрешности в правду. Ту правду, к которой каждый из них стремился, но так получалось, что у каждого из них правда была своя. Отдельная от другого. И никто из них не считал, что прав был кто-то другой. Допускали, да. Но не верили в это сами. А потому сама правда казалась какой-то ненастоящей. Слишком вымученной, что ли.

А может этой правды никогда и не было. Но тогда получалась, они и правда ее выдумали? Выдумали, чтобы на каком-то этапе собственной жизни сойтись, чтобы после расстаться навсегда. Хотя, кто его знает?..

25.11.2009.

рассказ

Случайность

День не задался.

Правда, тоже самое можно было сказать и о вчерашнем, и о позавчерашнем, да и вообще, – если проследить за ходом всех предшествующих событий, то можно было говорить...

– Э-э-э, – внезапно закачал головой Марк, сидя на так и «не собранной», – (несмотря на то, что настенные часы, висящие перед входом в кухню, только что пробили полдень), – постели. – Так можно неизвестно до чего договориться, – решил он.

Но, несмотря на самокритику (вызывающую в нем всегда достаточно гнетущие чувства; а в иные разы, казалось, и вообще способную привести к чему-нибудь страшному: сойти с ума, например); вставать с постели не хотелось. Он, наверное, вообще был бы способен проваляться целыми сутками. Тем более, что каких-то конкретных дел (да обязанностей) – у него не было.

Совсем недавно Марку исполнилось двадцать пять. Это был долговязый парень, с длинными русыми волосами, которые (если того требовала какая официальная или праздничная обстановка, что – с учетом того, что он и не работал и не учился, случалось нечасто) – он зачесывал назад,

собирая там в какое-то подобие косички. Если же ничего такого не намечалось, – он давал волосам настоящую свободу. И тогда воздушной копной они обрамляли его голову. Создавая иллюзию... –

– Ты все лежишь? – внезапный окрик, чуть ли не выбросил парня с постели. Хотя, должно быть, так все же и произошло. И теперь Марк сидел на коврикe возле кровати, в осторожном удивлении обводя выпученными глазами комнату. Еще недавно он был уверен, что никого, кроме него, в однокомнатной квартире, которую снимали ему родители (пославшие учиться в Петербург из Саратова, где жили, и работали мелкими чиновниками) не было.

Теперь у него появились сомнения.

– Встать! – услышал он тот же голос, и теперь стоял, откровенно озираясь по сторонам в поисках несуществующего... незнакомца.

Марк почувствовал разливающийся по телу страх. Страх, казалось, совсем не хотел считаться с фактом отсутствия в квартире кого-нибудь еще, кроме самого Марка. А значит, и причина зарождения этого самого страха – казалась: по меньшей мере – неоправданной. Необоснованной. Не существующей даже... Но вот как объяснить это – самой причине?.. И Марк какое-то время еще продолжал водить вымученными глазами вокруг. Прежде чем осознал, что никого в действительности нет.

– Кто с ним говорит? – Внутренний голос, – радостно почти убедил он себя. И тут же успокоился.

– Так вот что это было! – уже готов был вскричать Марк, не в силах сдерживаться. Но прошло всего несколько секунд – и он уже усомнился в верности собственного предположения. Да и на самом ли деле все было так просто?.. И вообще: если произошло сейчас, – то, значит, происходило и раньше? А он, получается, не придавал этому серьезного значения?..

...А если это случалось раньше... если это случалось раньше, – то, вероятно, все могло происходить (и происходило?) достаточно редко. Иначе бы он сразу вспомнил о том. А если редко... если редко... если редко, – то, значит, (и тут Марку стало хорошо и приятно), значит... – проходило все. Исчезало. Проходило само собой. Без каких-либо – последствий. А значит... значит, можно и сейчас – не переживать особо. И представить, – как будто ничего подобного: и не было.

Но вот что-то мешало сейчас. Было ощущение – какой-то опасности. Марк даже приготовился отразить (несуществующую?!) атаку.

– Ты что ж, стервец, задумал!? – вновь раздался голос. Голос, отчего-то показавшийся Марку потусторонним. Молодой человек растерялся. Это был не его голос. Не его – внутренний голос.

Этот голос вообще – не мог принадлежать... человеку. И Марка обвевал страх. Страх, прежде, – только «подкрадывавшийся». А теперь – нахлынувший разом.

Марк сжался.

– Ну... ну, чего ты? – постарался выдать он из себя, всеми своими мыслями (тот, воображаемый враг, – наверняка способен читать мысли) показывая добродушие.

– Я не собираюсь с тобой разговаривать, – услышал он вновь. Но теперь ему показалось (действительно?... или только показалось?), – голос стал спокойнее. Не агрессивнее. Или, быть может, это он действительно только убедил себя в этом?..

– Что я должен делать? – пытаясь сохранить достигнутое, как можно осторожней спросил Марк, и медленно – опасаясь сделать лишнее движение – убрал покалывающую глаза челку. – Я могу спросить: что я должен делать? – повторил он, обращаясь к невидимому собеседнику.

Тело Марка было напряжено. Он готовился к любому повороту событий. Вернее – к самому нежелательному повороту событий. Но теперь, видя, что ничего не происходит, он позволил себе расслабиться.

– Я не желаю, – чтобы ты, таким образом, проводил время, – металлическим голосом (не предвещавшим, – как тотчас подумал Марк, – «ничего хорошего») ответил голос. – Родители надеялись видеть тебя – другим. Не таким, – как ты есть.

– Да, я плевать хотел... – вскипел, было, Марк – (это с ним случалось всегда, если он только чувствовал, что кто-то пытается его «учить»), – но тут же осекся. При первых же своих словах, он почувствовал такое чувство отчаяния (сменившегося скорбью и ощущением уже свершившейся беды), что вслед за тотчас же появившейся тревогой (а за ней и беспокойством), – последовала опустошенность.

– Ты не должен так разговаривать! – произнес все тот же голос. – Но, если твою агрессию трудно усмирить...

– Я понял, понял, – с трудом выдал из себя Марк, не в силах справиться с нахлынувшими проблемами.

– ...Если твою агрессию трудно усмирить... как ни в чем не бывало, продолжал все тот же голос. – То я вынужден буду сделать так, что бы этого больше не происходило.

– Я верю тебе, – уже чуть ли не вскричал Марк (мало ли что можно ожидать от этого невидимого типа? – пронеслось у него в голове).

– Ты не должен так быстро признавать свое поражение, внезапно услышал он все тот же голос (показавшийся ему несколько удивленным). Однако, Марку показалось, что этот «кто-то» – все же остался доволен.

– Я действительно рад, что ты все осознал, – подтвердил (этот «кто-то») предположения Марка. И, в подтверждение своих слов, – (чтобы я до конца убедился в произошедших с той изменением, – пояснил невидимый собеседник), – подойди к окну и спрыгни вниз. Это будет своего рода очищение. Избавление от себя. Себя – другого. Ведь мне действительно хочется верить, что ты стал другим человеком.

Марк, не раздумывая, подошел к окну, пересунул через подоконник, сначала одну ногу, а затем другую ногу, и ...оттолкнулся руками...

Вернее он уже почти был готов сделать это, как внезапный порыв ветра вывел его из оцепенения. Даже быстрее, чем Марк мог, спрыгнуть обратно в квартиру.

Теперь совсем другими глазами он огляделся вокруг. Бутылки, словно одинокие стражники, стояли среди рухляди (осколков – некогда приличной жизни). И вокруг подобного хаоса, – ни разложенная постель, ни вывалившиеся из шкафа вещи, – уже не казались, чем-то из ряда вон выходящим; а то и наоборот, – даже уместными: в сложившейся ситуации.

– ...допился! – подумал Марк, и пошел открывать входную дверь. Звонок, вероятно, трезвонил давно. Но услышал он его только сейчас. – Родители, – пронеслось в голове молодого человека, внезапно вспомнившего, что сегодня как раз день их приезда. В гости.

29 мая 2004 г.

рассказ

Рецепт счастья

Его мозг разрывался от неестественного давления. Третий день он мучился и страдал. Третий день ему хотелось чего-то, что он не знал сам. И от того что не знал, от этого Аркадию становилось еще тяжелее.

--А все-таки,-- задумался он.

Впрочем, любые мысли он отгонял. Размышления наводили на него еще больший ужас, чем если он ни о чем не думал.

Но он думал. Он думал все время. Думал тогда, когда находился в одиночестве. Думал, когда с ним рядом был кто-то. Он даже думал когда спал. И если по честному, думал не от того что думать так-то уж хотелось, а попросту потому что у него не оставалось иного выбора. Как не думать.

--Ну что, все еще обдумываешь неосуществимые проекты?—подошел к нему его товарищ, Егор. Аркадий только вышел из подъезда собственного дома и задумавшись куда ему пойти (направо или налево) в нерешительности остановился.

--Думаю,--тут же ответил он. Аркадий знал какое мнение о нем у остальных и старался не развенчивать его.

--А я вот стараюсь не думать,--искренне признался Егор.

--Как не думать?—опешил Аркадий.—Совсем?

--Что совсем? Ну да, да, конечно совсем.

--И как? Получается?

--Получается.

Аркадий удивлено посмотрел на товарища.

--А что тут такого?—спросил Егор.—Если хочешь, и тебя научу.

--Научи.

--Пойдем,--Егор взял товарища за локоть и потянул за собой.

Пошли направо,--бессознательно отметил про себя Аркадий.

Они шли какое-то время. Вокруг были дома. Стояла весна. Пели птицы, которых не было видно за распустившимися деревьями.

--Знаешь что,--остановился Егор.—Я тебя действительно научу.

--Научи,--попросил Аркадий.

Еще через несколько минут перед товарищами стал виднеться магазин разливного пива. Еще через минуту они вошли вовнутрь. Через три минуты вышли. В руках у каждого был пакет. В пакете по 5 литров пива. Итого 10 литров всего. И по пять на брата.

--Теперь смотри,--сказал Егор и достав литровую бутылку (пять литров по литру, всего пять бутылок у Егора и столько же у Аркадия).—Доставай!—сказал он товарищу. Аркадий достал свою бутылку.--Пей.

--Наперегонки?—спросил Аркадий, но заметив что Егор не спеша пьет свое пиво, понял что должен просто пить. И он стал пить.

--Ну как?—поинтересовался Егор, смотря на товарища.—Полегчало?

--Немного,--признался Аркадий.

--Эх, как мозги у тебя засорены,--удивленно произнес Егор и достал вторую бутылку.

Аркадий последовал за ним.—Пьем.

Они выпили по второй бутылке. На душе стало хорошо. Проблемы отпустили. Неясные доселе мысли приняли осмысленный ход.

--Теперь пройдемся,--сказал Егор, и пошел вперед. Аркадий последовал за ним.

Через десять минут на их пути показалась полянка. Вокруг были дома. А тут такое место. Аркадий было подумал, что хорошо что еще застройщики в Питере до него не добрались со своей уплотнительной застройкой, но еще не успел он развить свою мысль, как она ушла.

--Надо же!—с удивлением подумал он.

--А ты думал!—словно угадал его мысли, сказал Егор.—Давай еще по одной.

Товарищи присели на пенек и выпили третью бутылку. Бутылки были литровые. С трех литров обоим стало хорошо. А еще Аркадий заметил, что ему стало весело и комфортно. Такого комфорта он давно добивался в душе, но не получалось. Сейчас все складывалось как надо.

--Ну вот видишь!—улыбнулся Егор.—Полегчало!

--Полегчало!—повторил Аркадий.

--Давай еще по одной?—предложил было Егор, но видя что Аркадий смотрит на него веселыми и улыбающимися глазами, остановил руку на полпути к пакету.—Нет, немного обождем.

Егор полез в карман джинс, и, покопавшись там, извлек наружу небольшую сушеную рыбку. Рыба была уже очищенная, порезанная, и бережно упакованная в целлофановый пакет.

--Жена собирала,--пояснил он, заметив взгляд товарища.

Аркадий неопределенно кивнул. Он не знал, есть ли у Егора жена. За несколько лет их общения он так ни разу и не поинтересовался.

---Аркадий,--посмотрел на товарища Егор, раскладывая на пеньке кусочки рыбы на расстеленном пакете.—Давай выпьем с тобой за открытый нами рецепт счастья.

Аркадий посмотрел на товарища. Он знал, что сам лично ничего не открывал. Но ему стало приятно быть приобщенным к столь великому событию как открытие рецепта счастья. Конечно, ему еще хотелось спросить, что это за рецепт, который, получается, они открыли вдвоем, но он сдержался. Ему и так было хорошо. Вокруг весна. Полуденный день. Солнышко. На полянке кроме них никого. Выходной день. На работу (Аркадий работал на заводе) только завтра. И пиво.

Когда они допили четвертую, а потом и пятую бутылку, им стало настолько хорошо, что они прилегли тут же на травку.

--Вот он, рецепт счастья!—счастливо подумали вместе, погружаясь в сладкий сон. Сон без кошмаров, сон без сновидений, сон отдыха и наслаждения.

Июль 2011.

рассказ

Найти себя

Можно было конечно сказать, что я испугался. Но если откровенно, я просто заебался перед ней оправдывался. И что бы не сорваться и не послать ее на хуй – молча терпел.

Познакомились мы случайно. Я остановил такси, в такси уже сидела девушка, оказалось нам ехать по одному адресу. В этом доме жила ее подруга (моя бывшая одноклассница). В том же доме жил мой брат (я ехал к нему).

Мне понравилась эта девушка. Понравилась своей независимостью. Это теперь я готов послать таких мадам по назначению. А тогда был еще слишком юн, во мне играла кровь и жажда соперничества, и стоило мне натолкнуться на стену непонимания - я стремился добиться от таких девушек не только понимания, но и любви. Дурак.

Сейчас действительно понимаю что дурак. Когда перед тобой начинают ломаться да выебываться – надо уходить. В тот же день вам попадутся еще девушки. Не хуже предыдущих, а может и интереснее. Понимая это – делал наоборот. Оставался. Мол, как так? Тебе ответили непониманием? Такого не должно быть! Надо перебороть ситуацию! Заставить в себя влюбиться!

Заставлял. Я заставлял в себя влюбиться. Обманом. Я обманывал эти создания, интуитивно угадывая что они хотели услышать, и говорил именно это. Причем не всегда соглашался с ними. Ведь кто-то из них хотел услышать от меня настоящий протест; что было бы расценено как властность; и необходимость подчиниться уже мне. А для кого-то наоборот, необходимо было мое послушание.

Я мог быть разным. Мне хотелось получить доступ к телу этих особ, и для этого я мог поступиться самостоятельностью. Мне она была не нужна. Я готов был подстроиться к любой девушке. Причем приходилось иной раз разыгрывать многоходовые комбинации. Нельзя было допустить, чтобы та или иная представительница слабого пола догадалась, что я ее просто дурачу. И все что мне на самом деле было нужно – это выебать ее. Да еще не просто выебать, а добиться чтобы она ради меня стала способна принести в жертву себя. Влюбилась попросту.

И я пользовался этой любовью. Ну а почему нет? Для меня это было чем-то вроде игры в шахматы с сильным противником. Если раз ошибетесь, проиграете. Если будете предельно сконцентрированы – за вами будет победа. А еще я так думаю -- я стремился в этих своих многочисленных любовях спрятаться от реальности. Скрыться за любящим телом и влюбленной в тебя душой. То есть уже, может быть, в чем-то это была и вынужденная мера. Хотя, конечно же, вся ее вынужденность и весьма относительна. И тогда уже остается одно: мне нравилось ебать недоступных женщин. Нравилось чтобы в постели со мной с них слетала маска недоступности. И они становились откровенными блядами.

.....

Бляди мне всегда нравились. В большинстве случаев они бывали словоохотливы. С пониманием относились к мужчинам и мужским проблемам. В детстве многие из них играли с мальчиками. Они рано осознали, что мальчикам нравятся. А потом и путем экспериментов да наблюдений выяснили, что если будут не отказывать мальчикам в удовольствиях, то мальчики

будут их больше любить. По крайней мере уж точно с ними проводить свое время. А значит не будет одиночества. Ну что-то вроде того.

А вот недоступные девочки наоборот. Мальчиков, а позже и мужчин, они презирали. Тайно завидуя подругам-блядам, и еще больше закрываясь в своей недоступности, лелея ее, и всячески вращивая в себе.

Когда наступал критический момент, подобные девушки часто выскакивали замуж за первого встречного. Того кто не только обратил на них внимания, но и не сник перед их оборонительными маневрами. И тогда они дарили такому человеку свое тело. Ну а так как зачастую всех нормальных уже разобрали, то попадался девушкам какой-нибудь зануда. И вскоре девушки убеждались, что жизнь на самом деле еще горше, чем им когда-то казалось.

И тогда появлялся я. Я, который давно уже не обращал серьезного внимания на то, что говорит тот или иной человек. Ибо понял, что говорить он может в зависимости от обстоятельств. И изменись обстоятельства, так он и будет думать уже иначе. Представьте, что человеку длительное время фартит. У него сбываются все мечты. То к чему стремился – добивается. Окружающие начинают его боготворить. Подойдите к нему в такой момент с каким вопросом – и он ласково выслушает вас. И поможет всем чем сможет.

А если человека ебут обстоятельства и в хвост и в гриву. Если он не знает куда спрятаться, понимая, что ничего невозможно и остается только принимать судьбу-злодейку как есть. Как он отнесется к вам? Если по природе будет груб – откровенно пошлет. Если застенчив – просто не обратит внимание. Забудет, что пообещал. Забудет вообще разговор с вами. И можно ли будет его в чем-то за это винить?

Поэтому я давно уже не обращал внимание на людские разговоры. Настроение у людей могло меняться по несколько раз в сутки. На него могли давить любые внешние обстоятельства. До вас ли ему?

.....

Эльвира казалась строгой и независимой. А еще она была красива. Высокая и стройная она бы служила хорошим дополнением к «Мерседесу» какого-нибудь бизнесмена. Или кабриолету партийного чиновника.

Но Эле ничего этого было не нужно. Быть может и нужно, конечно, но вот только для того чтобы воплотить подобное в жизнь, ей необходимо было бы как минимум познакомиться с этим бизнесменом или партийным деятелем. Где-нибудь. Хотя бы в ночном клубе. А еще лучше на какой-нибудь презентации.

Но ни в клубы ни на презентации девушка не ходила. Жила она на скромную зарплату бухгалтера. И если бы когда-то случайно не переспала с пьяным парнем своей подруги – так бы и

осталась девственницей. Ибо с тех пор и не ебалась. Да и тот первый раз толком не помнила. Произошло все как-то быстро. Она только поняла что уже не девочка. А еще она подумала, тогда что у нее теперь все изменится. И если она встретит «принца на белом коне», то отдастся ему. Ей уже будет не страшно.

То ли принцев не было, то ли было страшно. Поэтому к своим двадцати четырем годам она так фактически девочкой и осталось. Уж по части секса точно. И при этом все также строго смотрела на парней. И воспринимала их желание познакомиться достаточно холодно. Неизменно отвечая отказом.

.....

До встречи со мной Эльвира занималась онанизмом. В ванной. У нее даже был (подарок подружки) искусственный член. Правда, членов было два. Ну, или один – но двойной. Сразу для проникновения в два отверстия. Да девушка как-то и не думала, что может быть иначе. Она просто устала запихивать в свою пизду все что ни попадя. Поэтому когда ей подарили искусственный член, в душе она обрадовалась (внешне -- восприняла с негодованием). И стала заниматься в ванной любовью с собой.

Девушка наполняла ванную горячей водой. С пеной. Размокала, читая эротические журналы. А потом доставала из сумочки фаллоимитатор, и любила себя. Любила иногда очень отчаянно. И сразу два хуя, пусть и искусственных, врываются в нее. И она продолжала себя дрючить до оргазма. Как только тело ее вытягивалось, напрягалось, и разряжалось оргазмом, Эльвира успокаивалась. И спокойно домывалась в ванной.

.....

Став встречаться с Эльвирой, я почувствовал, что в постели (мне удалось затащить ее в постель; сначала силой; потом ей понравилось) делаю что-то не то. Вернее вроде делаю все как надо, но моей партнерше как будто хочется еще.

Я спрашивал что. Не отвечала. Видел, что хотела, но сдерживалась.

Пришлось Эльвиру напоить. И она призналась. Она хотела еще одного хуя. Когда мой был в ее пизде, девушке хотелось еще и в попу. Когда в попе – хотелось...

В общем, заколдованный круг. Но я так не думал. Я просто нашел фаллоимитатор (купил в секс-шопе) и стал дополнительно им ебать Элю.

Восторжествовала справедливость. Эля наслаждалась сексом. Я радовался что смог отъебать девушку до ее удовлетворения. Между нами было даже что-то на вроде идиллии. По крайней мере все устраивало и ее и меня.

Мы не интересовались делами друг друга. У каждого была своя жизнь. Но встречаясь раз в неделю, мы ебались до осатанения.

.....

Как-то я встретил Элю, и она призналась что выходит замуж. И показала фотографию мужа. Мужа я не знал. Но по виду это был откровенный придурок.

Мне стало жаль девушку. Пусть она была и со странностями, но заслуживала лучшей доли. Да и что кому-то до ее странностей. Так, кричит иногда по ночам. Да вызывает лифт, а спускается пешком. А так ничего. И тут такое «чудо-юдо».

.....

Я пытался отговорить Эльвиру. Мне казалось, я в силах это сделать. На крайний случай я готов был сказать, что сам женюсь на ней. И не жениться. Но хахаль бы к тому времени отвалил. А я бы вновь беспрепятственно мог заниматься любовью со своей возлюбленной. Которая мне действительно нравилась. Пусть и не на все сто, но нравилась. Да и где вы возьмете «на все сто»? Всегда встречается какой-то изъян. То ноги коротковаты, то жирок на пузе, то нос как у коршуна. А то и вовсе фригидная...

Нет совершенных девушек. Мы, мужчины, вынуждены всякий раз подстраиваться и обманывать себя. Ведь бывает почти идеальная фигура, но отвратительная душа. А если страшная внешность, но как уверяет девушка, добрая душа – не верьте ей. Вы совсем скоро обнаружите в ней столько комплексов неполноценности (и неуверенность будет самое безобидное) что кроме мороки ничего не принесет такая любовь.

.....

Эля замуж не вышла. Ее жених перед самой свадьбой сделал какую-то хуйню, после чего девушка решила что он недостойн обладания ею.

Но и мне она к тому времени уже надоела. И я не посылал ее на хуй (ну в смысле, на чей-нибудь другой хуй), только по причине излишней интеллигентности, иногда накатывающей на меня.

В такие минуты я некого не мог послать. Я лишь с недоумением взирал на эти рожи, и размышлял о человеческой бестолковости. Примем, не только бестолковости, но и надоедливости. А Эля...

А Эля в итоге решила изменить себя. Она ушла с бухгалтеров и пошла работать в ночной клуб. Танцовщицей.

А еще стала спать с клиентами. За деньги.

И если честно, мне она такой нравилась больше. Я терпеть не могу скуку. С Эльвирой же сейчас было весело. К тому же она научилась чувствовать мужчин. Угадывать их желание.

Мне казалось, на новой работе Эля была на хорошем счету. И я был за нее счастлив. Но самое главное, что она и сама была счастлива. Девушка нашла себя. Не побоялась изменить судьбу. И судьба теперь отвечала ей только добротой и вниманием. Да и разве должно было быть как-то иначе?..

15 октября 2006 год.

рассказ

История

Мир удивлял, и по-своему завораживал.

Казалось, никуда невозможно было спрятаться от этой красоты.

Но и наслаждаться ей было невозможно. Хотя и хотелось... Павилихин поймал себя на мысли, что ему хотелось бы, чтобы все прекратилось. Причем сразу. Может боялся, что больше не выдержит?

Лейтенант Павилихин вышел из публичного дома. Он даже не знал, что его заставило зайти туда. Прошел слух, что в городе открылся первый официальный публичный дом. Можно было вполне легально придти, и...

Впрочем, видимо привлекло Павилихина не это. В качестве рекламы хозяйка борделя вывесила объявление, согласно которому первый раз можно было придти как на экскурсию. Ну, то есть, бесплатно.

Причем девушки уже будут раздеты, и в своих постелях ждать клиентов. На огромном мониторе отображались их комнаты. На стенах - фото и краткая характеристика (характеристика в основном сводилась к росту-весовым показателям и приемлемости к различным формам сексуальной близости).

Лейтенант Павилихин минут десять походил вокруг (словно делая рекогносцировку местности, а на самом деле считая заходящих клиентов. За десять минут не вошел никто), и наконец-то решившись - зашел.

Убранство публичного дома завораживало. Пальмы, портеры, полумрак, легкая музыка - и фотографии на стенах. На фото были представлены обнаженные девушки. Видимо работницы заведения, - подумал Павилихин.

Далее ситуация несколько вышла из-под контроля лейтенанта Павилихина. Он не заметил и сам, как оказался перед огромным, во всю стену, монитором. А как не мог оторваться от него на протяжении долгого времени. Столь долгого, что барышни-проститутки, видимо устав ждать, накинули на себя что придется, чтобы при случае можно было бы быстренько снять, и спустились в холл. Причем, по всей видимости времени уже действительно прошло очень много, потому что Павилихин стал восприниматься частью интерьера. А сами дамы вели себя несколько не стесняясь присутствия мужчины.

Впрочем, на мужчину лейтенант Павилихин был похож весьма условно. Высокий и худой, он своим женственным безусым лицом скорее напоминал лесбиянски настроенную девушку. Благо, что по возрасту двадцатитрехлетний Павилихин скорее смахивал на задержавшегося в подростковом возрасте молодую девушку, нежели был похож на взрослого мужчину.

Да и какой он был взрослый. Так, одно название.

Впрочем, мужчиной Павилихин тоже пока не был. Не доводилось ему как-то переспать с девушкой. Он хотел по любви и после брака. Любви пока не было. Брака без любви в его случае вообще не могло быть. К тому же Павилихин придерживался весьма строгих нравов. И во всем был предрасположен исключительно к обеспечению законности и порядка.

А еще он был зануда. И это перевешивало все остальное. Потому что на самом деле невозможно было общаться с таким человеком. Разве что за деньги. Но оказалось, что и здесь он предпочел закатить скандал, когда после его трехчасового нахождения в публичном заведении, решил уйти, не заплатив.

Ему указали на строчку под рекламой, где время экскурсионного просмотра ограничивалось полчаса. Предполагалось, что за это время даже самый отсталый из клиентов сможет сделать выбор, решившись: остаться ему и сделать заказ, или убраться восвояси.

Видимо, когда делали рекламу, не знали о Павилихине. Потому что Павилихин тут же закатил скандал. Сославшись... в общем, он ссылался на что угодно. Внешне это выглядело, как какой-то придурок стоит, размахивает руками, и кричит.

Вызвали охрану. В охране работала внушительных габаритов женщина-лесбиянка (в прошлом - спортсменка-разрядница по метанию молота). Мужчин она не любила. Поэтому грозно надвинулась над Павелихиным, в намерении...

Павилихин все поняло, съезжился, и, вытащив кошелек, отдал женщине все деньги.

Было заметно, что это ее сильно смутило. Она отступила назад, и призадумалась, держа в руках кошелек, и переводя взгляд с Павилихина на кошелек, с кошелька - на Павилихина.

Подошла хозяйка и предложила Павилихину определиться с выбором девочки. В том, что его так просто не отпустят, он уже понял.

Павилихин, было, заикнулся о ценах, но тут же смутившись - ткнул пальцем в первую попавшуюся девушку на фото.

Оказалось, девушки на фото и в реальности - различались. И это видимо ввело Павилихина в еще больший дискомфорт (он уже и так про себя желал, чтобы все поскорее закончилось). И он... он решил ускользнуть. Но выход был заблокирован женщиной-охранницей.

--Отпустите меня,--попросил Павилихин. Ему хотелось сказать, что он больше так не будет. Что он вообще готов отказаться от общения с женщинами. Он вообще многое мог бы сказать. Но слова застряли в горле. И все что получилось, это пасть на колени, и попросить отпустить.

--Да куда же Вы пойдете?--ласково спросила хозяйка (хозяйка, отметил Павилихин краем своего сознания, продолжавшего оценивать окружающий мир, была еще ничего).

Павилихин бросил взгляд на выход.

--Вы отсюда не уйдете,--словно бы говорила своим видам женщина-охранник.

--Позвольте,--против своей воли вновь стал в позу Павилихин.--Я не желаю...

Дальше он не помнил. Он только заметил рядом с собой разъяренное лицо охранницы.

А следующей картинкой, выплывшей в его сознании было осознание, что его насилуют, и после -- ощущение какого-то огромнейшего счастья, разливавшегося по телу.

.....

Когда Павилихин очнулся - рядом никого не было. Он лежал обнаженным, на кровати, на столике стояла бутылка вина, и Павилихин припомнил, что вроде как пил вино.

Или не пил. В бутылке еще оставалось немного мутноватой жидкости, он, осмотревшись, и заметив, что в комнате кроме него никого нет, осторожно потянулся к бутылке, отвинтил пробку, и понюхал.

В бутылке было вино. Он попробовал на вкус. Действительно вино,--сказал про себя, делая глоток.

Поставив бутылку на место, Павилихин быстро оделся, и собрался уже было уходить, как подумал...

В голове лейтенанта войск связи Антона Павилихина пронеслась мысль, что он только что переспал с женщиной. И это неожиданно вызывало в его душе ощущение какой-то силы и величия момента и свершившегося действия.

Но тут же радость исчезла. У лейтенанта Павилихина появилось сомнение в том, с кем он только что вступил в интимные отношения. И ему почему-то показалось, что это была женщина-охранница.

От подобного предположения у Павилихина появилось желание застрелиться. Но пистолета у него не было. Ему вообще по штату было положено оружие только в случае непредвиденных обстоятельств, связанных с необходимостью защиты Родины.

Пока по всему выходило, что Родине он был не нужен.

А еще он вновь подумал о том, что его только что изнасиловал охранник в юбке. Женщина. Его первая женщина. Но лучше бы ее не было.

.....

Почти полчаса потребовалось лейтенанту на то, чтобы настроить себя действовать решительным образом, и все-таки выскочить из вражеского лагеря. И он уже осторожно пробирался по коридору (дверь в номер, где его оставили, оказалась не заперта), как вдруг почувствовал непреодолимое желание остаться. И желанию этому были безразличны какие-либо недавние мысли Павилихина. Словно бы желание и мысли существовали отдельно. Имели, как говорится, различный объект базирования.

Проблема осложнялась тем, что помимо желания остаться, Павилихину непременно захотелось увидеть недавнюю насильницу. Неожиданно для него, ее возникший образ уже не был столь отталкивающим, как ему показалось вначале. Воображение Антона Павилихина вдруг вообще начало рисовать нечто близкое и родное. А еще ему вдруг захотелось повторения недавно произошедшего. И не то, что у Павла Олеговича возникло такое уж сильное сексуальное желание. Скорее было ощущение того, что в компании с той женщиной ему будет хорошо и спокойно. Прежде всего, спокойно. Павилихин вдруг признался себе, что больше не кажется беззащитным. То, что его взяли, и сделали с ним все, что захотелось, словно бы сломало в его душе какую-то стену, возникающую было ранее при общении с женщинами и даже вообще с людьми. И он почувствовал разливающееся по телу тепло. Почти точно такое же, как испытал совсем недавно, и впервые в жизни. Теперь он стал мужчиной, подумал Павилихин. А значит должен и действовать как мужчина.

Но самое загадочное было то, что действовать как мужчина ему совсем не хотелось.

Хотелось же ему, чтобы его снова взяли силой и изнасиловали. Изнасиловала, конечно же, женщина. Причем та самая, которая уже проделала с ним свои нехитрые манипуляции. И хоть деталей Антон не помнил, он со всей отчетливостью желал повторение момента.

И чтобы уже с ним не случилось, знал, что будет теперь все по-другому. И может быть даже -- что-то изменится в жизни. Ну, то есть, жизнь повернется к нему лицом (до этого она норовила повернуться другим местом).

Павилихин приободрился, распрямил спину, и уверенно стал спускаться вниз, готовый при виде первого встреченного им человека потребовать отвезти его к женщине-охраннице, и, далее, признаться той в любви.

Но вот он уже спустился, а никто ему так и не попался. Более того, Павилихин вдруг заметил, что входная дверь вообще открыта.

Он подошел и прикрыл ее. Лейтенант Антон Павилихин не намерен был покидать поле боя, и решил не остаться.

А принятые им решения с недавних пор был намерен исполнять. Начать исполнять. Потому как ранее сделать подобного у него все не получалось.

.....

Проходило время. К Павилихину так никто и не вышел. Он даже пробовал позвать кого-нибудь, да не знал, что именно сказать в качестве вызова. И ограничился тем, что несколько раз вполголоса что-то проговорил. Что?--разобрать было невозможно.

--Странно...--подумал Павилихин еще через час. За это время так никто и не появился. Только раз ему показалось, что наверху хлопнула дверь и послышались чьи-то шаги, да тут же все разом исчезло, и Антон Олегович согласился, что все ему просто почудилось.

Прошло еще два часа. Павилихин захотел в туалет, но, поискав глазами и не нашедши тот, решил терпеть.

Еще через полчаса ему захотелось есть (он вдруг вспомнил, что сегодня еще не завтракал, намереваясь сделать это после экскурсии в публичный дом). Часы пробили третий час пополудни. Потом четыре, пять, шесть, семь часов...

Время приближалось к полуночи, когда входная дверь осторожно приотворилась, и еще через время в нее просунулась голова какого-то придурка. Вернее - это Павилихину увиденное им лицо показалось похожее на какую-то придурковатость владельца. Хотя вполне может быть, так это и не было.

Впрочем, голова, которая уже почти вытянула за собой шею, а после и туловище - исчезла. А спустя минуту затворилась дверь.

Павилихин решил уже не ждать и подойдя к двери дернул за ручку. Ручка осталась у него в руках.

--Ерунда какая-то...--поймал лейтенант Павилихин выскользнувшую было из его головы мысль.

Следующим шагом Антона Павилихина было высадить дверь, и выбравшись наружу, обmaterить все и вся и убраться восвояси. Ну, разве что, сразу после выхода, подумал Павилихин, необходимо было найти какой-нибудь укромный угол, сделать свое дело, а после уже и убираться, с

намерением больше сюда никогда не приходить (немного ранее Павилихин намеревался придти сюда на другой день, но сейчас отменил собственное решение).

Дверь не поддавалась. Павилихин стал бить по ней ногами и громко ругаться.

Получалось только ругаться (да и то, как-то по детски). Дверь же оставалась неприступна.

--Какое это все же блядство...--хотел, было, в очередной раз выругаться Павилихин, как перед ним возник образ женщины-охранницы.

.....

Позже, и когда он уже вышел наружу, и когда прошло много дней, и даже месяцев после произошедшего с ним инцидента, Павилихин засомневался, что действительно ли тогда перед ним возник только образ охранницы, или может это была она сама, а может... а может он просто увидел каким-то сверхъестественным зрением место, где лежал ключ.

Как бы уже не было, тогда Павилихин действительно вырвался на свободу. А потом еще долго обходил странное заведение стороной. Ему оно казалось действительно странным.

Точно также как он уже не был так уверен, что все, что с ним когда-то происходило - происходило в реальности. А раз так... А раз так,-- то возникали серьезные сомнения по поводу того, действительно ли он переспал с женщиной. Потому как,-- если не переспал - то подобное необходимо было срочно сделать. А если переспал - то на какое-то время можно от женщин вообще отдалиться. Также как и от мира. Занявшись переосмыслением жизни. И всего, когда-то в этой жизни с ним произошедшего.

И он действительно отдалился от мира. Став жить в каком-то своим мире. Мире собственных грез и фантазий наяву.

А с армии Павилихин уволился. Служить ему расхотелось. Да и людей со странностями в армии предпочитали не держать. Если не было какой особой необходимости...

08.08.2008

рассказ

Вечный бег вперед

Время бежало, не оглядываясь на тех, кто не поспевал за ним.

Прохор Степанович Безбрежнев смотрел на уходящие мгновения, замечая, что все и действительно движется с такой скоростью, на которой перед ним многое в жизни становится незаметно.

--И если предположить,--рассудил он,--что когда-нибудь удастся уловить какой единый миг, то уже как бы все равно - многое ("а то и все",--усмехнулся старик) покажется совсем не

нужным ему. Потому как сознание его как бы не имело до этого практики замечать все это странное. Тогда как любая тренировка, как знал 65-летний Прохор Степанович, в юности чемпион страны по велогонкам и всю жизнь проработавший на чиновничьей работе в спорткомитете, вырабатывает помимо прочего в организме некие адаптационные возможности; основываясь на которые становится возможным достигать многое из того, к чему мы даже подходим в первый раз. Хотя, если разобраться, касается это в первую очередь и необходимости повторения пройденного пути. Когда наше сознание уже как бы улавливает то нечто, что обозначает как знакомое ему. А значит, ему становится заметно легче при выполнении каких-либо дел да обязанностей связанных с этим.

В душе Прохор Степанович чувствовал себя заметно моложе. Он заставлял себя не замечать какие-то неприятности. Понимая, что неприятности случаются в жизни каждого человека. Просто кто-то их не замечает, не обращая внимания, а кто-то начинает заикливаться на них. И вот тогда, знал Прохор Степанович, уже как бы и все. Погружается такой человек в трясину чего-то зыбкого и неопределенного. И если проведет он там длительное время, то ему как бы и совсем трудно (в иных случаях невозможно) возвратиться к нормальной жизни. Потому как утрачивается у него, в том числе, и понятие "нормальности". А человек бессознательно не замечает этого. Потому как направлена его жизнь на что-то другое. Когда становится понятно, что все может быть и совсем даже не так. Ну, или вернее, то, что как это должно быть, он не замечает. В его сознании уже сформировалось совсем иная видимость всего этого. А значит, получается, что дело обстоит намного сложнее да серьезнее, чем это только могло бы быть. Притом что если быть и могло, то совсем не потому, что это является каким-то запрограммированным жизнью. Нет. Здесь выходит скорее так потому, что человек как бы живет в иной параллели, чем окружающая его реальность. И поэтому получается, что и один и тот же мир - видим мы разными глазами. Смотрим и замечаем иное, чем другие.

Прохор Степанович думал, конечно же, о чем-то подобном раньше. Да вот четкая видимость того, что, как и почему - появилось у него как будто совсем недавно. Быть может тогда, когда ушел он на пенсию, и стал писать воспоминания - мемуары, чтобы только оставаться при деле, потому как совсем не мог он совсем не руководить. А тут, получается, руководил своими мыслями.

Но не все оказалось так просто. Со временем Прохор Степанович понял, что для того чтобы писать, необходим помимо прочего обладать хоть малейшим литературным талантом. И хотя к писательству потянулось в последнее время много графоманов, истинное от ложного всегда способен отличить мало-мальски начитанный человек. А предположить, что таким являлся Прохор Степанович, мы имели полное право. Потому как всю жизнь он словно стремился к чему-то

неизведанному, решив для себя, что оно откроется ему только в случае, если будет он постоянно самосовершенствоваться.

Он и совершенствовался.

Хотя и до сих пор, даже в свои годы, еще не считая, что по настоящему достиг всего.

Он и не достиг. Он все еще стремился достигнуть этого. Хотя давно бы уже мог признать, что достаточно размыт его путь. Его будущий путь. И тогда уже это вечное движение вперед...

По сути, оно ведь не отвлекало его и от каких обычных дел. Он только единожды задумался о том, что было бы хорошо успеть до конца жизни найти то, что искал. Но так как то, что искал (саму конечную цель), он все время отодвигал, то и получалось, что как бы пока не важно было, что на протяжении всего марафона он периодически терял цели, находя новые, и сбивая ориентиры достижения необходимого. Да и это необходимое весьма казалось ему загадочным, а иной раз и нелепым. Как, впрочем, нелепой могла показаться и его жизнь. Особенно если предположить, что он бы взялся, когда, детально разобрать свое поведение, обозначив более детальнее роли да задачи.

И выходило уже так, что на каком-то этапе Прохор Степанович научился быть доволен всем, что происходило с ним. Как и научился он, прежде всего, не показывать вида, не раскрываться сразу перед первым встречным о тайнах души своей. Потому как тайны эти были весьма загадочны, и если что да как - так были они, по сути, не подвластны и ему самому. Он только на какой-то миг позволял себе приближаться к ним. Чтобы позже уже отпрянуть назад. Пока не разыгрывалось его самолюбие, и он за один миг - проходил то расстояние, которое у кого-то растягивалось на годы.

Как-то вышло так, что Прохор Степанович почувствовал себя весьма прескверно и загадочно.

Верить, что это действительно так, он не мог. Вернее, ему не хотелось.

Тогда как думать о какой-то случайности, получалось, тоже не мог. Хотя бы потому, что уже было ему столько лет, что перед ним явно прослеживалась определенная закономерность происходящего. Когда то, что он видел, он видел как будто совсем не так, как это могло бы быть, а то и было, допускал он, по настоящему.

И вот уже не мог Прохор Степанович выносить подобное состояние своей души. И душе этой хотелось праздника. Хотелось, чтобы вообще уже не рождались какие нехорошие мысли. Хотелось... Много ей хотелось. Вот только сам Прохор Степанович вдруг понял, что давно уже научился трезво оценивать происходящую реальность. И на основе такой оценки ему совсем не хотелось как-то излишне форсировать события. Потому как явно он уже понимал, что не будет все так просто и впредь. Что все как бы наоборот - будет только иначе, совсем иначе. Да еще и возможно так, что не надо будет больше мучиться ему от разрешения каких сомнений. Да и вполне

возможно (как бы оказалось что так), что и сомнений никаких у него не было. А максимум что было - непонимание ситуации, жизненной ситуации. Причем уже то, что это было так, Прохор Степанович осознал, и решил изменить жизнь таким осознанием.

И мог он при этом добиться еще многого, а то и всего. Да как всегда понял, что ему просто на какой-то миг удалось взглянуть на окружающий мир не с той плоскости, не с плоскости постоянного обзора. И уже получалось, что все у него и действительно было хорошо. А чтобы так казалось и впредь, ему просто не надо перемешивать судьбу, забывая ее теми фактами, на которые ранее он не обращал внимания. А теперь, получалось...

В общем, как-то сразу и в один день Прохор Степанович понял, что он должен по-прежнему видеть тот мир, видеть который привык.

И ему совсем не обязательно было замечать в этой жизни не замечаемое. Довольствуясь достигнутым ранее. Причем необходимо так было еще и для того, чтобы не потерять достигнутое. Потому как если был достигнут какой рубеж, это совсем не значит, что надо было оставлять его - и искать новый.

И можно было уже сказать, что как раз к какому-то подобному пониманию Прохор Степанович и стремился все эти годы. Причем было бы глупо ссылаться на ошибки, непременно возникающие у каждого на этом пути. Да и к чему вести речь об ошибках, когда все, что могло казаться занимательным - наверняка казалось таким в силу целого ряда обстоятельств. Одним из которых являлось понимание Прохором Безбрежневым мира. Мира, в котором все было бы весьма гармонично приспособлено друг к другу.

И даже если предположить, что до последнего времени Прохор Степанович действительно что-то не понимал, то сейчас уже было как бы и без вариантов.

То есть как раз сейчас он понял все.

И осознание этого послужило великим открытием Безбрежнева Прохора Степановича, человека не простой судьбы, и при этом так научившегося принимать жизнь намного проще чем там сама желала себя преподнести. При этом о какой-то своей жизни Безбрежнев уже словно и не заикался. Все, что с ним могло произойти, лежало теперь в плоскости чего-то поистине простого. И этой простоты Безбрежнев не боялся. Это он раньше чего-то боялся. Но ведь давно уже смирился со всем что происходило, и могло произойти. А потому и не переживал, когда слушал чье-то мнение о себе. Явно понимая, что мнение такое ошибочно. А сам человек, быть может, и вовсе дурак или неврастеник. И что наверняка - подсознательно переносит проекцию с себя - на него. Или вмешивается трансфер. Когда образ Безбрежнева невольно походил на какого-то врага. И потом в подсознании все смешивалось загадочным образом. И даже знание того, что перед таким человеком находится именно Безбрежнев - уже не играло никакой роли. Да и глупо, но подобное, знал

Безбрежнев, встречается в жизни. В жизни, которая не раз еще способна будет преподнести ему ненужные подарки.

Но даже зная это, Прохор Степанович понимал - несмотря ни на что, он так и будет стремиться вперед. Бежать навстречу чему-то запланированному и ожидаемому его.

И уже после достижения подобного он сможет позволить себе отдохнуть. Но лишь после достижения ...

А пока был бег вперед.

И Прохор Степанович бежал с удовольствием.

25.11.2007 год

рассказ

Стремление к истине

Он бы мог сказать, что ему ничего не понравилось.

Мог наоборот - задуматься над тем, что только что произошло; и как бы исходя из этого - предположить что-то дальше; уже как бы просчитывая характер своего поведения в дальнейшем. Чтобы придти (как бы следующим этапом) к новому заключению. И уже исходя от этого - добраться по истине.

Скорей всего, чего-то подобного пока не получилось бы. Ну, хотя бы просто потому, что то, к чему стремился Никольский, еще до сих пор не приняло какую-то окончательную форму у него в голове. А потому уже получалось так, что, несмотря на его желание - как раз сейчас чего-то достичь было бы слишком рано. Попросту рано. Потому как не успевал он улавливать суть мгновения. И то, что могло при других условиях вместиться в мгновение - или растягивалось в его случае невероятно, или же проходило столь быстро, что он не успевал догнать да осознать его.

И в итоге как бы получалось, что все выглядело до невозможности запутанно, да и вообще - весьма и весьма туманно.

Пьер Никольский (Петр.. его звали Петр... Пьер он стал называть себя после двадцати лет. Сейчас ему было тридцать) был высокого роста, крепко скроенный молодой человек. Который любил многое в этой жизни просто потому, что располагал соответствующими возможностями веселиться. Правда, о том где он работал, сведения были весьма противоречивы; но можно предположить, что зарплата или доход выходили у него много больше среднестатистических условных единиц. А потому Пьер (он и действительно представлялся как Пьер) ездил на вполне неплохой иномарке (джип "Грант Чероки"), два-три раза в год вырывался на недельку на средиземноморские курорты. Снимал большую квартиру на Мойке (жил он в Санкт-Петербурге). Да и вообще, судя по всему, был доволен жизнью.

Вот только жить предпочитал не так, как было заведено вокруг. А потому даже когда находился Петр Никольский в компании - все равно как бы оставался один. Чему нисколько не печалился, а даже может быть и радовался. Как способен, например, радоваться человек, находящийся на своей "волне" (со своими мыслями), и нисколько не стремящийся изменить собственную жизнь, предполагая, что как раз она у него движется в заданном ритме-направлении. И менять, собственно, ничего не нужно.

Как бы не так! Пьер никому не говорил, но иногда наваливалось на него нечто, одновременно напоминающее тоску -- и самое большое горе. После чего он, совсем не рассчитывая избавиться от этого - предпочитал уединение; для того чтобы какое-то время находиться наедине со своими мыслями-страданиями (новые мысли приносили страдания). А потом неожиданно его "отпускало". И все как бы становилось на свои места. До следующего раза.

.....

Решился как-то Петр Никольский совершить нечто, что могло бы навсегда избавить его от печали да кручины. И все было бы хорошо, да все идеи, которые приходили к нему, как бы крутились вокруг необходимости непреходящих собственных изменений. А если предположить, что подобное было сделать не так просто, то как бы и оказывалось, что ища спасение в чем-либо - Пьер чуть ли не тут же понимал бесперспективность чего-то подобного. А значит уже как бы оказывалось, что все происходит если не совсем зря, то, что уж точно - почти зря.

--Ну а раз так,--рассудил он, то значит окажется, что если о многом и можно было рассуждать, то вдаваться в какую конкретику не стоило. Потому как запутал бы он тем самым себя до невероятности. И что вышло бы после этого - был бы весьма и весьма серьезный вопрос.

Но Петр не унывал. Он как бы с недавних пор вообще разучился унывать. И предвещая собственную жизнь поступками, оказывавшими весьма позитивное влияние на его душу -верил, что осталось еще немного, и он окончательно разберется со всем тем, что его мучило доселе.

Вот, например, любил Петр женщин. Да не абы каких, а женщин, в глазах которых была острота, а во всем внешнем облике -- особая изюминка. Женщин с красивым телом и чистой душой. Без обмана, как говорится.

Размышления о подобных женщинах чаще всего заканчивались ничем. Причем, Петр уже готов был преодолеть врожденную стеснительность дабы познакомиться и -- если потребуется (а он считал, что непременно потребуется) - овладеть такой женщиной. Они ведь,-- рассуждал Петр, имея в виду женщин,-- любят сильных мужчин. А был ли Петр сильным? Наверное, был. Причем где-то в потаенных уголках души скрывалась еще большая сила, которую он пока попросту опасался выпускать наружу. Словно боясь - что не удержит себя, дав волю чувствам.

И хотя чувства эти почти целиком и полностью зиждились на сексуальной энергии, он, тем не менее, был не склонен как-то принижать значения подобного фактора в жизни; причем как его, так и кого другого.

--Общество конечно,--говорил себе Петр,--расставляет ловушки, подавляя подобные желания. Но и при этом Никольский понимал устрашающую силу этих желаний. Отдавая отчет, что до поры до времени скрываясь - все равно (при благоприятных условиях) найдет выход.

И все же, во всем поведении Пьера Никольского было больше чего-то отталкивающего-прекрасного, чем и на самом деле искреннего стремления со стороны кого-либо хоть как-то заполучить этого человека. Заговорив - пожелать развить тему беседу. Быть может встретиться вновь, дабы хоть как-то закрепить в памяти такого человека - себя.

Подобное было мало кому нужно. Причем совсем грустно было бы считать, что виноват во всем сам Никольский. Точнее - он и был виноват. Ну, или скорее - ошибался. И ошибался как раз в том, что попросту, как говорится, влез не в свой вагон, а то и эшелон. Ведь можно только предположить, как было бы прекрасно, общайся Петя Никольский со своим кругом, а то и с теми, кто по своему интеллектуальному развитию (вернее - недостатку оного) был ниже.

И наоборот, к чему стремиться к нем, кто волей жизненных обстоятельств живет в ином мире. И только из-за приходи своей желает, чтобы этот мир пересекался с миром его. Как бы не так... Те люди понимали это сами. Петр Никольский понял много позже. А осознав...

Осознав, Петр Вельяминович Никольский повел себя прямо противоположно тому, что можно было предположить - получи кто другой подобную информацию.

И даже получалось так, что он сам решил влезть в тот круг, где до недавнего времени чувствовал себя изгоем. Да вот вопрос - что одними деньгами тут вопрос как бы не решить. Требовались знания, если хотите (сам Петр не хотел) соответствующее образование. А у Петра...

И вдруг вспомнил Петр, что у него-то как раз были такие и знания и образования. Просто из своей - прорывавшейся наружу - шизоидности он попросту не мог (не умел) достойным образом всем этим воспользоваться. И даже выходило так, что Петр по-новому (даже неожиданно для себя) воспринял окружающий мир.

И получилось у него, что он стал вдруг - и только теперь он осознал все это - "в своей тарелке".

И это образное выражение как бы негласно и все время сопровождало с тех пор Петра Никольского. Да и сам он понял, что совсем необязательно сдаваться раньше времени. А всегда лучше - продолжать борьбу.

И хоть большей частью борьба была все больше метафизической, за ней - чувствовал Никольский - скрывалась определенная правда. Причем, как раз вера в такую правду словно

дополнительно укрепила Петра Никольского. И он стал после этого... Он стал после этого совсем другим человеком.

И понравился самому себе. Что было, наверное, самое главное...

16.11.2007 год.

рассказ

Мечты Семена Шпильмана

И ведь не сказать, чтобы Семен Шпильман так-то уж чувствовал свою какую-то неменяемость в жизни. Хотя если посмотреть правде в глаза, то есть, не отворачивая их, то Шпильман был забавной личностью. Всегда сам себе на уме, Шпильман находил выход, казалось, в таких ситуациях, из которых никто кроме него не мог бы выбраться без особых убытков. А Шпильман мог. И даже в большинстве случаев с какой-то выгодой.

Это удивительные наклонности Семен Шпильман развивал в себе с детства. С того самого детства, в котором сверстники сначала били его безжалостно, а потом – через несколько лет -- продавались ему, будучи готовыми выполнить любое дело, если это дело могло понравиться Семену Шпильману.

Семен действительно умел найти подход к людям. Внешне никогда не выделявшийся их толпы (ну разве что своим носом), Шпильман достаточно быстро раздобыл способ обращать врагов -- по желанию – или в друзей, или подчиненных. Причем как раз у Шпильмана подобные градации весьма смещались, наслаиваясь друг на друга. И через время мало кто уже мог определить, кем он приходится Шпильману. Причем явно так получалось, что Шпильману нравилось играть во все эти игры.

Но самое любопытное, это отношения Семена с женщинами. Женщины Семена делились в его представлении на две категории. С одними он мог вести интеллектуальные беседы и вообще радоваться жизни. С другими как бы тоже радоваться жизни, но главным образом вкушая запретные прелести, как Шпильман называл сексуальную связь в извращенной форме. Хотя, какая тут может быть извращенная форма, рассуждал Шпильман. Разве что в представлении сексуальных невежд? Ну так Шпильман верил, что пройдет какое-то время, и люди современной цивилизации научатся называть вещи своими именами. Хотя, догадывался он, до конца так не произойдет. Потому как этому есть как много сторонников, так и противников всего, что связано с сексуальной жизнью. И все потому,--рассуждал Шпильман,-- что народ попросту еще не готов к свободам, связанным с сексуальной вакханалией,-- решил Шпильман, вспоминая ситуацию 60-х годов прошлого века на Западе, разыгравшуюся в период так называемой сексуальной революции.

В общем, Семен хоть и наслаждался отношениями с женщинами, но предпочитал их особо не афишировать, понимая, что в наличие слишком большого числа умных женщин не поверят

мужчины, а в наличие еще большего числа раскованных женщин не поверят сами женщины, предпочитающие по старинке умалчивать необходимое да быть может даже,-- задумался Шпильман,-- обязательное.

Однако нельзя сказать, чтобы Шпильмана так-то уж мучили подобные вопросы. Он если о них рассуждал, то делал это скорее в минуты каких-нибудь уж очень серьезных раздумий, вызванных к тому же, в большинстве случаев, хандрой или иным туманом в его голове. А так Семен Шпильман был даже веселым человеком. По крайней мере, грусть свою он никогда не выставлял наружу, предпочитая обществу не раскрывать всех секретов о себе. И Шпильман всегда знал, что делает. А потому нисколько не удивился, когда в его квартире раздался звонок, и пришли какие-то люди с надуманными обвинениями против него, после чего Шпильмана арестовали.

На следующий день Шпильмана выпустили, извинившись, и выставив его вон из отделения, что-то буркнув про то, что случайно перепутали, но чтобы он никому не жаловался, а то «посадят по настоящему».

Шпильман понял, что это скорей всего заказ кого-то из его врагов, решивших таким образом проучить Шпильмана, да Шпильману было уже все равно, потому что в очередной раз убедившись, что в этой стране можно делать многое если не все то многое, Семен в очередной раз подумал об отъезде на историческую родину. И пусть там его никто не ждал, но Шпильман давно уже обратил внимание на определенную тенденцию, когда в минуты тягостных раздумий мысли об отъезде в Израиль как-то по особенному согревали его душу, да и вообще, ему тогда становилось как-то по особенному легко, свободно, и даже -- необычайно приятно.

А еще в такие минуты Шпильману очень хотелось женщину. Но он всегда сдерживался, желая продлить нравственное удовольствие, потому как знал, что с приходом женщины его сознание переключится на другое, и конечно тоже после ожидаемого действия это будут приятные впечатления, но не этого хотел сейчас Шпильман. В последнее время он как-то привык беречь то что имел, понапрасну не расставаясь со своими чувствами, потому как понимал, что вполне может быть, что было это самое дорогое, что только у него было, а значит... А значит лучше сохранить то что есть, потому как может так случиться, что еще неизвестно как и что будет в будущем. Да и где оно, будущее? А настоящее как будто бы рядом.

И пусть через время это настоящее уже станет прошлым, на самом деле все не так плохо,-- рассуждал Семен Шпильман, удобно развалясь (по-американски) в кресле, вытянув ноги на стол, и попыхивая сигарой, которую всегда раскуривал в таких случаях.

Однако Шпильман уже пришел как-то к размышлению, что не стоит ему слишком много размышлять об одном предмете. Иногда для него был важен сам процесс. Но вот чтобы так-то уж заикливаться на одном, а после как обычно мучиться и страдать,-- этого Шпильман не любил.

.....

В своих отношениях с девушками Шпильман придерживался поразительного единства мнений. Своих прошлых мнений, и тех мнений, которые должны были изменяться со временем, да все не изменялись. Причем тут было не все так просто. На людях Семен Шпильман старался казаться таким, каким его хотели видеть. Ему даже не приходилось серьезно играть. Просто он действительно был разным. И был разным не в зависимости от ситуаций (какая-либо игра на самом деле ему претила), а от своего внутреннего восприятия мира на тот или иной момент. То есть он мог быть одним или другим, а причина крылась где-то в глубине души. И эта причина нисколько не стремилась быть распознанной. Да и вообще, зачастую оказывалось так, что Семен Шпильман через какое-то время начинал вести некую шахматную партию со своей психикой. При этом не рассчитывая ни на победу, ни на поражение.

Странный он был, Семен Шпильман. И сам же знал о своих странностях. Знал, и порой немного даже опасался их. Понимая, что фактически ему уже не остается иного выхода, кроме как играть. Играть успешно, то есть непременно выходить победителем, в ином случае может ему стать как минимум скучно, а может и просто оказаться, что Шпильман поймет какой-то иной смысл в жизни. А то и сделает эту жизнь несколько увлекательнее, чем она была в его варианте. Потому что Шпильман на самом деле был консервативно скучен, даже в иных случаях скучен до занудства. Но зная за собой подобный недостаток, он охотно менял планы, внося неожиданные коррективы в жизнь. Отчего эта жизнь становилась хоть на миг, да веселее.

Однако веселость это было не совсем то, что необходимо Шпильману. Поэтому он вида особенного не показывал, когда что-то понимал. А вот если не понимал – всячески стремился добиться понимания. Подразумевая, при этом, в понимании иной раз нечто совсем необъяснимое. То есть то, что в обычном понимании – пониманием, вроде как, и не выглядит.

.....

Семен любил жизнь во всех проявлениях. Так выходило, что он не мог до конца в этом признаться никому. Да и сам выработал для себя определенные правила да привычки, которые не позволяли ему в полной мере быть самим собой. То есть можно было говорить о том, что Семен Шпильман определенным образом сдерживал себя, понимая, что если даст волю – это может привести к нежелательным последствиям.

Не сказать, что Шпильман при этом как-то уж слишком себя ограничивал. Скорее всего так получалось, что он принял те правила внутреннего поведения, которые были близки ему. А приняв – привык к ним. После чего говорить о том, что Семен что-либо делал в своей жизни не так, было уже как бы и неправильно.

А вообще любимое занятие в последнее время у Шпильмана было какое-то неестественное мечтание. Мечтал он о многом. В этом «многом» не было ничего конкретного. Шпильман только раз как-то до удивления задумался, попытавшись нащупать предмет мечтаний, да после понял, что делать подобное не стоило. Хотя бы потому, что, рассматривая вопрос собственных мечтаний, он подходил к этому как-то неестественно внимательно (сказывалось академическое образование), и тогда он словно бы становился заметно выше своего среднего роста, хотя и как-то суживался, притом что от природы итак не был крупным.

О чем на самом деле мечтал Семен, хотели бы узнать многие. Например, его коллеги по акционерному обществу, в котором Семен Шпильман занимал должность главного инженера. Были, конечно, различного рода предположения. Но никто не ведал о том, что мечтал Семен на самом деле. И самое удивительное, что он и сам пока точно не знал. Хотя и надеялся, что это всего лишь вопрос времени. А значит пройдет какое-то время, и он, Семен Израилевич Шпильман, найдет ответы на все вопросы, которые так часто в последнее время задавал себе. А пока... Пока осталось только ждать. Но Шпильман был к этому готов.

29.03.2008

рассказ

Апрелев

1

Сергей Леонидович Апрелев, несмотря на столь «веселую» фамилию, был почти полной противоположностью тех ассоциаций, которые вызывает весна. А если сказать еще, что и родился он первого апреля тридцать пять лет назад, – то ситуация и вовсе может показаться парадоксальной. Хотя, кто – по большому счету – решил, что Сергей Леонидович Апрелев должен непременно соответствовать такому уж «шутейно-несерьезному» образу проецирования фамилии на окружающую жизнь. Отнюдь. И что б больше не задерживаться на этой теме, скажем, что нечто подобное, быть может, и могло быть. Но вот только не с ним.

К портрету Апрелева – помимо той серьезности, которая практически не сходила с его лица – стоит добавить, что само лицо (в самом буквальном понимании) имело столь тонкие (а кто-то добавит, и изящные...) черты, – что практически сразу сойдут на нет все сомнения о том, что должно оно было принадлежать исключительно интеллигентному человеку. Да так, в общем-то, и было. И тогда еще стоило добавить, что был Апрелев всегда идеально (более чем) выбрит, носил очки с толстенными линзами, имел высокий рост и достаточно объемное телосложение. Хотя, быть может, казался больше грузен, чем атлетичен. К тому же очки (несмотря на красивую оправу,

которая и должна была – по мысли его обладателя – забирать на себя основное внимание) так вот, эти самые очки, – практически безуспешно скрывали слишком боязливый взгляд Апрелева.

Взгляд, иной раз прячущийся под маской излишне напускной отчужденности... А то и важности...

И тогда уже, быть может, и стоило заметить, что иногда – благодаря росту – подобным взглядом кого-то и удавалось вводить в заблуждение. Особенно если учесть, что для того чтобы достаточно пристально посмотреть в глаза Апрелеву (ситуация, которой он панически боялся, и при наступлении которой как-то слишком быстро исчезала его «недоступность», обнажая мечущуюся душу запутавшегося в себе человека), – требовалась какая-то особая решительность.

Решительность, которой и не каждый, вероятно, обладал. Или мог себе позволить.

Однако, если не сказать что та показная отрешенность, которой Апрелев сопровождал появление на людях была действительно напускной, – то значит не сказать о Сергее Леонидовиче почти что и нечего. Ибо уже как минимум последние несколько лет Апрелев ощущал такие странные метаморфозы, происходящие с психикой, что, искренне пытаясь поначалу с ними бороться, – вскоре был вынужден попросту махнуть рукой. И смириться.

Лишь, быть может, как-то попытавшись скрыть то от окружающих.

Сложившаяся ситуация была на самом деле печальной. Но что страшнее всего, – в последнее время проблема еще больше усилилась. И если раньше (не считая школьных лет, когда Апрелев еще мог все списывать на юношескую застенчивость, и начать сразу с институтских – когда ему, быть может, впервые пришлось задуматься о причине появления страха, – страха общения с людьми), и так вот, если раньше Апрелев мог себе позволить не обращать внимание на эти, появившиеся у него «странности», – то в последние годы (и когда он остался в институте аспирантом-филологом, и когда уже стал работать преподавателем, – Апрелев читал курс по зарубежной литературе), – так вот, в эти самые «последние» годы, – Сергей Леонидович, пожалуй, был вынужден впервые признаться в том, что ситуация начинает выходить из-под контроля. Из-под контроля сознания. И тогда уже приходилось проявлять невероятные усилия, дабы удержать бессознательное в жестких рамках предназначенных природой.

И вот в такой постоянной борьбе сознания с бессознательным, – Сергей Леонидович и жил в последнее время.

Стоило ему, проснувшись, открыть глаза, – и он уже начинал замечать, как страх нацеливается на него, готовый заполнить всего без остатка.

И тогда уже приходилось предпринимать действительно серьезные усилия, чтобы хотя бы встать с постели да выйти на работу. А вскоре уже стало трудно делать и это.

И тогда Сергей Леонидович перешел исключительно на работу в вечерние вузы. А сами дни «трудовых будней» – сократил по минимуму. (Три раза в неделю, с шести до девяти вечера).

И теперь все время – с момента пробуждения и вплоть до выхода из дома – Сергей Леонидович тратил на то чтобы привести свое сознание в надлежащий вид. И только ночь приносила ему долгожданное успокоение. И только ночью мог Апрелев предаваться любимому занятию – литературе.

Он с наслаждением читал, корректировал лекции, погружался благодаря совершенно недавно для себя «открытому» интернету в электронные библиотеки мира (благо, что знал почти в совершенстве два языка: немецкий и французский, да еще сносно мог понимать и по-английски).

И лишь только ночью – Апрелеву, наконец-то удавалось «найти» себя – собрав в единую мозаику распавшиеся за день звенья потерявшего контроль сознания. И тогда уже вполне можно было признаться, что только ночью, ему удавалось на самом деле «жить»...

А вот с каждого нового утра повторялось все сначала... Быть может потому так не любил Апрелев день. Бежал от него. В каком-то нелепом усердии стремясь удержать подле себя день прошлый. Как-то остаться в нем.

И хоть ничего у него до сих пор не получалось – подобных попыток он не оставлял.

2

В один из дней Сергей Леонидович неожиданно влюбился. Скажем сразу, что последний раз нечто подобное с ним случилось лет десять назад. Тогда дело уже шло к браку, как вдруг ни с того ни с сего, – (по крайней мере, сам Апрелев это объяснить никак не мог), – в день, когда надо было выходить из дома и направляться в закс, – Сергей Леонидович (уже сделавший все необходимые приготовления, и надевший – недавно купленный и подаренный невестой – костюм, и даже почти повязавший специально подобранный – опять же невестой – галстук), вдруг неожиданно сорвал с себя этот самый галстук, и, закрывшись на все имеющиеся замки, – погасил свет (день был немного пасмурный), зашторил окна, отключил телефон, – и чуть ли не забившись под кровать, – просидел в квартире безвылазно несколько суток. (Благо, что в институте, – в связи с предстоящими событиями, – взял отпуск на две недели).

А когда наконец-то решился завершить столь нелепое «заточение», – то почувствовал, что, от того что произошло – теперь переживает еще больше, чем, быть может, от того что только должно было произойти... А потому безвылазно просидел дома еще почти с неделю...

И только после того, как, наконец-то, решился позвонить приятелю (который должен был быть свидетелем со стороны жениха на несостоявшейся свадьбе), и тот уверил его что, в принципе,

ничего серьезного (вернее, не предполагаемого самим приятелем, по его словам, давно ожидавшего нечто подобного) не произошло, – (да нет, конечно, и слезы были, и истерика, да и поступил ты, дружище, как минимум – по скотски, – что, в принципе, почти только и раздавалось в твой адрес), но сейчас, мол, уже можешь не переживать, вроде как и улеглось все... да нет, нет, – я же говорю тебе, – что вполне ожидал этого... а, ты про это?... – так опять же, – нет... мое отношение к тебе нисколько не изменилось), Сергей Леонидович мог – или, скажем – очень б того захотел – успокоиться.

Но вот прошло уже столько лет, и как будто все повторялось вновь. В смысле, – и взаимные вздохи, и намеки, и первые (робкие) – а потом уже и не робкие – поцелуи. И слова признания. И даже намеки на нечто большее, – то, до чего в те времена, по относительной юности обоих влюбленных и дойти еще не могло... И уже сейчас, – почти только впервые (и так неожиданно) пришлось удивляться Апрелеву, в том, что ему, быть может, и нравятся, на самом деле, те отношения между мужчиной и женщиной, которые он отчего-то избегал все это время... И тогда уже забывался он от нахлынувшей на него страсти... и отдавал своей невесте – а в том что брак состоится уже никому не приходилось сомневаться, (да и сам Апрельев впервые сам желал этого), – и «отдавал» Апрельев невесте столь долго таившееся в нем желание... а она, быть может, и вполне искренне признавалась ему: что у нее еще никогда – за тридцать лет – не было столь пылкого любо... – возлюбленного, – поправлялась она, – вернее нет... – совсем было чуть не запутавшись спохватывалась девушка, – у меня вообще никогда до тебя никого не было... И уже как бы то ни было – с заметным удовольствием (и почти невозможно было заметить – что было там больше: самого желания или страсти к эксперименту) открывал для себя Апрельев какие-то новые, и, зачастую, совсем немыслимые, любовные позы (прочитанные – как не забывала дополнять инсценировывавшая любовные утехы невеста – в книгах, и только в книгах)...

Но, быть может, в какое то мгновение подобные оправдания становились и совсем даже излишними... ибо, по всему было заметно, что Апрельев как-то вдруг быстро и неожиданно потерял ощущение реальности... И при том нисколько не переживал об этом... И вероятно с Апрельевым действительно можно было делать все что угодно, – потому как в пылу захватившей его любовной страсти, – почти совсем не замечал он ничего... потому как не существовало в тот момент для него никого кроме его невесты... и, пожалуй, спроси его кто тогда: любит ли он ее? – и еще неизвестно, как отреагировать он мог на эти слова?... А то, быть может, – и вообще способен был разорвать все отношения с тем человеком... Хотя бы потому что действительно не существовало для Апрельева в тот момент никого и ничего кроме любви его... И это было действительно так...

И уже даже наметилась свадьба... И почти даже определилось точное число ее...

А сама невеста уже перебралась жить к Апрелеву... (Не потому что у нее не было своего жилья, а потому что сам Апрельев не желал ее отпускать ни на минуту...). И уже были сделаны все необходимые и обязательные покупки... И выбран ресторан... И заказаны столики... И даже заплачено сполна (вперед, а какая разница, все равно платить)... И приглашенные гости уже ждали своего часа (и у тех уже даже были заготовлены подарки)...

И вот в тот момент, когда, казалось, все было готово настолько, что даже и измениться уже не могло – Апрельев внезапно исчез...

Сначала его искали ради шутки... (устроил «мальчишник», да загулялся...)... Потом с зарождавшейся тревогой... (действительно странно, и на него как будто – думали его новые знакомые, а старых почти всех он сменил – не похоже...)... Ну, а когда, не в меру обеспокоенные родственники невесты – уже готовы были обратиться в милицию (человек, да нет – жених пропал!...), – неожиданно пришла от Апрельева телеграмма... (Даже не невесте, а все тому же его старинному приятелю (который и теперь должен был быть свидетелем со стороны жениха, и на которого возлагалась миссия довести текст телеграммы до сведения невесты)... Причем, заметим, сам текст был столь туманен – что приятель Апрельева попросту передал телеграмму невесте... Мол, пусть сама разбирается... Хотя для него ответ был ясен и так – свадьба не состоится!..

Апрелев вскоре вернулся. Но к невесте не пошел. И даже не увиделся с ней – хотя на самом деле никуда и не уезжал, а жил в специально снятом номере в гостинице... ровно месяц... практически безвылазно... а когда, по его мнению, должны были более-менее все успокоиться (и, прежде всего, вызывавшие его страх родственники невесты), – то просто возвратился в свою привычную жизнь... Холостяцкую... Ибо только в какой-то момент он понял – что еще миг – и потеряет он уже навсегда то к чему так привык... И той его прошлой жизни – с ее страхами, ночными кошмарами и дневными тревогами – уже не будет. А значит и не будет больше литературы... Ибо только боясь и опасаясь чего-то – мог Апрельев и читать, и сочинять... (А с момента встречи с невестой даже рукопись книги, к которой он до того так долго подступался, и которая уже была написана почти наполовину – была куда-то безжалостно заброшена)... И вот теперь только стоило осознать это все Апрельеву – как почти тот час какая-то невидимая сила подхватила его... и уже не помнил Апрельев почти ничего... И многое делал почти исключительно бессознательно... А когда опомнился – уже как вроде и все закончилось... Но он вроде как и не сожалел о том...

27. 03. 2004 г.

рассказ

Девушка мечты

Он не думал, что такое возможно.

Всякий раз, когда он пробовал подобного достичь раньше – у него не выходило ничего, кроме как появления мучительного чувства вины за саму мысль о возможности подобного. И при этом сейчас он вроде как делал тоже самое, а перед ним уже все стало по-другому. У Марка Вагнера появилось ощущение, что он наконец-то получил доступ в игру, запрет играть в которую неким свечением проходил ранее перед ним. И ему (после нескольких неудачных попыток), уже словно бы ничего и не оставалось, как прекратить попытки, и...

--Я вижу, что теперь у тебя все иначе,-- произнес Феликс, как показалось Вагнеру, излишне подозрительно посмотрев на него. Хотя может это ему показалось, потому как Феликс, его давнишний друг и учитель, просто на несколько дольше чем обычно задержал на нем взгляд. Причем позволив себе это, даже зная, что Марк Вагнер не любил, когда кто-то пристально рассматривает его.

--Теперь все иначе,--ответил Вагнер, не выдержав взгляд Феликса, и зачем-то уставясь в пол. Он и раньше делал подобное, но видимо тогда это не вызывало в его душе чувства, сродни возникшему теперь. А потому Вагнер попытался изменить тему разговора, заговорив о самом Феликсе.

И вот тут понял Вагнер, что расспрашивать о чем-то Феликса он не может, потому как нет у него необходимой информации, чтобы беседа протекала в необходимом русле, а не была бы просто демагогией.

--Послушай, дружище,--посмотрел на Вагнера Феликс.—Мне сдается, что теперь ты действительно стал другим. Ты сам-то как считаешь?

Марк Вагнер согласно кивнул. Он и сам так стал считать с недавних пор. Всю свою недолгую жизнь, до тридцати с небольшим, Марк Вагнер стремился найти девушку мечты. И при этом, встречаясь с такими девушками, понимал, что на самом деле они не такие. И даже уже подумал, что не встретит. А тут вдруг разом нашел то, что все эти годы искал.

Девушка была китаянка. Звали ее Вивьен Ли. Ли была стройная, худенькая, и очень-очень покладистая. Ну и к тому же она была красивая. Очень красивая. Причем красота ее казалась настолько естественной, что Вагнер не задумываясь сделал предложение Ли в первый же вечер их знакомства.

С тех пор прошло две недели, но он ничуть не пожалел об этом.

--А откуда приехала Ли?—поинтересовался Феликс.

Маркс посмотрел на него немного отстраненно. Он вновь погрузился в воспоминания о том, в какие таинства вводила его Ли, и ему не хотелось так скоро возвращаться в мир реальности. Да и что мог дать ему этот мир? Реальность всегда стремилась только разрушить его мечты. Поэтому

можно было предположить, что Марк Вагнер все годы стремился из этой реальности выбраться. И при этом вынужден был находиться в ней, чтобы не прослыть сумасшедшим, или же действительно не сойти с ума.

--Послушай, Марк,--внимательно посмотрел на него Феликс.—А расскажи мне о Ли?

О Ли Марк мог рассказывать часами. Такой девушки ему действительно не доводилось раньше встречать. Несмотря на редкую мужскую красоту, позволявшую ему свободно знакомиться с девушками, спать с этими девушками, и даже почти беспрекословно реализовывать с ними те фантазии, которые рождались в его творческой голове, Марк не мог похвастаться встречей с девушкой мечты. Все эти девушки были как бы на одно лицо.

Ли была не такая. Она сразу покорила Марка, и сколько он не пытался не думать о ней,-- больше думать он ни о ком не мог.

--Ли... Ли...--повторял Марк, и перед ним тут же возникал образ этой девушки.

--А сколько ей лет?—задал очередной вопрос Феликс, чем вверг Марка Вагнера в некое замешательство. Марк только сейчас понял, что не знает о Ли на самом деле ничего. Он не знал, сколько ей лет, не знал, как долго она живет в России, не знал... Он ничего о ней не знал.

--Но ведь он и не стремился о ней что-то узнать,--подумал Марк о себе в третьем лице.—Не стремился, внутренне понимая, что так для него будет проще. Может даже спокойнее. И если уж действительно о чем-то говорить начистоту...

Впрочем, Марк не собирался сейчас говорить с собой начистоту. Он и так раньше излишне изводил себя ненужными вопросами, так что совсем как будто и не жил вовсе из-за этого, а лишь существовал. Влачил существование, если быть еще точнее. Тогда как на самом деле...

На самом деле он всегда стремился избавиться себя от чего-то подобного. И даже какое-то время как раз в этом избавлении видел некий жизненный смысл. Пока не понял, что все это слишком глупо, чтобы об этом серьезно задумываться. А потому стал просто жить. Просто жить,--вспомнил Марк слова Дейла Карнеги. Вспомнил, как когда-то сильно ему помог этот психолог действительно перестать беспокоиться и начать жить. Притом что если рассудить...

--Только не рассуждать,--дал себе запрет Марк, и только сейчас заметил, что он один. Феликс ушел.

--Видимо обиделся,--подумал Марк, но мысли о Ли моментально вытеснили в его сознании весь негатив, и Марк Вагнер стал вспоминать.

Он вспоминал, и приятное тепло разливалось в его душе. Так что ему совсем не хотелось возвращаться в реальность. В ту реальность, в которой его ожидал Феликс. Который вернулся.

--Где ты был?—спросил Марк, отстраненно посмотрев на приятеля.

--Как где?—не понял Феликс.

--А, ну да,--сказал Марк, и если бы внезапно не увидел Ли, то наверное вновь бы погрузился в свое внутреннее состояние, которое переполняло его.

Ли действовала на Вагнера отрезвляюще. Когда она находилась рядом, он больше не думал ни о чем, кроме как о ней. Когда ее рядом не было, он продолжал думать о ней. Эта девушка подчинила его себе. И при этом совсем не требовала от него, чтобы он находился рядом. Тогда как сама все время ждала его. А может и не ждала. Но когда он приходил – Вивьен оказывалась всегда рада ему, и – как казалось Марку – жаждала исполнить любое его желание.

Пока такие желания у Марка простирались в области секса. Но он знал, что через время насытившись Ли, у него появится и другое чувство к этой девушке. Потому как уже сейчас он угадывал, что помимо постоянного желания обладать Ли, в душе Марка рождалось и что-то еще. Любовь? Марк Вагнер не думал о любви. Для него просто было очень важно, чтобы Ли всегда была с ним. Важно любить ее. Важно обладать ей. Важно, чтобы Ли продолжала ему подчиняться. Причем, как угадывал Марк, желание подчиняться исходило от самой Вивьен. Она словно бы и не понимала, как может быть еще иначе. Она была так воспитана, эта маленькая китайская девушка, Вивьен Ли, из провинции Хэнань, и города Лоян, что на западе провинции. Марк помнил как Вивьен смеялась, что ее город превышает по количеству жителей Санкт-Петербург. Хотя девушка и полюбила Питер (как она его ласково называла, немного коверкая слова). Кстати, Марк действительно раньше не знал ничего о Ли. А тут она сама ему все рассказала. Ну не все, как понимал Марк, но как бы основное.

Но вот для Марка любая информация о Ли уже как бы не могла вытеснить того огромного желания видеть эту девушку всегда рядом с собой. И он знал, чтобы ни случилось – они будут вместе.

--Ты влюбился...--загадочно протянул Феликс.--Ты действительно влюбился,-- констатировал факт Феликс.—И мне кажется, девушка тебя тоже любит.

Марк Вагнер посмотрел на приятеля несколько удивленно.

--Откуда ты знаешь?—спросил Марк.

--Ну как же?—изумился Феликс.—Ведь судя по всему, любовь действительно взаимна. Ведь сколько ты о ней мне уже говоришь? Причем видно, что вы общаетесь. А если бы ты был девушке безразличен, стала бы она с тобой столько общаться?

--Верно,--кивнул Марк, и тоже задумался. Он думал сейчас над тем, что совсем забыл, когда они встретятся с Ли. Думал, как ему сказать Феликсу, что никакой Вивьен Ли на самом деле не было. Что все это лишь его образ. Образ той, которую он хотел все время встретить, но теперь уже понял, что не встретит никогда. И в том, что это будет так, оказалась виновата... Ли. Потому что появившись впервые в фантазиях Вагнера, она словно бы изменила его жизнь. Явно очертив ту

грань между реальностью и ирреальностью происходящего, во время которой он, собственно, и мог бы кого-то встретить. Кого-то, но не ее. И он...

--Жаль что ее нам самом деле нет,--грустно произнес Феликс.

--Что?—не понял Марк.—Что ты сказал?

--Я говорю, жаль что Вивьен Ли не существует,--грустно произнес Феликс.—Я ведь тоже успел уже влюбиться в нее. И знал бы ты, что когда вспоминаешь о Ли, как мне становится больно...

--Больно?—не понимал Марк. Точнее, он понимал, но до конца не хотел верить, что...

--Что Вивьен с нами больше нет,--перебил его мысли грустный голос Феликса.

--Да,--кивнул Марк Вагнер, впервые за долгое время признавшись и себе, что девушку мечты он в очередной раз потерял. До этого были другие девушки. И как сейчас понимал Марк, он точно также считал их девушками мечты. Но проходило время. У Марка Вагнера изменялись вкусы. И он менял этих виртуальных девушек на новых. И ведь самое важное,-- как успокаивал себя Марк Вагнер,-- что никоим образом он никому из этих девушек не причинял боль. И расставание с ним – на этих девушках никак не сказывалось. Ведь...

--Ведь их не было,--закончил за него Феликс Костелло, и приятели обнявшись, зашагали по жизни вместе. Они давно уже любили друг друга. И очередная попытка сменить ориентацию оказалась вновь, как и раньше, провальной. А значит...

--А значит мы будем вместе,--улыбнулся Феликс, и Марк Вагнер согласно кивнул, решив, что на какое-то время это действительно будет так.

Он так и не расстался с мыслью, что ему еще удастся встретить девушку мечты. Но Феликсу он об этом говорить не стал. Чтобы не расстраивать того...

18 апреля 2008 г.

рассказ

Неизвестность

1

Нет, конечно, он даже не подозревал, что будет так тяжело.

Что когда-нибудь ему будет так тяжело.

Но если это когда-нибудь должно было случиться, то случилось сейчас. И произошло так внезапно, что он оказался к этому не готов. И подобное его расстраивало больше всего.

2

Карл Моисеевич всю жизнь (уже прожитую, по сути) избавлялся от чувства от чувства вины. Патологического чувства вины. Мучительного и ужасного чувства вины.

Избавлялся – и не мог избавиться.

Он жалел всех. И тяжелее ему было – от поступков, когда-то им совершенных.

Причину возникновения большинства из них – он не знал.

--Ну, как так выходит?—не раз задавал себе вопрос Карл Моисеевич.

...И уже дальше он обычно не продолжал. Знал, что и продолжить-то нечем.

И от всего этого настолько тяжело становилось Карлу Моисеевичу, что он все больше склонялся к мысли: жизнь у него не удалась.

Хотя и это, конечно, с какой плоскости смотреть. Ведь вполне можно было заметить и нечто иное. Например, то, что в советские годы Карл Моисеевич был орденосцем. Работал в горкоме партии. Воспитал двух сыновей, которые принесли ему пятерых внуков. Был дважды женат. Второй раз уже после самоубийства первой супруги. (Женщина сошла с ума (наследственность); и случайно поскользнувшись во время припадка – ударилась головой об цементный пол их недостроенной дачи.)

Дачу Карл Моисеевич после смерти жены сжег. От детей отказался. Вернее, это они решили, что папа в припадке ярости убил маму. И от него отказались. Оградив в том числе от убийцы и внуков.

Было Карлу Моисеевичу пятьдесят девять лет. И он уже устал от жизни.

3

Но, конечно же, так говорить было бы слишком преждевременно.

Потому как Карл Моисеевич с недавних пор стал ощущать себя совсем другим человеком. Умным и молодым. Хотя подсознание усиленно намекало ему, что он старый дурак. Что он глуп и стар. Что он...

Но Карл Моисеевич никого не слушал. А подсознанию вообще не верил. Верил он только себе. И это ему было вполне достаточно.

4

Уже как неделю Карл Моисеевич мучился от какого-то нового чувства. Чувства неизвестности.

Причем, какое на самом деле произойдет событие, он не знал.

Но почему-то был уверен, что оно непременно произойдет. Да еще и – именно с ним.

.....

Когда гонять собственные мысли не было уже никакой возможности, Карл Моисеевич взял ружье (он считался охотником и даже имел соответствующий документ), завел свой старенький УАЗик, и уехал.

Куда он ехал, Карл Моисеевич пока не знал. Но где-то впереди его маячила неизвестность. И он во что бы то ни стало обязан был ее разыскать.

Ну и поговорить, разумеется, с ней по-свойски. Чтобы разом решить вопрос. И, уже так получается, закрыть тему.

И Карл Моисеевич обязан был во что бы то ни стало это сделать. Чтобы даже не возникало соблазна больше о чем-то думать.

Переживать и расстраиваться.

.....

Когда он приехал на место, было уже за полночь. И Карл Моисеевич долго ругался (чертыхаясь и мастерясь) не находя того, что он искал. Зачем он приехал. Лишь палил во все стороны, пока не кончились патроны.

А потом уснул сном мертвецки пьяного человека.

(Вообще-то, Карл Моисеевич не пил. Но в этот раз – нажрался в хлам. И был этому, в общем-то, рад.)

И что еще было самое интересное – Карлу Моисеевичу снились хорошие сны. Добрые и светлые. Каким когда-то был он и сам. Пока его не скрутила жизнь.

И вот если бы кто спросил Карла Моисеевича: какая это жизнь,-- он бы наверное и не ответил. Только бы перезарядил ружье, да и пальнул не глядя. В сторону задавшего вопрос. Вопросы Левинсон.

А вообще Карл Моисеевич Левинсон был добрым человеком. Он просто запутался в жизни. Не зная выхода из сложившейся ситуации.

Впереди по-прежнему была неизвестность.

А неизвестности он всегда опасался...

22.04.2006 год.

рассказ

Почти подарок судьбы

Рудольф Тагамлицкий немного переживал за свою излишне трудно выговариваемую фамилию, и не совсем распространенное имя.

И в то же время он радовался жизни как никогда. Еще не прошла неделя, как его приняли в партию. И Рудольф отчего-то верил, что теперь в его жизни все пойдет так, как надо. И жизнь эта предстанет перед ним тем образом, который доселе в основном только виделся ему.

Так обстояло дело, что Рудольф Тагамлицкий раньше вел антисоциальный образ жизни. А тут вдруг взялся за голову, и решил почти в корне изменить судьбу. Причем так получалось, что Рудольф Викторович действительно стал изменяться. А те, кто знал его раньше, теперь не узнавали. Считая видимо, что это не Рудольф вовсе, а, например, его брат-двойник. (Миф о существовании брата-близнеца подкинул сам Рудольф, видя призрачное желание некоторых своих знакомых разобраться, что же в итоге с ним произошло.)

Когда Тагамлицкий был еще совсем маленький, то, как он помнил, все время пытался разобраться в том, что делать ему стоило, а что нет.

Видимо не разобрался. Потому что почти неожиданно (для других, но не для себя), Тагамлицкий вдруг оказывается в детской колонии.

Выйдя оттуда за примерное поведение досрочно, Рудольф решает действительно изменить судьбу, взявшись за ум. Однако, то ли ума пока было недостаточно, то ли еще по каким причинам, но всего через несколько лет по выходу с «малолетки», Рудольф получает новый срок, и уже оказывается на взрослой зоне.

Сейчас ему было под тридцать. Позади него две судимости, и диплом вуза (вуз Рудольф закончил в колонии).

После выхода из колонии, перед Рудольфом вновь стала дилемма, как строить отношения с жизнью. И вот тут, как он считает, ему удалось сделать исключительно правильный выбор. И что интересно – жизнь улыбнулась ему. А он достаточно благодатно отнесся к подобному подарку судьбы. Ну, или почти подарку судьбы. Потому что подозревал Тагамлицкий, что недоделал он еще ряд дел, которые должны были так или иначе способствовать его пониманию этой жизни. Причем сама жизнь как будто не стремилась к тому, чтобы Рудольф ее как-то сразу понял. И вот это, собственно, слегка и настораживало Тагамлицкого. Потому как стремился он все-таки закрепиться

в этой жизни. Причем закрепиться не абы как, а самым, что ни на есть, должным образом. А значит, как он понимал, должен пока закусив удила – двигаться в только ему известном направлении.

Почему известном только ему? Потому как с самого момента освобождения из колонии Рудольф подсознательно стремился к одиночеству. Не то, чтобы он желал быть один. Но вот после недолгих раздумий пришел к заключению, что как раз в одиночестве ему намного легче (свободней) мыслится. Да и вообще живется, особенно если учитывать, что если наши мысли суть наших последующих желаний, то становится как-то легче дышать.

И Тагамлицкий понял, что ему просто будет проще, даже находясь среди людей – большей частью ориентироваться на себя. Потому как, если другие люди способны делать в отношении него ошибочные выводы, то в отношении себя такие выводы Рудольф делать не будет. А если случайно сделает – ему будет не так обидно.

Решив действовать (строить жизнь) таким образом, Тагамлицкий понял, что должен не отклоняться от заданного курса собственного поведения. Прежде всего уже потому, что само это поведения способно было принести ему удачу. В конце концов, даже исключительную удачу,-- решил Рудольф, осознав, что сейчас он действительно находится на пути ко многим жизненным открытиям. Точнее – к продолжению подобных открытий, ибо начал открывать он их, еще находясь в заключении. И как раз именно тот поворот, который он совершил – поистине можно считать даже настоящим переворотом. А если так – то значит,-- решил Рудольф,-- не должно было перед ним впредь возникать каких-то сложностей, или вообще проблем.

Поразмыслив еще какое-то время над происходящим, Рудольф подумал о том, что судьба всегда благосклонно относилась к нему. И вся проблема заключалась в том, что в иные разы своих жизненных периодов он начинал прислушиваться к мнению окружающих. Что есть ошибка, и может быть самая главная ошибка,--знал Тагамлицкий. К тому же, как вспомнил сейчас Рудольф, раньше он уже приходил к подобным выводам. А значит получалось так, что, во-первых, это уже идет повторение пройденного. А во-вторых, если через какое-то время вновь сошлись выводы (новые выводы со старыми), то это почти непременно означает, что он исключительно на верном пути. И все, что ему теперь необходимо – не сбиваться с этого пути. Ну то есть, – не отклоняться на мелочи, или иными словами – не отклоняться на мысли других людей в отношении его и его судьбы, явно подозревая, что мысли эти ошибочны в силу ряда серьезных обстоятельств. Причем даже как будто не важно, что сам такой человек ошибается, или желает ему зла. Как раз тут это может быть вообще не главным. А на первый план выходит просто целый ряд обстоятельств, важность ряда которых легче понять пока интуитивно, нежели чем досконально разобраться, письменно написав отчет по ним.

Написав об этом, Тагамлицкий подумал, что перед ним, вероятно, сейчас как раз и проходит такая цепь обстоятельств. Да и вообще,-- задумался он,-- они, по всей видимости, проходят перед

каждым (или почти каждым,--поправил он себя). Но только вопрос – замечает ли эти обстоятельства «каждый»? И если замечает – как он на них реагирует?

И Рудольф вдруг пришел к ужасающему замечанию о том, что он на самом деле в последнее время перестал замечать знаки, которые подавала ему судьба. То есть он их по привычке вроде как замечал, но сейчас не был уверен, что правильно реагировал на них. И все от того, что жизнь у него в последнее время стала несколько отклоняться в сторону. Причем насколько было опасно такое отклонение, Тагамлицкий не знал. Но отчего-то подозревал, что оно может действительно стать опасным.

Но не все было так плохо, как вскоре заметил Рудольф Викторович. И даже уже сам факт, что он смог выбраться, оборвать антисоциальное течение жизни, в этом можно было найти исключительно подарок судьбы. Как и вообще была подарком сама жизнь. Просто, как знал Тагамлицкий, человек иной раз способен совершить ошибки как раз из-за того, что не правильно расставляет акценты в жизни. И дав себе обещание впредь не совершать ошибок (и даже если и совершая – не признавать их за таковые), Рудольф Тагамлицкий уверенно пошел по жизни дальше, зная наперед, что все у него будет хорошо и правильно. А сама жизнь еще принесет ему тот подарок судьбы, который для него окажется весьма кстати.

Подобные мысли так подняли настроение Рудольфу, что он запел. Запел от радости и переполнявшего его счастья. Запел от того, что внезапно понял все то, как и что будет у него в жизни дальше. Понял, как он должен вести себя дальше. Понял он сейчас вдруг действительно все или многое. И самым важным было то, что Рудольф Тагамлицкий вдруг перестал обращать внимание на слова (и даже мысли) других людей в отношении себя. Понимая, что как раз себя если кто и знает – то лишь только он. А другие всегда судят с позиции собственного взгляда на жизненные обстоятельства. На те обстоятельства, которые им иной раз хочется изменить. Но действительно ли надо было менять – об этом знал только сам Тагамлицкий. Да и то – знал только в отношении себя.

И уже понимание сего факта было по настоящему подарком судьбы. И Рудольф Викторович был, в общем-то, доволен. Как всегда был доволен тому, что в жизни получалось.

03 мая 2008 год.

рассказ

Сомнения Марата Зязикова

Что ни говори, а ему все-таки нравились женщины в теле. А еще высокие. И лучше когда было два в одном. Тогда Марат Зязиков как-то по-особенному радовался. И даже пытался говорить умные мысли. Что с ним случалось крайне редко.

Зязикову недавно исполнилось тридцать. Ни семьи, ни детей. Как не было у Зязикова какого-то приличного образования, близких друзей, на которых он мог бы положиться, да и вообще чего-то такого, о чем бы он может, мечтал.

Притом что мечтал Зязиков много. Он мечтал о великих странах, которые сумеет покорить, мечтал о женщинах, которые падут к его ногам, мечтал о богатстве.

Марат Зязиков был богат. Папа ему оставил крупный пакет акций в ряде нефтедобывающих компаний. Дядя, который был владельцем компаний после внезапной смерти папы (инфаркт), первое время было тянул племянника, да потом, рассудив, что тот "не тянет" -- махнул на него рукой, буркнув что-то типа того, что денег достаточно и так для спокойной жизни, зачем же еще "рыпаться".

Дядя был совсем груб и малообразован. Что не мешало ему, поднявшись на волне девяностых (говорили, что он был правой рукой у одного известного питерского бандита), скупить акции ряда крупнейших предприятий страны, и переехать в Москву. Дядя Марата отчего-то всю жизнь мечтал переехать в Москву. С недавних пор его мечта исполнилась.

Марат в Москву не переехал. Остался в Санкт-Петербурге. И со спокойной совестью транжирил деньги, на которые, считал, имел любое (и моральное и юридическое) право.

Впрочем, никто ему не мешал пользоваться своими правами. Ежемесячно дядя ссужал племяннику несколько десятков тысяч евро. И тот кутил.

Кутил -- было бы громко сказано. По природе ущербный (маленький, с рыхлым телом и гнусавым голосом) Марат Зязиков если и бывал в каких-то местах (а он там бывал), то как-то умудрялся не попасться никому на глаза, пока все были трезвые и о нем бы потом вспомнили. А потом, когда все уже приближались к состоянию свинства и порока (точнее - последующего за свинством порока), Зязиков выползал из своей норы (укромное местечко он находил всегда и везде), и вместе со всеми предавался дальнейшему пьянству и последующему разврату.

Женщины Зязикова не любили. Да он их и опасался.

Но те женщины, которых заказывали на подобные вечеринки - уже успевали вколоть себе порцию героина или напиться в хлам. И на автопилоте исполняя то, что от них требовалось - почти всегда достаточно профессионально удовлетворяли собравшихся мужчин и полулесбиянствующих женщин из высшего общества. Общество, конечно, было так себе. Детеныши некогда дорвавшихся до власти или богатства родителей, взрослые субъекты непонятной ориентации, ну и прочий мусор. Все отличие которого от остальной части населения лишь в том, что у них есть некая финансовая составляющая, которая позволяла бы им в отдельные моменты (часы и сутки) жизни превращаться в животных, удовлетворяющих первобытные инстинкты.

И удовлетворяли. Общество, в которое попал Мурик (там его звали ласково - Мурик), считало, что нынешнее положение дает им определенное право иногда жить той жизнью, о

котором, быть может, они всю жизнь мечтали. Когда не надо было бы ни перед кем и ни за что отсчитываться. И каждый, кто попадал на эти закрытые мероприятия (кто привел Мурика первый раз - он уже и не помнил) - мог делать другом с другом все что он хочет, если это "что хочет" простиралось в области секса, или лучше сказать - сексуальных оргий.

Да, Марат Зязиков мог признать, что он участвовал в сексуальных оргиях.

Хотя признаваться, по сути, ему было не перед кем. Отца уже не было. Дяде до племянника было все равно. Жена дяди - выполняла приказы дяди ("за это ей платили деньги",--как говорил дядя), а мама Марата... Впрочем, так вышло, что мама - как раз и была женой дяди. В их семье уже давно были какие-то загадочные отношения. Причем началось все с момента еще первого осознания Маратом жизни. Когда то, что он увидел (и посчитал было, что так и быть должно) уже во взрослой жизни (когда появилась возможность сопоставлять и сравнивать) сначала повергло Марата в некоторый шок. А потом он как-то быстро решил ни во что не вмешиваться. И воспринимать жизнь такой, какой она есть. Ну, то есть была. Была у него в семье.

А потом Марат вырос, и стал прожигать жизнь. Словно бы заливая в этих кутежах какую-то свою, одному ему известную боль.

.....

У Марата были мечты.

Мечты Марата поначалу, было, сводились к одной похабщине. Но со временем он научился мечтать о чем-то великом, и что уж точно - очень-очень важном для него.

К сожалению, через время он забыл, что было этим важным. Точнее - понятие важности подменилось. И теперь важным для него были женщины. Скорее даже одна женщина. Женщина, которая должна быть совсем другой, чем те шлюхи, число которых у Марата уже перевалило за вторую сотню. Причем их образ успел настолько прочно вжиться в его подсознание, что поначалу женщина его мечты имела те же блядские черты, как и у путан, обслуживающих вечеринки нуворишей.

Постепенно Марат сумел разобраться с собственными желаниями и мечтами.

И теперь мечтал о скромной тихой женщине. Которая, правда, должна была иметь крупное телосложение, высокий рост, и сексуальные черты лица (почему именно так - Марат пока сказать не мог).

При этом эта женщина должна была иметь какую-то не очень людную работу. Потому что Марат мечтал приходить к ней на работу, и любоваться своей избранницей.

Да, еще очень важно было, чтобы эта женщина до безумия бы влюбилась в Марата. И чтобы между ними пока не было никаких сексуальных отношений. Потому что... Марат пока не решил, в какой форме эти отношения должны были происходить. Как и кто вообще должен был в

их семье демонстрировать лидерские качества. Потому как, с одной стороны, скромность женщины предполагала, что командовать будет он. А ее рост и крепкое телосложение словно бы говорило о том, что тщедушному Маратику целесообразней было бы все-таки самому подчиняться. Потому как, если представить, что когда-нибудь его пассия заедет ему в глаз (Марат всегда боялся того, что кто-то может захотеть его побить), то...

В общем, Марат пока не решил, кто будет главным. При том, что ему почему-то непременно хотелось это поскорее решить. Почему? Все просто. У Марата никогда не было своего какого-то мнения. Того, чтобы исходило из его души. Все было наносное, и заключалось, главным образом, в подстраивании под кого-то. Так ему было спокойнее.

Марат надевал на свою душу соответствующую маску. И жил, в общем-то, не своей жизнью. Так ему было действительно спокойнее и привычнее.

Вскоре Марат встретил женщину мечты.

Женщину звали Люба. Любе был сорок один год. В прошлом - каменщица пятого разряда. А еще ранее - играла в баскетбол за школу и ПТУ.

Но самое интересное - что Люба была обалденно красива. И сексапильна. У нее был высокий рост (под метр девяносто. Рост Зязикова немного не дотягивал до метра шестьдесят). Крупное телосложение (чуть больше ста килограммов. У Зязикова шестьдесят пять). Огромная грудь ("искусственная",--подумал Зязиков в первый день знакомства). И уже как лет пять Люба работала в агентстве недвижимости, в роли заместителя директора. То есть имела относительно неплохой заработок и смело смотрела в будущее.

.....

Когда Люба узнала, сколько у Зязикова денег - вся ее уверенность моментально спала. Сравнив его финансовое состояние со своим - она вдруг сделала то, что от себя давно уже никак не ожидала. Она сказала, что готова подчиняться Марату Казбековичу во всем. И попросила его взять ее в жены.

В голове у Зязикова пронеслось, что если он откажется - она его ударит. И неожиданно для себя - дал согласие.

И у молодых началась семейная жизнь. У Марата Казбековича был большой дом в ближайшем пригороде Санкт-Петербурга. Две квартиры в Санкт-Петербурге. Автомобиль престижной марки с водителем (два автомобиля и два водителя). Ну и еще много чего у него было. На что он раньше, вроде как, не обращал внимание (считая это непреложным атрибутом жизни), а теперь, с появлением в его жизни Любы (которая охала и ахала от удивления и восторга как молоденькая девушка) стал по-новому открывать жизнь. Ну, или вернее - существование в этой жизни некоторых вещей.

А потом с Любой познакомился дядя Марата (приехавший проведать племянника в город на Неве). И когда дядя уехал (погостив всего два-три дня), Марат заметил, что его жена (они успели расписаться) явно заскучала. Но о чем-либо спросить ее -- он постеснялся.

А еще через несколько месяцев Марат заметил, что у его жены вырос живот. И тогда же она призналась, что беременна. А Марату было все также неудобно спросить - от кого будет ребенок. Ему как-то не верилось, что от него.

А потом, в тайне от супруги, Марат пошел к врачу, сдал анализы, и узнал, что детей они иметь попросту не может.

И тогда же (вечером) жена призналась ему по секрету - что ребенок от него.

Ну а чтобы Марат не сомневался - она напомнила ему подробности секса между ними, когда дядя зашел в ванную принять душ - а она (они сидели перед этим все втроем в гостиной, смотрели программу "Время") притянула его к себе, велев побыстрее войти в нее, пока дяди нет.

И секс между ними был поспешен и по-своему привлекателен. Потому что тогда (Марат сейчас все вспомнил) он получил необычайно сильный оргазм.

Но вот Марат также вспомнил, что когда вышел из душа дядя - в ванную комнату пошел уже он. А дядя почему-то сел обратно смотреть телевизор. И за время пока он там отсутствовал....

У Марата не только не проходили сомнения, но и даже разгорались с новой силой.

К тому же он понял, что, по всей видимости, обладаетиделиодробности секса между ними, когда дядя зашел в ванную принять душ -- а денькая девушка лица -- марат ты, как и у неплохим воображением. Потому что за совсем короткое время навообразил себе столько, что стал догадываться, что истины не поймет и вовсе.

А потом приехал дядя. И сказал что хочет, в связи с намечаемым рождением ребенка, передать Марату контрольный пакет акций одного из металлургических заводов.

Чем, на самом деле, еще больше запутал Марата.

А потом... А потом Марат удивил всех, признавшись, что на самом деле он вовсе не Марат, а зовут его Казбек, и он не племянник, а двоюродный брат дяди Аслана (дядю звали Аслан).

Но ему уже никто не поверил. Подумали - шутит.

Да и он, впрочем, тут же, сквозь раздавшийся дружный смех (было много народа, гости там, и прочее) признался, что действительно шутит. Вынужден был признаться. Сам для себя решив, что ни во что и никому не верит.

И впервые была у него такая уверенность.

Которая, впрочем, тут же прошла, сменившись неуверенностью и сомнениями.

Но начало уже было положено. И это пока было самое главное.

Ну, быть может, главным еще мог стать ребенок, который скоро должен был родиться. Хотя, чей это был ребенок - Марат не знал. Не знал, и понимал, что сомнения у него все так же будут продолжаться. Может даже, и долго будет продолжаться так.

А потом все пройдет. Возможно что пройдет. Главное было в это верить.

Ну а после, когда уже пройдут все эти сомнения, Марат Казбекович Зязиков знал, что начнется для него другая жизнь.

И этого надо было только ждать...

18.07.2007 г.

рассказ.

Фантасмагория

Если по правде, то я и не припомню даже толком, когда это со мной произошло первый раз. Скорее (даже) мне кажется, что этого – совсем не было. Тем более что о том, что подобное случилось и раньше, – говорит лишь то далекое воспоминание, которое я удерживал в памяти... вернее, оно находилось там и совсем без моей воли; или, что вернее, – нисколько, казалось, не спрашивая самого меня. Так, по всей видимости, я считал (для самого себя).
Да, быть может, так оно и было...

Но что до самого воспоминания, то оно, вероятно, не более чем всего лишь повторение (предшествование?) происходящего сейчас.

И уже то, что происходит сейчас, пожалуй, можно отнести к неким загадочным, и, на первый взгляд, необъяснимым явлениям, имя которым... Впрочем, как раз здесь и наблюдаются те удивительные противоречия, стоящие между мной, Петром Сергеевичем Карагандовым, и, быть может, всем остальным миром.

А началось все с того, что в один (ничем не примечательный) день, – день, который при «благоприятном» раскладе таким бы и остался, – произошло со мной некое (необъяснимое) событие, грозившее, не только разом перечеркнуть предыдущую жизнь, но и, по всей видимости, – внести (только ей известные) коррективы: в жизнь последующую.

Я шел тогда по улице. Шел, не обращая внимание на полуденный зной. (Тенистые аллеи небольшого южного городка, где я тогда находился, вполне давали мне право забыть о самом жарком месяце лета, – стоявшем тогда).

К тому же, совсем недавно мне исполнилось двадцать пять. И я был уверен, что ничего не сможет заставить меня забыть о литературной премии, лауреатом которой, меня объявили на днях. И о чем первый – с поздравлениями – позвонил председатель комиссии, (давнишний приятель моего отца), – Дмитрий Александрович Бурмистров.

И, по всей видимости, находился под впечатлением от состоявшегося разговора, повторяя про себя отдельные, запомнившиеся фразы. Так, что вполне создавалось впечатление – будто разговор состоялся только что.

– ...И не может быть и тени сомнений, – выдергивались из общего частотола слов рефреном звучащие фразы, – Вы (по старой привычке Бурмистров ко всем обращался только на «Вы»), бесспорно – один из самых талантливых молодых прозаиков... (Мог ли я не согласиться с председателем комиссии?..). А потому, – не только слушал, радовался и соглашался... но и уже вскоре: слова Дмитрия Александровича смешались с моими, (идушими откуда-то из подсознания), хвалебными отзывами о самом себе. Так, что уже совсем невозможно было разобрать: что «на самом деле» говорил Бурмистров, – а что казалось мне.

Я шел по улице, и – совсем неожиданно для себя – обратил внимание, что по другой стороне тротуара, – идет точно такой же субъект – как я?!..

Сходство было поразительным. Все тоже продолговатое лицо; все та же долговязая фигура; все те же (темно-русые) волосы до плеч.

Казалось, даже походка была такая же. И речь... до меня случайно донесся его голос. Голос, который бы я никогда ни с кем не перепутал: это был мой голос. Но что показалось мне самым удивительным: незнакомец, разговаривая сам с собой, употреблял те же самые речевые обороты, что и я. И даже более того: он произносил – те же самые слова (которые, минутой раньше, мысленно произносил я сам).

Не в силах сдвинуться с места, я удивленно провожал его глазами.

– Быть может, мне следовало его окликнуть?— возник, было, у меня вопрос (и я уже готов был что-то прокричать тому), как... произошло событие, которое разом (и окончательно) выбило меня из колеи.

А дело все в том, что только у меня сформировалась более-менее подходящая фраза, и только-только готовы были сорваться с уст первые аккорды ее – как кто-то прошел мимо меня. Причем так близко, что только мой резкий шаг назад – помог избежать столкновения. Я посмотрел на негодея. И отчего-то – не удивился. – Это был еще один «я». Точно такой же. Даже нет нужды искать какие-либо отличия. Все было идентично (до неузнаваемости). И я уже готов был задуматься, – а помню ли я себя на самом деле? Быть может – я совсем другой? С другой

внешностью? И тогда (а, скорее всего это именно и так), – нет и повода для сомнений. Тем более, что любые сомнения рождают отвратительные чувства. Которых, – я сознательно избегал.

Но сомневаться не приходилось... Это был я... Точнее, – «человек, похожий на меня»... И тот, второй, – тоже был похож.

В какой-то момент я уже готов был упасть в обморок (запутавшись в каких-либо «закономерностях» этого мира). Но когда я, видимо, уже собрался это сделать (момент, надо заметить, непредсказуемый, и неприятный во всех отношениях), – я оказался «подхвачен» с двух сторон... «Собой» же...

Рядом со мной стояли два совершенно одинаковых человека. Причем, словно смотрел я в некое зеркальное отражении, которое (тут же) рождало (множившиеся в геометрической прогрессии) схожие между собой образы. (Впечатление – громадного по масштабам – клонирования...).

Было ли подобное на самом деле?.. Или этого, вовсе и – не было?.. И тогда (получается) мне все... привиделось?!..

Признаться, я не был готов к подобному... умозаключению. Хотя, моя психика и раньше пыталась выкидывать разные, там, «коленца». Но что б дойти до такого?.. Когда в одночасье видишь себя в нескольких изображениях?!.. До этого, верно, дело еще не доходило. И (быть может потому), я интуитивно догадывался: что сейчас совсем иной случай...

Но, вот, что он собой означал?!.. Быть может, в подобном (сверхъестественном) рождении образов – таилась какая-то метафора. Интерпретация которой, – как раз бы и несла в себе: должный ответ?.. Или ответа... и не могло быть?..

Но ведь не сон же это на самом деле?.. Тем более что сны передо мной в последнее время проносились все более с каким-то зловещим сюжетом никогда непредсказуемой развязки. Точно такой же, впрочем, как сейчас...

Казалось, я окончательно запутался.

– Быть может, мне следовало, – о чем-нибудь заговорить с ними?.. Ну, хотя бы попытаться продемонстрировать свое доброжелательное (а какое у меня на самом деле?) отношение?.. (Агрессии, как будто не наблюдается, – отметил я про себя). Но и радости... радости особой не было. И мне показалось, что если буду я еще думать об этом, – то и вовсе запутаюсь. А то и – сойду с ума.

Но, тогда, что мне оставалось?.. Уйти?!.. Попытаться просто пройти мимо, не обращая внимание: на нашу схожесть?!.. А если они уже заметили (свою схожесть со мной?!). А то и

наоборот, – желают (таким образом) «выйти» на контакт? И какова тогда вероятность, – что они оставят свои попытки?.. Не станут ничего больше предпринимать?.. И вообще, – какой вариант развития отношений для меня более желателен?.. Быть может и правда, лучше, не замечать ничего?.. Словно – и не происходит ничего вовсе?.. И уже в какой-то момент мне показалось, что... ничего и не происходит. А значит – ничего (такого) и не было. Все мне, например, привиделось. Тем более... тем более, что я уже широко раскрытыми глазами смотрел вокруг... и никого не видел... Улица была совершенно пуста...

– Выходит, – и раньше никого не было?!.. По крайней мере, вполне создавалось впечатление нетронутой целины асфальта – с копошившимися на нем муравьями (сей факт меня настолько удивил, что я даже наклонился, чтобы получше разглядеть этих трудолюбивых насекомых, занятых исключительно своей жизнью и, – не в пример мне, – ничего вокруг не замечавших), пылинками тополиного пуха – словно снегом покрывавшими поверхность земли, так что где-то подсознательно вполне создавалось впечатление, что, пройдя кто здесь ранее – то он обязательно оставил бы следы...

– Так значит, это все мне действительно привиделось?! – уже готов был окончательно оправиться я от пережитого. Все разрешилось само. И таким удивительным для меня образом.

– Фантазмагория, – тихо произнес я, и, постояв еще какое-то время (подспудно ожидая что-то все-таки увидеть), убедился, что, действительно никого нет. И зашагал прочь.

Я шел сначала медленно. Но постепенно мои шаги приобретали возвращавшуюся уверенность. И, дойдя до конца улицы, – я повернул на следующую, завернув за угол. И снова шел, начав насвистывать даже, какую-то песенку. И с каждым шагом забывая о недавнем происшествии.

А потом, что-то заставило меня оглянуться. И я... никого не увидел. И вновь продолжил путь. А когда собирался уже завернуть на следующую улицу (этакий маленький южный городок, с многочисленными извилистыми улочками), – чуть не столкнулся... с ними со всеми. Они ждали меня...

8 сентября 2004 г.

рассказ

Трах

1

Мне хотелось ебаться. Помнится, я так ей и сказал. И она, усмехнувшись, раздвинула ноги, словно приглашая: входи.

Расстегнув молнию, я лег на нее, извлекая рукой набухший от желания член и вставляя в ее горячую пизду. Пизда Ирки была действительно горячая. И прочно обхватила мой хуй, только лишь я вошел в нее.

Через минуту все было закончено.

– Быстро ты, – чуть сожалея, произнесла Ирина.

– Надо было сразу не соглашаться, – парировал я.

– Ну ты же знаешь, если касается секса, я выебываться не люблю, – призналась Ира.

Я кивнул. Любое время мне сейчас было на руку. Я планировал отъебать Ирку еще. И уже гораздо дольше. Как обычно, когда наш секс-марафон мог длиться часами, после чего и она и я все равно хотели еще.

– Как думаешь, я поступлю в этом году в институт? – спросила Ира. Я понял, что она догадалась о моем желании выждать какое-то время, прежде чем мои яйца вновь заполнятся спермой, и я смогу ее ебать.

– Поступишь, – улыбнулся я.

Ира поступала уже в третий раз. Первые два раза были не только провальными, но и она забирала документы после первого экзамена. Решив, что и на второй идти не следует.

– Ты смеешься надо мной? – посмотрела на меня девушка. Мы оставались на кровати, где до этого сидела Ирина, читая какую-то книжку. Теперь я сидел с ней рядом. Вернее – лежал. Я уже лег. И начал осторожно гладить ей грудь. Готовясь в любую секунду перейти и к более решительным действиям, как только почувствую, что мой член готов подняться.

– Нисколько, – утешил я девушку.

Ирке было девятнадцать. Была она небольшого роста, рыжая, слегка полноватая, и очень-очень сексапильная. С такими хорошо было в постели. Но не очень хочется показывать их своим знакомым. Знакомым я обычно показывал Люду. Она была высокая, стройная, красивая, и фактически фригидная. Но об этом мало кто догадывался. Потому что я пока был первый и последний мужчина Люды.

– Ну конечно, ты уже выучился, вполне найдешь себе какую-нибудь дуру, которая будет заглядывать тебе в рот, и я тебе буду не нужна.

Иногда на Ирку находило. «Это были издержки сексуальности», – как я это называл. И обычно если она начинала, то остановить ее можно было только одним способом: отъебав ее. Вернее – принявшись ебать. Тогда она успокаивалась, и ее внимание переключалось на что-то более существенное и важное для нее в тот момент. Притом, если она кончала (а обычно она всегда кончала, я уж старался), то какое-то время можно быть уверенным, что скандалить Ира не начнет. Пока какая-нибудь очередная хуйня не придет ей в голову, и она снова не начнет выебываться.

Я почувствовал, что мой член готов подняться. Для надежности я положил на него руку Ириши. Пальцы девушки принялись шебуршить, прохаживаясь по все набухающему стволу моего полового органа, пока он наконец-то действительно не встал, и я понял, что смогу наконец-то всунуть его в девушку.

Девушка поняла тоже самое. И быстро наклонившись, обхватила мой пенис губами. Как же она сосала! Можно было кончить уже от этого! Но сейчас я решил сдержаться.

С некоторым трудом высвободив член изо рта девушки, я перевернул ее на живот, раздвинул ягодицы (девушка расслабила их и еще шире развела ноги), и вошел ей в зад.

Ира застонала. Она всегда стонала, когда я ебал ее. Это была ее визитная карточка. И могу сказать, что от ее стонов я всегда заводился. Настолько, что меня трудно было остановить. Да практически и невозможно. Прежде всего потому, что я не хотел сам. Да и как я мог остановиться? Лежа на девушке?

2

Ира была моя не первая женщина. Да и почему она должна быть первая? Хотя все дело в том, что вполне и могла. Но случайно вмешались какие-то нелепые обстоятельства, помешавшие мне стать ее первым мужчиной. А ей – моей первой женщиной. Познакомившись по телефону и назначив друг другу свидание, мы разминулись. Кто-то из нас перепутал парк, в котором мы договорились встретиться. И я очень подозревал что она. (Неподалеку друг от друга находилось два парка. В назначенный час мы стояли в разных).

Нравилась ли мне она? Очень. На тот момент наших отношений я ее любил так, что готов был убить любого, кто бы стал на моем пути. И так получилось, что именно это и сыграло свою роль в том, что я в итоге порвал с ней. Я вырвался от нее. Не сбежал, а именно уничтожил ее в себе. Ее любовь. Я проклял и ее и ее любовь. А заодно и свою. И теперь я ее ненавижу. Время лечит. Поэтому, видимо лет через десять я скажу, что мне она уже безразлична. А еще лет через десять, уже после этого – может быть признаюсь, что я ее и люблю. Как знать. Судьба действительно обманчива. И иной раз выписывает такие коленца, что никак и ничто не возможно предугадать. Вот так вот.

.....

– Ты уже меня не хочешь? – ошарашила меня вопросом Люда, когда мы разделись, легли в постель, и, как обычно повернулись друг от друга. Вернее – повернулся я. Люда смотрела на меня, и, судя по ее вопросу, ждала на этот раз от меня нечто большего.

У меня даже не было времени удивиться. Мой член оказался настолько глубоко погруженным в ее рот, что уже какие-то эмоции были и вовсе не нужны. О своих намерениях Люда говорила своими действиями. Правда, пенис мой только сейчас начал вставать. Но и девушка изменила тактику. Теперь она, положив меня на спину, водрузилась на него сверху.

Какой же это был трах! И это еще более было удивительно оттого, что трахала меня Люда. Девушка, которую я уже списал со счетов в своей сексуальной жизни, считая ее фригидной.

Как бы не так! Она ебала меня, испытывая такое удовольствие, что я был загипнотизирован энергией, исходившей от нее. С каким удовольствием она это делала!

Причем от меня ничего не требовалось. Только лежать, да иногда поддерживать свой член рукой, чтобы он не отклонялся от цели. Причем поддерживал я только вначале. А потом понял, что его настолько плотно поглотила «цель», что от меня уже и действительно ничего не требовалось. Разве что не кончить раньше срока. Люде бы это не понравилось.

Вообще меня удивляла эта девушка. С внешностью топ-модели она работала в библиотеке, выдавая книги, большинство которых уже прочитала. Уже позже я узнал, что у Люды была даже степень по филологии. И до того как она стала библиотекарем, Люда работала в институте. Преподавателем.

Это уже действительно была для меня новость. Получалось, Люда специально изменила судьбу. И наверняка я был уверен, что девушка, раз изменив судьбу, будет готова сделать это еще.

И я ошибся только в одном. Работа преподавателем мировой литературы это уже были последствия такого поворота. Потому как еще раньше, Люда успела провести год в колонии для несовершеннолетних. Правда, за что была осуждена, я не знал. Но факт остается фактом. Причем самое удивительное было то, что ей удалось скрыть судимость. И оказалось, что в этом ей помог... прокурор. Любовницей которого она была с шестнадцати лет.

Да... был повод серьезно задуматься, когда эта девушка на самом деле говорит правду. Тем более что являясь любовницей районного прокурора она еще и всю, как оказалось, трахалась с байкерами. И вообще была в их тусовке. Участвуя в оргиях, которые те устраивали, накурившись марихуаны.

.....

Когда я познакомился с Людой, ей было двадцать семь. И я думал, что она фригидна. И что уж точно – целомудренна. Но верьте мне – я стал счастлив, узнав что это не так. Ибо сейчас Люда

вытворяла со мной такое, что я понял, что, несмотря на мой опыт с тремя десятками женщин, с которыми я переспал к тому времени – я абсолютно ничто в сравнении с Людой. И многому из того, что знаю теперь я – научила меня именно Люда. Девушка, которую я даже не любил. Вот так вот.

.....

С Людой я тоже расстался. Вообще я со временем понял, что видимо расставание со своими сексуальными партнершами в моем случае это уже привычка. Быть может, я боялся в них влюбиться? А, почувствовав, что готов влюбиться – спешил от них избавиться. Остаться один.

Лишь на время один. Потому как природа требовала свое. И я уже находил (находил я всегда с легкостью) новую подружку. Вернее – новый объект своих сексуальных желаний. И приложения сексуальной энергии. И вообще – траха. Траха... Неужели мне так действительно нравилось трахаться?..

Могу признаться, что со временем я задумался и над этим вопросом. И даже стал искать девушку, с которой можно было бы просто жить. Жить обычной жизнью, без тех сексуальных экзекуций, без которых я уже не мог. Но был готов отказаться от них, если действительно встречу такую девушку.

Я еще ищу...

25 сентября 2006 год.

рассказ

Решимость жить

Он всегда находился на какой-то своей, особой волне; когда происходящее рядом может и замечалось, но столь поверхностно, что задай кто вопрос: что там было? - и Самуилу пришлось бы задуматься, повспоминать, а потом, если ничто не отвлечет его, может и ответит. А может и нет. Справедливее сказать, что нет. Причем, причина была и вовсе ничтожная, чтобы Самуил (или кто другой) уделял тому особое внимание. Все ведь казалось и действительно слишком просто. Да еще так - что вытеснялось все это, находящееся поблизости, во что-то такое, что при случае и не вспомнить будет. Не так-то легко и вспомнить. Да и все, пожалуй, слишком сложно... Всегда было сложно... Вот только сложности этой Самуил обычно не замечал... Когда юн был -- вообще не обращал внимание. Когда молод стал - тоже не замечал. И лишь после тридцати вроде как задумался о чем-то. Но посмотреть внимательно о чем?- так и вовсе могло бы показаться все бредом да ерундой... Загадка... Самуил Равель был загадкой... И эту загадку хотел разгадать он и сам.

.....

Чуть выше среднего роста, Самуил Равель носил большие очки, был скромн, застенчив, по-своему красив, и самое главное - преисполнен решимости жить.

Немногие могут похвастать подобной решимостью. Чаще всего и не замечают даже чего-то подобного. А заметив раз (каждому дается такая возможность) - не обращают на это внимание после.

В результате множится число людей несчастных от своей невнимательности. И не то, чтобы рассеянных даже, а может просто и действительно несчастных. Потому как, что находится у них перед глазами, что как будто открыто им - не замечается ими. Все больше пытаются разглядеть они что находится в отдалении от них. Совершая тем самым порой непоправимую ошибку. И даже, кажется, что совсем может приключиться скоро беда. Ан нет,-- все вроде как урегулируется. Тем самым словно бы давая индульгенцию таким людям продолжать существовать и смотреть на мир в той плоскости, в которой наблюдали они мир доньше...

.....

Равель ясно видел, что это не так. Он видел мир в том ключе, в котором не дано было видеть многим. Замечая порой то, о чем другие могли только догадываться. Но так как догадки наши порой ничего не значат, если не воплощены во что-то реальное (открывающееся в последующем), то уже можно было предположить, что Самуил Равель жил (продолжал жить) той жизнью, к которой он более всего был предрасположен.

И уже получалось, что ему, быть может, и труда никакого не составляло жить. А вот жил человек, и даже по-своему радовался жизни. И что уж точно - старался не разочаровываться ей. Предполагая, что это самое замечательное, что это так. И даже зная наперед - что все что так - самое лучшее, что только может быть - будет. Непременно произойдет. Случиться. Потому как - если все это и действительно так, то почему бы тогда не произошло что-то столь необходимое, чтобы он способен был задуматься над тем, что все это действительно так.

Мучая и периодически запутывая себя подобными вариациями на жизненные темы, Самуил, тем не менее, продолжал искренне верить во что-то справедливое и важное, что должно было когда-нибудь с ним произойти.

В то, что это произойдет - он действительно верил. Причем, спроси кто, откуда такая вера - и в лучшем случае пожал бы плечами в нерешительности Самуил. Прежде всего потому, как действительно не знал. Ну а еще, наверное, потому, что не понимал он до конца, почему в одни моменты жизни происходит все так, а в другие - уже совсем иначе. Да и не понимал, догадывался Самуил, лишь не от какого-то общего недопонимания, а скорее от вопроса наличия какой странности общего существования вопроса. Того, что будет,-- было,-- наверняка еще свершиться,--

но уж совсем явно - что не будет тот час же обнаружено им. А значит и запутанно может быть до безобразия.

--Всякое возможно,--рассуждал тогда Самуил Равель, и думал, отчего это он в свои 20 лет задает себе так много вопросов?--Разве это не стремление к знаниям, пробовало, было, восставить что-то внутри него. Но молодой человек (внешне казавшийся очень даже немолодым) только приказывал себе не отвлекаться. Потому как знал, что лишние вопросы в такие моменты совсем даже ни к чему. К ответу не приведут, а запутают - невероятно.

И все же было нечто такое внутри Самуила Равеля, что помогало ему преодолевать подобные, периодически возникающие у него, сложности и неудачи.

И не то, что он даже как-то серьезно отвлекался на них. Скорее нет, чем да. И в то же время находил Равель нечто по-особенному потрясающее, что способно было бы заполнить его внутренний мир. И насытить внешний.

Хотя он никогда и не бежал особо от реальности. Да и надо ли ему было делать что-то подобное? Не надо. Сын преподавателей университета, Самуил Равель с ранних лет понял, каким уважением могут быть преисполнены поступки людей. И можно было сказать, что уже тогда ("когда это было?-- помнил ли то время сам Равель?") он выработал для себя определенную позицию, которая - с большей долей вероятности можно предположить что это так - выводила его победителем в большинстве жизненных ситуаций.

Причем, если какая-либо схватка действительно была или намечалась, то уже можно было говорить о том, что сам Равель все же каким-то образом в ней не участвовал. Не любил он этого. Больше любил Самуил предаваться каким-то размышлениям. Можно даже сказать - мечтам. Хотя и о том, о чем мечтал - говорить считал неудобным. Прежде всего потому, что будет подобное неинтересно кому-то. А сам же с собой Самуил знал, что всегда разберется.

И все же самые большие силы предавала Равелю обладание некой тайны. Тайны, которую он не раскрыл бы никогда и никому. И уже не потому, что был невероятно скрытный от природы. Но и большей частью потому, что догадывался, что об этом до поры до времени не стоило ни с кем делиться. Чтобы наслаждаться обладанием подобного величия самостоятельно.

.....

Конечно, вера верой, но случались у Самуила иногда некие причуды, которые очень даже могли бы навредить ему. Если бы, скажем, оценить их с какой другой плоскости, чем той, с которой доселе смотрели Самуил и его товарищи.

Но вот что могло бы показаться весьма поразительным, никто доселе попросту не смотрел так. То есть вокруг Самуила Равеля складывалось все так, как это и должно было быть. Причем, то

ли сам он делал все, чтобы получалось так, то ли просто совпадало - но факт оставался фактом. Чему, заметим, сам Равель вроде как радовался.

Да и действительно радовался.

А еще после каждого понимания чего-то подобного случившемуся, Самуил Равель переполнялся решимостью жить. И это было по-своему интересно...

Однако можно признаться, что на самом деле продолжалось все это лишь до каких-то определенных моментов. В один из дней Самуил проснулся с переполнявшей его решимостью не только изменить жизнь, но и закрепить подобные изменения. Ведь так часто уже бывало, вроде как что-то начиналось у него, вроде как по-другому смотрел он на мир, вроде как даже нравилось ему подобное состояние, и вдруг все шло прахом. И заканчивалось столь сиюминутно, что кто-то мог бы предположить, что оно не успевало и начаться. Ну, или начавшись, что уж точно - не успевало разгораться с полной силой. После чего все становилось настолько туманно и загадочно, что Самуил Равель - как способ исцеления - предполагал все разом забыть. Начав жить заново.

И все было бы хорошо (и условно приемлемо), да вот как-то посчитал он, что слишком часто у него стало выходить так, что он что-то начиная - не только не заканчивал, а сознательно ограждался от всего. Бежал, в общем, с корабля. Как крыса. Или как предатель.

Ни крысой, ни предателем Самуил быть не хотел. Он был нацелен исключительно на победу. На победу во всем, что касалось его. На победу... На победу...

.....

А через какое-то время у него все получилось. Но вот как это вышло, было видимо той загадкой, которую Самуилу Равелю еще предстояло разгадать.

Но он не спешил. Времени теперь у него было достаточно. Ведь он уже понял, что теперь будет всегда преисполнен решимости жить. А уже то, осознал ли он механизмы счастья? открылась ли ему какая закономерность возникновения его? или же просто стало все понятно и так?-- это уже как будто было и не важно. Человек стал счастлив. И этого было достаточно.

15.12.2007 год.

рассказ

Приближение счастья

1

С недавних пор он почувствовал, что состояние, в котором до этого пребывал лишь иногда – теперь каким-то странным образом подменяет его внутреннее состояние. Даже более того – теперь именно оно, начинает диктовать свои условия, смысл которых, как кажется,

заключается, именно, в отсутствии всякого смысла. Причем, зачастую, он еще улавливает, хоть и с трудом, хаотичность собственных нелепых душевных движений. Но вот, что будет уже в следующий миг?.. Да и будет ли он вообще? Этот «миг»?..

С недавних пор, Игорь Арсеньевич Ракитов, 46-летний бывший конструктор бывшего НИИ, превратившегося сейчас в бизнес-центр, стал замечать, что окружающий мир самым загадочным образом стал разделяться на несколько составляющих.

И ведь не сказать, что этого не было и раньше. Даже, – вполне могло быть. Но... но вот только Игорь Арсеньевич... этого не замечал. Впрочем, почему он должен был обращать внимание, на всякие там... мелочи...

И спроси кто Игоря Арсеньевича, например, вечером – что, было утром?.. – нет, не сказал бы он ничего уверенно... Лишь, быть может, промямлил бы что-то неопределенное... оправдываясь, что, дескать, спешил... А самом деле, – он просто не помнил. Не помнил – потому, что ничего не замечал. Не привык замечать. Потому что, – всецело и всегда, – был погружен: вглубь себя. И совсем не хотел (не собирался, не мог) – выбираться наружу.

То, что Ракитов до сих пор как-то сносно существовал (точнее, что вообще – существовал), – заслуга других людей. Старающихся, – не замечать очевидные странности: своего коллеги, товарища, мужа...

(Жены, на самом деле, не было. В какой-то момент она попросту ушла. И хотя, произошло это лет пять – шесть, а то и десять, назад, – Ракитов старался убедить всех, и в первую очередь себя, – что случилось подобное, – только вчера. Ну, месяц, два, три назад. Не больше...).

А если честно – только сейчас Ракитов понял, что наступила какая-то удивительная гармония. Точнее – еще не наступила. Но он знал, что состояние подобного ощущения реальности непременно придет. Почти уже пришло. И быть может оттого – он даже (впервые) мог позволить себе быть счастливым. Или пока – почти счастливым. Но уже все чаще и чаще, просыпаясь по утрам, – Ракитов каким-то неизвестным чувством отмечал, что мир вокруг уже не был, так пугающ. Быть может, совсем скоро, и вообще не надо будет ничего бояться. Да ему, если честно, и намного лучше находится где-то там, в глубине своего подсознания. И, пожалуй, даже больше того – Игорю Арсеньевичу хотелось, чтобы это самое подсознание – теперь всецело торжествовало, заполнив некогда всеильное сознание... Ибо (и вот к чему он пришел) сознание – было для него и не так уж важно. Нет, пусть оно, конечно, существует – но... без каких-либо, «руководящих» функций. А власть... власть, же, пусть всецело

принадлежит бессознательному. Бессознательному, благодаря которому, сам Ракитов теперь ощущает все вокруг – совсем иначе; чем то было раньше...

Да и, если, честно – он ведь уже давно ничего и не замечает. Просто... просто все проходит как-то само собой. Случавшийся раньше – негативный анализ событий (так часто, коварно, разрушающий его изнутри), – теперь... выглядит совсем иначе. То есть, – уже не кажется таковым. А, если, быть еще точнее, – он, Игорь Арсеньевич Ракитов, – может позволить себе, не обращать на это обстоятельство, совсем никакого внимания.

Да и зачем?.. К чему, нелепые переживания, расстройства, беспокойства, тревоги... И то, что раньше вызывало тревогу – теперь... ко всему этому, теперь, Ракитов был совершенно безразличен... Все (с недавних пор) встало в какое-то равновесие... И, если, случаются еще вспышки: «опомнившегося» сознания (мечущегося от внезапного осознания необходимости «принятия срочных мер») – то... большей частью... это уже и вовсе единичные случаи... И лишь только ощущение (приближения) «безразмерного счастья»... казалось, всецело уже начинает заполнять изнутри... вытесняя (быть может, даже, напрочь вытесняя) то безобразие, что некогда существовало у него...

2

Игорь Арсеньевич Ракитов, когда-то был неплохим конструктором. Почти с отличием (несколько четверок не в счет) закончив институт – он устроился на работу в Научно Исследовательский Институт. Женился. И, собственно говоря, если бы не внезапно грянувшая «Перестройка», а за ней и распад Союза – сейчас он мог бы сказать, что «жизнь удалась».

В какой-то момент, он, правда, и так, мог сказать это. Но, получив очередное повышение по службе (и готовясь занять, почти что, руководящую должность) Ракитов внезапно (через несколько дней, после самого факта) ощутил какое-то новое (и на самом деле тогда еще неизведанное) чувство вины, тревоги и подавленности. Причем, насколько он бы мог сейчас вспомнить, тогда он и не придал этому серьезного значения. Списав... Да, мало ли на что он вправе был это списать? Ну, например, на последствия излишнего алкогольного опьянения (когда сослуживцы, после назначения, доставили бесчувственное тело коллеги – его жене). Или на скандал, который, истерически настроенная супруга, учинила ему на утро. Или оттого, что так и не смог выйти на работу. Два дня пролежав пластом – и все два дня, находясь «под обстрелом» расходившейся в своем неистовстве «женушки»...

Ну, как бы то ни было – гадать, – это поистине неблагоприятное занятие. Потому как, вполне возможно, что до сути (в большинстве случаев), и не добираемся мы. (А то и вовсе –

отдалимся). И уже тогда, позволим повториться: через несколько дней, после всех перечисленных событий, Игорь Арсеньевич Ракитов ощутил внутри себя какое-то новое чувство. Которое совсем не хотело проходить (а вот бы куда исчезло?), и, которое, каким-то незаметным образом (подбираясь излишне аккуратно, да осторожно), вскоре стало диктовать свои условия.

Да и диктует – до сих пор.

В итоге: ушла жена, потеряна работа, цепочка конфликтов за ними, и прекращение всяческих отношений – с недавними товарищами...

И вот, теперь... Теперь Ракитов вдруг стал чувствовать, что все вновь намеренно каким-то образом измениться.

Просуществовав с десяток лет со своим ощущением тревоги, беспокойства, да чувства вины – как-то незаметно, дойдя до того состояния, когда почти перестаешь замечать окружающую реальность – Ракитов уже совсем ничего не ждал от жизни; предоставляя этой самой жизни проходить так, как ей заблагорассудится.

Ему почти ничего не хотелось. Уже многое – не могло. И даже, еще некогда существовавшая, надежда, когда-нибудь, вернуться к нормальной прежней жизни – теперь оказалась... безвозвратно потеряна.

Он сутками не выходил из дома. Питался (изредка и неохотно) теми «подачками», которые (отчего-то?) приносила ему бывшая жена, вышедшая замуж за какого-то бизнесмена; и уже можно было сказать, что он не только никуда не стремился, но и вовсе, считал это, даже не обязательным занятием.

В прошлом месяце у него отключили свет. Грозил – воду и газ. Да и вообще, если честно, у него бы уже давно отобрали квартиру (за неуплату, в течении, более чем десяти лет), – но отчего-то... Впрочем, казалось, для него и это было совершенно безразлично. Потому что... Потому что, Игорь Арсеньевич Ракитов (как-то неожиданно), оказался в каком-то совсем ином измерении... Осознании (или, вернее, уже не-осознавании) реальности. И даже не сказать, что ему было все абсолютно безразлично. Точнее – сказать так, значит не сказать ничего. У Ракитова (каким-то необъяснимым образом) практически полностью купировались все недавние страхи, сомнения, неуверенности... И даже (существовавшие еще ранее), – с чего, собственно, все и началось – беспокойства, тревожности, да, – коварное, по сути, – чувство вины...

Но тогда – почти, наверняка, что-то должно начаться взамен?! Да. Верно. Но... от подобного обмена, Игорь Арсеньевич как бы даже и выиграл. Хотя, если по правде, вряд ли

кто еще кроме него мог согласиться с «подобным раскладом»; но... Игорь Арсеньевич Ракитов был действительно «не от мира сего». А если быть еще точнее – то именно таковым, он теперь, в полной мере, и мог себя ощутить. Потому как... потому как, весь тот мир, в котором Ракитов еще до сих пор вынужден был существовать, теперь каким-то незаметным образом вытеснился из сознания (еще недавно, вроде бы, контролирующего «ситуацию»); и теперь... Ракитов обитал в совсем ином мире.

Кто-то бы, назвал это миром снов. Кто-то – бессознательной составляющей психики. А кто-то – и полным безумием.

И что на самом деле любопытно – правы и те, и другие, и третьи. Как, впрочем, прав был и сам Ракитов. Считавший, что только сейчас – он испытывает настоящее счастье. То счастье, которое, появившись, стоило ему только проснуться – уже не исчезало: ни днем, ни вечером, ни даже ночью, во сне. Хотя, заметим, границы дня и ночи – сна и бодрствования – были удивительным образом – у него смещены.

А что до нас, так, быть может, и не стоит ему мешать?! Пусть наслаждается... Пусть живет со своим: ощущением счастья... Заслужил...

24 января 2005 г.

рассказ

Секс-маньяк

Илья Петрович носил простое русское имя. На вид было ему слегка за пятьдесят. Высокий, густые темно-русые волосы зачесаны назад, Илья Петрович приходил на работу в сером костюме и начищенных до блеска коричневых ботинках. Смотрелись они на нем по-идиотски. Но шли в удивительное дополнение к его улыбочке. Такой же идиотской.

Обычно Илья Петрович всегда был поддат. Причем несколько раз я случайно встречал его вне стен ночного клуба, где я тогда работал администратором, а Илья Петрович исполнял обязанности директора. И всякий раз, когда я видел его, Илья Петрович был полупьян. Из чего я мог сделать вывод, что таким он был всегда. И можно даже предположить, что маленький Илюша уже появился на свет пьяненьким.

В хлам он никогда не напивался. Я подозревал, что он делал это не из-за того, что не хотел. Мне почему-то казалось, что Илья Петрович боялся. Боялся не хозяина, или, тем более, посетителей. И на него и на них ему было откровенно наплевать. Скорее всего, Илья Петрович опасался, что если переберет лишнего, то будет вести себя неадекватно. По крайней мере, я решил,

что это действительно так. А решив, стал искать удобного случая чтобы напоить его. И понаблюдать, что будет дальше.

.....

Долгое время мне это не удавалось. Илья Петрович знал меру. И всякий раз выпивал ровно столько, сколько чувствовал, что дальше будет лишним. А мне так хотелось увидеть Илью Петровича, когда начнется это лишнее.

Со временем я понял, что мое маниакальное желание напоить Илью Петровича должно было или претвориться в действительность, или же заглохнуть. И мне это уже станет неинтересно.

Я знал за собой такую особенность. Иной раз я мог сутки напролет носиться с какой-то идеей, но если она по каким-то причинам не реализовывалась – забывал о ней. И продолжал жить, словно бы ее и не было.

Однако видимо мне все же очень хотелось увидеть Илью Петровича в его настоящем состоянии. Ходили слухи (публика в клубе была общительная, и некоторые из постоянных посетителей охотно делились своими предположениями, выдавая, впрочем, их не за предположения, а за самую настоящую правду) о сексуальных безумствах, к которым якобы предрасположен Илья Петрович в пьяном виде.

Я мог этому и верить, и не верить. «Бесполезно мучиться догадками, надо самому проверить», – в который уж раз решил я, и стал подумывать как же мне напоить Илью Петровича.

Наконец, повод подвернулся сам. Как я говорил, работал я в ночном клубе. И знал (многих достаточно близко) путан, которые облюбовали наше заведение в надежде снять богатых клиентов. Приходили и откровенные бляди. Которым нужно было просто поебаться. Бесплатно.

Двух таких ко мне и подвел как-то парень, стоящий на воротах (клиентов он пропускал, собирая деньги за вход).

– Девочки хотят потусоваться, – представил он девушек, стоявших неподалеку. – Но у них, как я понял, нет денег.

– Даже на вход? – недовольно поморщился я.

Парень неопределенно пожал плечами.

Я закурил и посмотрел на двух, жмущихся друг к дружке девочек. На вид им было не больше восемнадцати. Невысокие, худенькие, похожие на мальчиков-подростков. «И при этом такие блядские глаза», – подумал я, встретившись взглядом с одной из них.

Могу сказать, что практика иногда пропускать девушек без платы за вход, у нас была. Они могли, например, расплатиться позже, «сняв» в клубе клиента. Или же сделать минет бармену, охраннику, или ди-джею. Смотря кто за них поручится. Поэтому я уже знал, что их пропущу. Но у меня внезапно созрел иной план.

Я махнул девушкам рукой, приглашая их подойти.

Вблизи я рассмотрел их получше, и обнаружил, что девочки являли собой тип блядской скромности (то есть одновременно им бы подошла одежда и католических монашек и проституток из французского квартала красных фонарей). Я еще больше укрепился в мысли, что не ошибся. И мой план будет реализован.

С девочками я договорился. Причем одна, в качестве благодарности, готова была сделать мне минет тут же, предложив отойти лишь на несколько метров в темноту.

Была ночь, лето, и фонарь освещал только вход в ночной клуб со стороны улицы Моховая, где, кажется под номером то ли пятнадцать, то ли восемнадцать, располагался «Союз театральных деятелей». Там наш хозяин арендовал подвал и сделал ресторан, позже переоборудовав его под ночной клуб. «Закрытый» ночной клуб. Большею частью для геев и лесбиянок.

От минета я отказался. «Вам еще предстоит поработать», – предупредил я. И мы еще раз проговорили детали плана. Потом они одобрительно закивали головками, заулыбавшись.

План состоял в следующем. Зная любовь Ильи Петровича к женщинам легкого поведения (причем, чем меньше был возраст женщин, тем больше Илья Петрович возбуждался), я решил сыграть на этой его слабости. В роли соблазнительниц должны были выступить мои девочки. Причем не сразу, а часика через полтора - два, когда Илья Петрович придет в легкую степень опьянения от нескольких рюмок водки (которые традиционно подносил ему бармен), от музыки и от стриптиза, который нет-нет, да и устраивал кто-нибудь из наших посетительниц.

По моему сигналу (я всегда чувствовал в Илье Петровиче такое состояние) девочки должны были приступить к действиям. А я... я должен был выступать в роли посредника между ними и Ильей Петровичем.

.....

– Илья Петрович, – отозвал я в сторону директора, когда почувствовал, что тот уже в своей привычной норме, после чего начнет только трезветь.

– Да, дорогой, – бережно взял меня под руку директор, промокая платком лоб, и поглядывая в сторону моих девочек, которые, оставшись в одних мини-юбочках, терлись обнаженными грудками друг об дружку.

– Девочки исполняют танец для тебя, – заговорщески подмигнул я ему.

– Да ну тебя, – отмахнулся, заулыбавшись, Илья Петрович. Он ценил юмор, и я часто с ним шутил.

– На этот раз серьезно, – закивал я, посмотрев в сторону девушек, одна из которых села на пол, разведя ноги, а другая – в ритме танца – имитировала половой акт, как будто если бы она была женщиной.

Илья Петрович готов был кончить уже от этого.

– Они сами подошли ко мне, – доверительно произнес я, склонившись к уху Ильи Петровича, словно доверял ему какую-то тайну.

По учащенному дыханию и взгляду Ильи Петровича я понял, что он не только внимательно слушает, но и готов поверить всему, о чем я скажу.

Я и сказал. Сказал, что девочки, видимо, перебрал коктейля или накурившись анаши, признались мне, что устали от тонких и коротких хуев своих сверстников. И хотят быть отъезбанными настоящим мужиком.

В представлении Ильи Петровича он был настоящим мужиком. Он сам мне о том говорил не раз, поддав, и как обычно после этого, разоткровенничавшись. И при этом с удовольствием демонстрировал насадку для члена, удлиняющего тот. «Хотя у меня и так он большой», – улыбался директор.

Я кивнул.

– Хочешь посмотреть, – руки Ильи Петровича потянулись к пуговицам ширинки.

– Нет, нет, – закивал я. – Я вам верю.

Илья Петрович улыбнулся произведенным эффектом. Быть может, член у него и на самом деле был большой. По крайней мере, сейчас у девочек (а они, закончив танец, и накинув на плечи растянутые блузки, стояли неподалеку и широко раскрытыми глазами смотрели на Илью Петровича) появлялась возможность это проверить. Илья Петрович с легкостью купился на фуфло, которое я ему втюхивал. И мне показалось, что от предвкушения того, что он будет сейчас вытворять с нимфетками, у него уже встал член. По крайней мере, проследив за взглядом одной из девочек, я заметил, что ткань на штанах Ильи Петровича действительно вздымалась.

Я «сдал» Илью Петровича в руки подпорхнувших девушек. Теперь была их часть задуманного мной спектакля.

Дальше события происходили стремительно. Илья Петрович зашел с девушками в кабинет. Словно проверяя зал, через несколько минут я прошел мимо кабинета (кабинет – такие же столики, как и в зале, но только за занавеской), услышав раздающиеся оттуда женские и мужские стоны (причем я знал, что полового акта быть не должно; по плану могла быть только прелюдия; хотя

допускал, что девочки могли и увлечься), я подошел к ди-джею, мы обменялись улыбками, я попросил поставить группу «Чингисхан», и прошел в другой зал, где была барная стойка, и стал разговаривать с барменом. Мне нравилось наблюдать за реакцией людей. И всматриваясь в лицо что-то отвечающего мне бармена Бори, я ждал.

Ждать пришлось недолго. Сначала раздались выстрелы. Потом смолкла музыка, начали валить из танцзала посетители, и одновременно с этим помещение стало наполняться газом.

Слезоточивым.

А еще через мгновение показался и пьяный в хлам Илья Петрович, который одной рукой поддерживал свой все еще эрегированный член (девочки знали свое дело), а в другой держал пистолет. Газовый.

Илья Петрович был абсолютно голый.

– Ты что, охуел? – набросился на него бармен Боря, который был примерно одного с ним возраста, и стал барменом в 90-годы, пришедши туда с должности зам. директора разорившегося завода.

Судя по идиотской улыбочке Ильи Петровича, я понял, что он не только пьян, но и мало что понимает.

Раздался еще один выстрел. Вверх. После чего Илью Петровича скрутили охранники.

Закрыв носы платочками, мимо прошествовали мои девочки, стрельнув в меня глазками и улыбнувшись.

Я тоже улыбнулся. И им, и бармену, и Илье Петровичу, и, наверное, сам себе. Мой план удался. А давнишнее желание (с Ильей Петровичем я проработал к тому времени уже несколько недель) воплотилось в действительность.

.....

Илью Петровича уволили на следующий день. Мне предложили занять его должность. Я отказался. «Вдруг придет интересный пассажир, который захочет почувствовать себя в роли директора, – подумал я. – И тогда мы повеселимся».

24 сентября 2006 год

рассказ

Настройка

Всю жизнь он считал, что является специалистом по настройке музыкальных инструментов.

Он носил фамилию Велихов, было ему 63 года, последние годы Велихов переключился только на обслуживание vip-персон, и по всему мог сказать, что если не жизнь удалась в целом, то старость себе он обеспечивал.

Тем более что жил он один. До города (проживал в пригороде Санкт-Петербурга) добирался на личном автомобиле; родственников, которым должен был помогать, не имел, зато все помогали ему. Все – это имеется в виду клиенты Велихова. Корней Романович Велихов считал, что те, кто приглашает его помочь наладить какое-либо музыкальное оборудование, помогают ему. Потому что платят за раз – иной раз в несколько раз больше, чем получал он от государства в виде пенсии за месяц. Поэтому Велихов и не очень жаловал государство, предпочитая, конечно, не вступать с ним в явный конфликт, но если предоставлялась подобная возможность – себе не отказывал. Полагая, что получает всего лишь малую компенсацию за все то зло, которое государство причиняло ему в течении жизни.

Подробностей у Велихова никто не спрашивал, но даже если бы и спросили – не ответил бы. Корней Романович вообще предпочитал лишний раз не вступать с незнакомыми людьми в контакт. А знакомых у него не было. Он даже никогда не интересовался именами клиентов. Для него они проходили под безличностными номерами. Причем по мере выполнения заказа – он забывал и номера. И никогда не старался вспомнить.

Жизнь Корнея Романовича Велихова, по сути, была подчинена следованию определенных закономерностей. Причем, чем строже были выведенные им для себя законы, тем проще он нарушал единожды установленные правила, допуская, что из любых правил всегда бывают исключения. Чем он и пользовался. Фактически, как кто-то заметил, подстраивая жизнь если не окончательно под себя, то что уж точно – под некое собственное видение того или иного вопроса.

Ему вообще нравилось заниматься настройками бытия. И при этом он не забывал профессии, которая давала ему основной источник дохода. А потому так и существовал как бы в двух плоскостях-измерениях, осуществляя многое, а, по сути, делая еще больше.

И так бы он существовал, не пытаясь перешагнуть за некую черту (за которую никогда не переступал), и, наверное, продолжал бы, если и не показывать прилюдно что радуется жизни, то радоваться ей в душе,-- но все чаще что-то тревожно становилось в его душе.

Причем, сколько не пытался Корней Романович доискаться до причины подобного, не мог. Любые попытки внезапно вдруг оказывались несостоятельными в призме научного рассмотрения. И если разобраться, вполне возможно, что так это все и было. Разве что...

А все дело в том, что помимо тревожности, все чаще стала появляться у Корнея Романовича Велихова и мысль о собственной исключительности. Как врач (когда-то Велихов закончил мединститут; музыка была увлечением молодости, переросшее со временем в профессию) Корней Романович опасался любых собственных размышлений в подобном спектре вопросов. Но как

человек, ему было приятно. Тем более становилось приятно в его возрасте, когда многое в жизни уже сделано на уровне, чтобы это смогли оценить другие, и при этом позволяло продолжать получать подобную оценку со стороны тех же его клиентов, например, искренне радовавшихся приходу его, и по доброму всегда благодаривших Корнея Романовича за помощь.

Помощь подкреплялась денежными знаками и (или) подарками. Велихов принимал подобное как должное, понимая, что если бы не он, то у людей оставались бы психологические проблемы, а так, своими умелыми действиями по настройке различных музыкальных инструментов, он избавлял этих людей от душевного дискомфорта. Помогая, опять же (это была когда-то выстроенная Велиховым теория) зарабатывать деньги, строить карьеру, обрести, быть может, даже личное счастье. Велихов сам знал как это все важно, наличие душевного комфорта. Он давно уже специально жил один (намерено разведясь с супругой), чтобы, приходя домой, никто не смог бы вывести его из себя. Чтобы...

Велихов не очень любил, на самом деле, продолжать, что означало это «чтобы», но знал, что значило оно для него многое. Многое, если не все,--признался бы он себе в душе, на людях оставаясь большей частью даже безучастным, и стараясь не вступать в любые дискуссии подобной тематики, да и вообще, если разобраться, жил своей жизнью. Жизнь человека, помогающего людям, и довольного что это так; довольного в осуществлении своей какой-то миссии, да и вообще, получалось, довольным если не всем, то многим. И, наверное, это было так. Потому что настраивая инструменты и через них жизнь других, он настраивал и себя как на продолжение жизни, так и на позитивное отношение к жизни. А это, по его мнению, действительно было важно во все времена.

12.06.2008 г.

рассказ

Кукла

1

Можно сказать, он ко многому приходил своими этапами.

Причем, глупо было предполагать, что Гаранян не видел или не понимал что-то. Совсем нет. И видел, и понимал. Вопрос только, что он приучил себя не произносить мысли вслух. А словно бы поначалу понаблюдать, чтобы уже после - ударить в самый неподходящий момент какой-то имеющейся у него информацией. Причем то, что бил Гаранян наверняка, было понятно и так. Его кряжистая фигура небольшого роста словно выдавала в нем боксера. Но спортом Гаранян никогда не занимался. Он предпочитал интеллектуальное преимущество. Хотя и окончательного выбора по тому, как себя вести, еще не сделал. Намереваясь совершить, быть может, и что-то такое, что помогло бы ему как-то оценить дальнейшее свое поведение. Ибо то, что он запутался - было

фактом достоверным. Вот только знал уже из своего опыта Гаранян, что запутался-то он запутался, может и так, да вот только в чем?

Этого он не знал.

В случае, если бы он одерживал победу, Гаранян бы все равно остановился и все самым настоящим образом бы взвесил. Это у него было в крови. Подобную черту находило не нужной много знакомых Гараняна, становившихся через какое-то время знакомыми бывшими.

Сам Гаранян, казалось, не замечал противоречий. Он стремился к чему-то своему. Видимо -- ясно видел цель. И если уж говорить начистоту - ему давно уже совсем безразлично было мнение кого-либо. Он вообще считал, что большинство окружающих (даже если эти окружающие в данный момент его не окружали) - это сборище людей, с которыми у него разный путь. И ни они, ни их мнение - было ему не нужно.

Оно было не нужно не ему, ни, наверное, и им самим. Поэтому Гаранян, задумываясь о чем-то, что происходило с ним, находил все это правильным, и даже может быть вполне логично-закономерным. Тогда как он мог, конечно, предположить нечто иное, но что не все - это уж точно.

И нисколько не печалился из-за этого.

И при всем притом, Фрунзик Степанов (папа - Ара Гаранян, мама - Василиса Степанова) явно понимал, что те требования, которые выдвигает жизнь, он вполне способен подчинить своим прихотям и желаниям. Да и не только он. На это необходимо было только решиться. После чего уже как будто и глупо было говорить, что что-то могло пойти не в направлении, задуманном Гараняном-Степановым (поиграв с фамилиями, он в итоге остановился на двойной). Так же как и везде в жизни - всегда побеждал тот, кто был более уверен в своей победе. И Гаранян знал об этом. Потому как еще папа его выиграл выборы в Нахичевани. И хоть после этого папа бежал в Российскую Федерацию, это уже как бы уже ничего и не значило. Потому как Фрунзик понимал, что папа просто выбрал условия, лучшие для проживания. И что с того, что сам Фрунзик до сих пор имел неопределенный статус. Он знал что папа (папе - 48, Фрунзику - 24, маме Фрунзика - 40) все равно все устроит так как надо. Да и папа на самом деле устроил. Причем вскоре как раз папа рассудил, что хватит Фрунзику сидеть без дела, и определил того заведовать складом продуктового магазина. А позже уже сам Фрунзик выбился в люди. Причем никто не знал как, но через совсем небольшое время Фрунзик уже получил и российское гражданство, и купил себе престижную машину, да и вообще, поднялся на следующий уровень социальной лестницы. И даже купил папе пару таких магазинов, в которых работал когда-то. А папа... А папа Фрунзика недоумевал переменам, происходившим с его сыном. Мама же Фрунзика, казалась, знала (или делала вид, что знала), но папа уже не жил к тому времени с мамой. Папа Фрунзика жил с...

Впрочем, он жил один. Мама тоже жила одна. А Фрунзик взял в жены сразу двух девушек (отношения оформив с одной). И жил с ними, можно сказать, душа в душу. Разве что стало

проявляться в последнее время в душе Фрунзика какое непотребство. И реализацией подобного он все чаще занимался. А с женами то расходился, то сходился. И что уж точно - ругался самым невообразимым образом.

Пока не пришло к нему в голову феноменальное (как это оценил он сам) решение. И Фрунзик стал жить... с куклой.

2

Куклу звали Машей, и была она живая.

В прошлом Маша танцевала в варьете. Была она почти на десять лет старше Фрунзика. Но это ничего не меняло. Потому как и выглядела она моложе, и внешность имела такую, что хотелось не только смотреть да любоваться, но тот час же возникало у Фрунзика при виде девушки сильнейшее сексуальное желание. И ему становилось весьма тяжело удержаться. Хотя он и сдерживался.

А как только Маша дала понять, что сдерживаться необязательно, Фрунзик тот час же взял ее в жены. Потому как нужна была ему именно такая дама сердца. Дама, больше напоминающая куклу. Чтобы не надо было, приходя домой, думать еще о том: когда и как; потому что Маша всегда работала на опережение. Угадывая характер желаний мужчины. И делала тогда все так, чтобы как раз Фрунзик делал с ней все, что ему хотелось в тот конкретный миг. Притом что в другой миг -- было по-другому. И Маша всегда предоставляла мужчине свободу выбора. Просто он знал - что она готова всегда. И желает всегда - если желает он. А если же нет...

Машу звали куклой за странную схожесть с куклой Барби.

А еще ее прозвали куклой потому как она замирала, когда чувствовала, что наступал необходимый для этого момент. И мужчина в такие минуты мог делать с ней все, что ему заблагорассудится. Потому как она разве что дышала и иногда двигалась в нужном направлении. Но это с другими, а с Фрунзиком просто лежала без движений. Потому что Фрунзик любил, когда его партнерша совсем не двигается. И даже может быть желал он, чтобы она совсем не проявляла признаков жизни, да все же боялся в этом признаться. Разве что, представляя себе (забираясь на Машу) черт знает что.

Впрочем, воображением Фрунзик славился еще со школьных лет, когда отчего-то сначала выдумал, а потом так уверовал в историю про то, как учитель музыки Ованес Каримович живет с лошадьё, что рассказал о том кому-то из своих одноклассников. Причем он словно и не хотел рассказывать, а черт его дернул сначала "признаться в тайне" одному мальчику, потом другому. И через время уже как бы обнаружилось, что об этом "знала" вся школа. И, конечно же, дошло до самого учителя. И Фрунзика перевел папа в другую школу. А еще заставил в течении целого лета пасти овец (до этого он на один поток - 21 день - покупал мальчику путевку в пионерский лагерь).

Впрочем, времени уже прошло много. Хотя и Фрунзик изменился весьма относительно. Разве что границы фантазийной мысли его значительно расширились. Хотя и о том, о чем он мыслил сейчас - говорить Фрунзику было неудобно. Да и запутанно все было. Ведь это бросив только самый поверхностный взгляд можно было сказать, что мысли Фрунзика были о сексе. На самом деле все было значительно шире, чем это можно было представить раньше. Хотя он, конечно, и опасался в чем-то признаваться хоть кому-то. Разве что в период таких раздумий стал значительно больше пользоваться Машей. Куклой Машей. Ведь Маша действительно была кукла. А остальное все Фрунзик выдумал.

Фрунзик Гаранян на самом деле обращался с Машей как живой.

--Наверное, он даже и не считал, что она лишь кукла,-- предположил кто-то из знавших и Фрунзика и Машу.

А Фрунзик стеснялся признаться, что он и действительно не считал. Ведь где он еще мог найти такой вариант в жизни - чтобы с ним рядом жила женщина на полном подчинении у него. И при этом была всегда красива и ухожена, и каждый день в любом месяце согласна и готова на все.

Не существовало таких женщин, знал Фрунзик. Потому как это только казалось, что в 24 года он мог быть еще глуп да малоопытен.

На самом деле это было не совсем так. И самое главное, что каким-то образом Фрунзик открыл истину. И не стремился этой истиной с кем-то делиться. Зная, что все равно не поверят. Да еще обсмеют, нахамят, запишут в извращенцы.

А он просто жил. И был счастлив.

29.11.2007 год.

рассказ

Перестраховщик

Роцин был перестраховщик. До боли и до жути мелочный и... ранимый. Бережливый наверное все-таки. Бережливый. Так он считал. И где-то в своей тщедушной душонке тешил себя этим. А на самом деле – такие люди как Роцин мне никогда не нравились. Не было в них такого душевного размаха. Русского размаха. Того, что уже как бы и свойственно представителям наших широт. Нашего государства. Испокон веков стоявшего где-то на границе между Европой и Азией. И до сих пор так и не определевшейся – к кому оно ближе.

Хотя корни самого Роцина были какие-то монгольские. И ходили слухи, что один из его прадедов даже был хан. Монгольский, разумеется. Хотя сам Роцин уверенно отстаивал собственную гипотезу, что он русский. Пусть и глаза раскосые, и картавит как еврей, и нос как у грузина, и скулы как у бурята – но сам он русский. И явно обижался, когда кто-то принимался на это его убеждение – откровенно смеяться. Смеяться, по мнению Роцина, было не над чем. Да и на

самом деле, конечно, тут и не смеяться надо было. А, как минимум, плакать. Потому что, стоило только в собственности Рощина появиться какой-нибудь вещи (машине, например. Его последнему приобретению), и тотчас же у Якова Рощина начинали проявляться какие-то уж совсем отвратительные черты. Потому что начинал он трястись над этой самой вещью, думать только о ней, сдувать с нее пылинки, и зло (откровенно зло!) смотреть на каждого, кто, по мнению Рощина, стремился на эту самую его собственность – позариться. Хотя бы сесть в нее (в машину, в данном случае).

И уже только от возможности чего-то подобного – Рощин покрывался липким потом. Заикался. На него нападала какая-то жуткая (и непрекращающаяся) икота. И он совсем изменялся в лице. Потому что лицо его тотчас же становилось злобным, раздражительным, и... неуверенным. Неуверенным, должно быть, даже в том, что вообще возможна какая-нибудь другая мимика. Кроме той, которая была. Которая появлялась на лице Рощина. И он даже сам, наверное, невероятно переживал из-за этого. И совсем как будто не знал – что ему делать дальше.

И совсем не помнил – как он реагировал раньше. Если, конечно, предположить, что когда-нибудь Рощин реагировал как-то иначе.

Но мне так не казалось. И я вообще старался поменьше общаться с Яковым Рощиным. Можно сказать даже – избегать его. При этом сам же до конца и не осознавал – отчего так происходит. Ведь (по крайней мере—внешне) Яков выглядел вполне располагающим к себе молодым человеком. В меру упитанным. С круглыми, пухленькими, щечками. И какой-то не в меру стыдливой улыбочкой. Словно только что совершил что-то нечестное. Хитрое. Запретное. Направленное, быть может, даже против ближнего своего.

Хотя были ли те, кто с Яковым Рощиным общался – я не знал. И почти даже никогда не думал о том. Потому что, наверное, боялся в чем-то разочароваться. Ибо если и были у него товарищами – то отчего-то мне они казались такими же хитровыебанными как и Яков. (Кстати, я все время спотыкался на сочетании его имени и фамилии. Мне казалось, что кто-то что-то напутал. И если имя ему еще подходило, то уж фамилия должна была иметь совсем другое окончание: --баум, например, или – сон. Ну где-то так. Яков – Рощинбаум. Яков Роцинсон. Что-то на вроде того.)

Но к моему даже какому-то счастью – Яков так не считал. И у меня появлялась улыбка каждый раз, когда я (выходило это – ловил я себя на мысли – непреднамеренно) произносил – им же невольно и улыбаясь от такого глупого сочетания – имени и фамилии. Яков Роцин. Яков Сигизмундович Роцин. И получалось уже совсем черт знает что. Но что я мог поделать?

Но какой же Роцин на самом деле был перестраховщик. Если он вдруг пускал вас в свою машину, то я откровенно заебывался, постоянно помня о том, что этот идиот следит за тем, с каким усилием вы закрыли его дверь, чистая ли у вас обувь, не курите ли вы в машине, не слишком ли проминаете его кресло, и прочее и прочее. Так что уж действительно тысячи раз проклинаешь себя за то, что поддался на предложение Роцина «подвезти». Притом что я уже понимал, что и сам Роцин уже корит себя за свое «предположение». И переживает даже, наверное, не меньше вашего. А может даже и больше (и наверняка – больше).

И вы уже как будто и готовы побыстрее выйти из машины. Уже даже и забывая – о цели своей поездке. Точнее даже – напрочь забывая эту цель. А в голове у вас как счетчик постоянное щелкает необходимость выполнения соответствующих правил. Которые вы должны обязательно выполнить. Ибо сесть в машину и даже ехать в ней – это еще почти что и ничто. А вам еще предстояло вылезти из нее. Причем так, что бы у Роцина до конца не испортилось настроение (хотя настроение у него было испорчено всегда. Уже наверное от одного осознания вашего присутствия рядом с ним). И он что-нибудь не подумал вам вслед. Что-нибудь плохого. От которого -- уже будете переживать вы. Ибо как-то уже так выходило, что это именно вы, рядом с Роциным, оказывались уж слишком душевного ранимым и впечатлительным человеком. И как раз вы-то больше всего и переживали – что, мол, да и как. А Роцин... Если Роцин за что-то и переживал, то это скорее, больше была только игра. И только игра. И модель поведения. Которой отчего-то (и видимо когда-то) решил следовать этот чудак Яков Сигизмундович Роцин. Человек, который перестраховывался изначально не тем, что не допускал какой-то ситуации, а тем, что сначала сам организовывал ее, а потом доводил вас до белого каления постоянными придирками и предостережениями. Пока вы не чертыхнувшись – уходили прочь. А он смотрел недоуменно вам вслед. Должно быть думая, отчего же так произошло? Ну не идиот ли?..

15 апреля 2006 год

рассказ

Ни о чем не жалею...

Я бы мог его, конечно, послать на хуй. Но это было бы излишне откровенно, грубо, и очень невежливо в отношении моего старшего товарища. То, что он мой товарищ -- считал именно он. Я же считал его как минимум пидарасом. А еще я бы с удовольствием подсыпал ему яду. Но такого, чтобы он умер мгновенной смертью, не мучаясь. Я не хотел его мучений. Но еще больше я понимал, что такая гнида жить не должна. И я был обязан на что-то решиться, чтобы спасти человечество.

Решиться я не мог. Мне было неудобно даже сказать ему, что я с ним не хочу общаться. Притом что сам он на удивление не понимал. А я после общения с ним чувствовал себя негодяем. И... ничтожеством.

«Весьма печально, молодой человек»,-- сказал мне он, когда я как-то все же решился, и выпалил ему все, что о нем думаю. Думаю о тех словах, которые только что произнес он. Сейчас я уже не помню, о чем он говорил; но до сих пор уверен, что он думает всегда об одном и том же: о каких-нибудь мерзостях.

«Это исключительно мое мнение»,-- зачем-то сказал я.

Борис Аркадиевич как-то загадочно на меня посмотрел. Он не любил свою работу бригадиром над рабочими сценами в театре кукол. В душе Борис Аркадиевич хотел стать артистом. Я же был его подчиненный. Проработал я уже месяц, и думал о том, как бы мне не остаться еще на один. Работать я не хотел. Ну, в смысле, работать я хотел. Но не рабочим, пусть и сцены. Мне тогда было восемнадцать. Я был молодой поэт. Мои три стихотворения опубликовал литературный альманах. И я верил в свое большое будущее.

Борис Аркадиевич верил только в то, что я должен выполнять свои рабочие обязанности. Проблема была только в том, что я ни хуя не понимал, что и как я должен делать. В то время я почти каждый день находился под легким кайфом от приема барбитуры. Что располагало к ведению спокойной жизни, и мешало запомнить технические обязанности. То обстоятельство, что до этого я не забил ни одного гвоздя, только усиливало проблему. Я был подобен ребенку, которому дали задание склотить скворечник, забыв объяснить как держать молоток.

Борис Аркадиевич удивлялся моим неумелым попыткам и желанием все свести на шутку. «Да какая это на хуй шутка!» -- взорвался он, когда дал мне задание открыть служебный гараж, где хранился инструмент (у театра был свой автобус), а я, решив, что заклинило замок, распилил его ножовкой.

Я надеялся что меня выгонят. Поматерившись еще минут десять, Борис Аркадиевич сказал, что в принципе, хуй с ним, с замком. Повесим новый. Я понял, что работать сегодня все же придется. Хотя мне и удалось протянуть время до обеда.

«Обед, Аркадич,-- сказал я.— Давай сгоняю за пивом пока работы немного?»

Бригадир как-то странно на меня посмотрел. Он понимал, что работать я не хочу. Но он хотел пива. Он был тихий алкоголик. Об этом признался мне как-то сам, в минуты откровений, которые иногда находили на него (обычно после пива или водки).

«Даю тебе десять минут»,-- распорядился бригадир.

Я кивнул, не забыв собрать деньги с еще двух работников (они забивали «козла»).

В тот день я на работу не вернулся. А в очереди за пивом познакомился с удивительным человеком, Сергеем Квитко. Сергей Квитко был поэт. А еще он был пьяница. Мне тогда было восемнадцать, ему тридцать восемь. Высокий, с пышными белыми усами. Сначала я хотел дать ему в морду (уж не помню за что). Ему удалось перевести назревавший конфликт в дружбу. Он действительно стал моим другом. Мы пили три дня. Сначала мы пили три дня. Потом я позвонил домой, извинился, сказал, что жив-здоров и отмечаю день рождения друга. Просил сообщить на работу. После чего продолжил пить.

В перерывах между пьянками, я помню, вкраплялись какие-то картинки (падшие женщины, мужики в наколках, водка, пиво, вино, какая-то нехитрая закуска... стихи, которые то ли писал я, то ли мне показывал свое написанное Квитко...). Причем, по-моему, я даже занимал у каких-то знакомых деньги. Я не очень люблю занимать деньги, поэтому скорее всего я это делал с подачи Сергея. А еще я договорился с Сергеем, что он будет работать вместо меня в театре. В должности рабочего сцены. Видимо поэтому я и позвонил бригадиру. У меня был повод позвонить. Я нашел, кто меня сможет заменить. И я мог теперь уволиться.

--Хуй два!— быстро выговорил бригадир.

--То есть как?— запротестовал я.— Я же нашел человека. Работать я не могу. У меня убедительные причины. Человек готов хоть завтра приступить к работе, и...

--Он может прийти сейчас?— перебил меня Борис Аркадиевич.

Я посмотрел на пьяного Сергея Квитко, спящего на полу.

--В принципе может,-- неуверенно сказал я.— Приболел, правда, немного. Ангина.

--Значит пьяница,-- по-своему решил бригадир, вздохнув.— Он сильно пьет? – через время спросил Борис Аркадиевич.

--Да нет, что вы?— пытался я защищать друга до последнего.— У него аллергия на алкоголь. Пьет только воду.

--Колется, нюхает, глотает?... – быстро спросил бригадир.— Ну, в смысле, какие наркотики употребляет?— уточнил он.

--Почему вы так решили?— опешил я. И подумал о том, что бригадир мог узнать, что наркотики принимаю я.

--Да нет, я так спросил,-- вежливо сказал бригадир.— Как бы для порядка.

Я улыбнулся. Мне стало легче дышать.

--Ладно, давай, приходите завтра вместе. Напишите заявление. Ты «по собственному», твой кореш о приеме на работу.

Я поблагодарил Бориса Аркадиевича и повесил трубку.

На следующее утро я понял, что пойти на -- даже бывшую -- работу не смогу. Теперь мне было стыдно. Стыдно, что ушел в обеденный перерыв за пивом, и пропал почти на месяц. Стыдно за деньги, которые так и не отдал, пропив их с Квитко и с его собутыльниками. Мне вообще вдруг стало стыдно.

Сергей без меня идти отказывался.

--Не ставь меня в безвыходное положение,-- попросил я.

Сергей почему-то обиделся.

Мы продолжили пить.

.....

В один из дней я решил бросить пить. За эти дни в меня было влито столько, что организм уже начинал сигнализировать какими-то соматическими расстройствами. Квитко решил не пить еще вчера. У него вообще-то была язва. Водкой он по-своему лечил ее. Язва начала обостряться.

--Давай сделаем так,-- предложил я.— Я наберу номер бригадира, а ты сам поговоришь с ним.

--И что я ему скажу?— посмотрел на меня Сергей.

--Ну, объяснишь, почему ты не можешь выйти на работу...

.....

Когда я позвонил, мне сказали, что театр уехал на гастроли. Я вспомнил, что начиналось лето. Гастрольная пора. С чистой совестью я стал искать другую работу. Квитко мне предложил жить литературными заработками. Мы подсчитали сколько платят в газетах за сточку стихотворения, и поняли что это невозможно. «Если не писать сразу поэмы»,-- вздохнул Квитко. «Еще, наверное, надо чтобы их согласились печатать»,-- предположил я. Настроение у нас ухудшилось.

--А знаешь что?— загорелись глаза у Квитко.— Давай я устрою тебя к знакомому на стройку?

--Кем?— спросил я.

--Ну, начнешь разнорабочим,-- прикинул Сергей.— Потом получишь какую-нибудь рабочую специальность.

Я согласился. Я был пьян. И на тот момент мне было все равно.

Знакомого Квитко я не нашел. Побродив минут десять по стройке, я подумал, что лучше воровать, чем вкалывать с утра до вечера в пыли.

--Странно что ты его не нашел?— удивлялся Сергей, когда вечером я рассказал ему о своем «устройстве на работу».— Давай я ему сейчас позвоню,-- предложил он.

Я послал и его и его знакомого. Знакомого заочно.

--Значит, ты работать не хочешь... -- все понял Сергей Квитко.

Я согласился.

--А как думаешь жить?— искренне поинтересовался он.

--А ты как живешь?

Я узнал, что Квитко помимо стихотворений пишет статьи в газеты. Писать мне он не предложил. Да и в те годы, я, позже ставший зарабатывать писательством деньги, особо писать не стремился. Еще не был уверен в себе. Да и, если честно, я и сам не знал того что хотел. Передо мной была пустота. Чем заниматься в жизни я не знал. Мне хотелось руководить. Для этого надо было хотя бы закончить институт. Из института меня выгнали со второго курса (позже я сумел закончить даже два вуза). Еще было лучше просто сидеть дома. И писать, например, стихотворения. Сейчас думаю, если бы я выбрал этот путь, он бы ни к чему не привел. До распада СССР оставалось не больше года. А в начавшемся потом хаосе никто бы мои стихи не печатал. И что уж точно, я бы на них не смог прожить.

От полной безысходности меня спасла... тюрьма. Я случайно оказался во время очередной пьянки в каком-то притоне. Меня взяли вместе с теми, кто не смог убежать. Следователь стал «шить» дело, требуя, чтобы я сознался в избиении какого-то прокурорского работника. Потом неожиданно предложил взять на себя серию небольших краж, заверив, что тем самым я обеспечу себе авторитет в колонии, а за прокурорского работника меня могут убить или сделать инвалидом менты в СИЗО (пока я еще находился в КПЗ). Я согласился. Подписал все бумаги. На суде мне дали два с половиной года общего режима. Вышел я через полтора года по УДО. Передо мной была новая жизнь. Теперь я смотрел на нее другими глазами. От былой безысходности не осталось и следа.

И самое главное: я был преисполнен решимости жить. Обрел какую-то несвойственную раннее уверенность. И понял что смогу добиться всего что захочу.

.....

За двадцать лет прошедших с тех пор, я успел закончить два института, написать несколько книг, несколько раз жениться. Жизнь у меня действительно изменилась. Так же как и изменилась жизнь в стране. Садился я еще при Союзе, а вышел уже при демократии. И как-то уверенно смог

вписаться в новое время. Поэтому вполне могу признаться: я ни о чем не жалею. Если бы не было того срока, неизвестно кем бы я сейчас был. Быть может бомжем или пьяницей. А так...

P. S. Попытки отыскать Сергея Квитко ни к чему и не привели. Что с ним? Что произошло с некогда моим другом? Хорошо, если он смог вписаться в новую жизнь. Плохо, если сгнил где-нибудь... Мне бы этого не хотелось. И я очень хотел его найти...

5 октября 2006года

2004-2011 гг.

Сергей Зелинский.

© С.А.Зелинский. Паутина. Сборник повестей и рассказов.